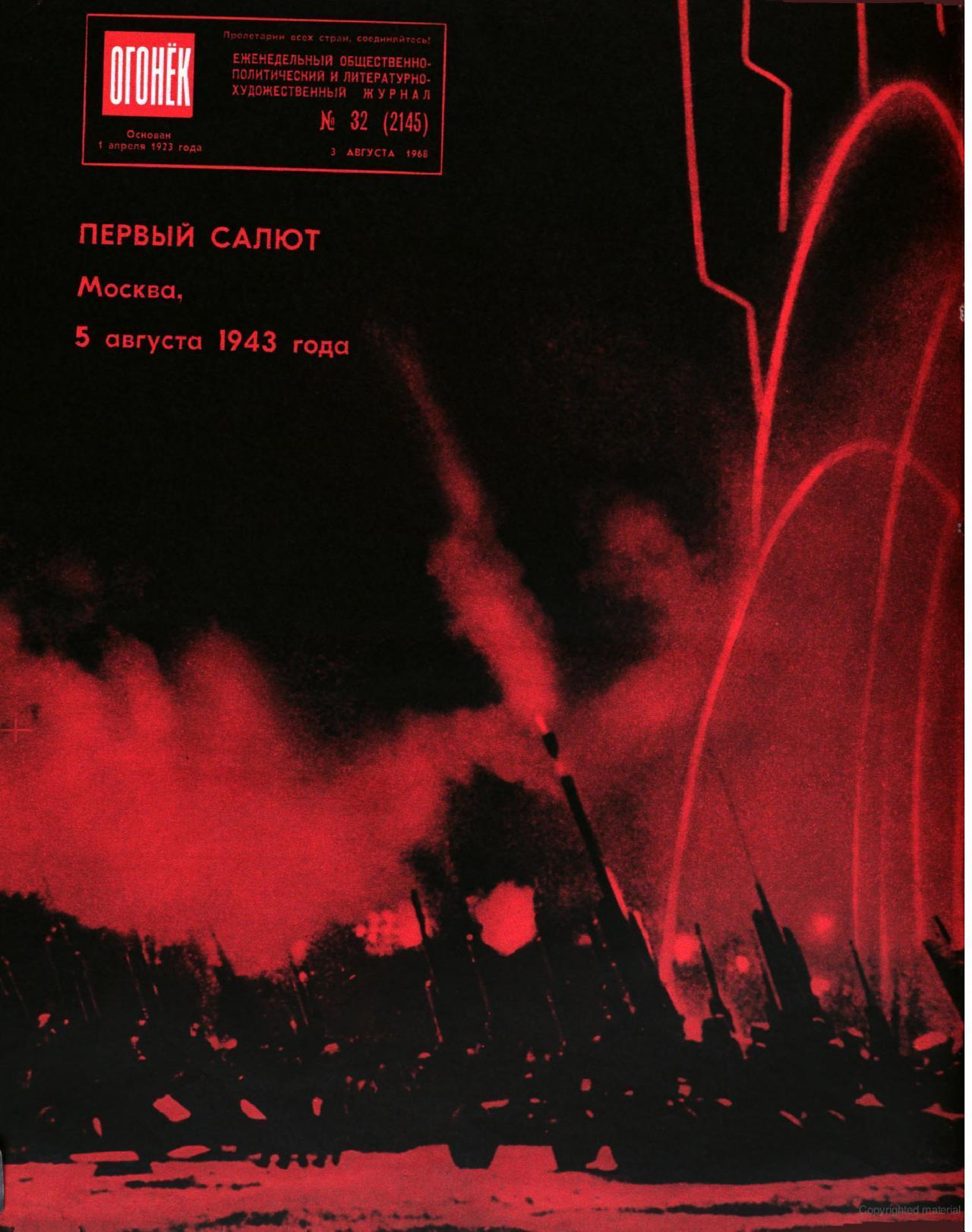

ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
СЛАВА ГЕРОЯМ КУРСКОЙ БИТВЫ!

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 32 (2145)
Основан 1 апреля 1923 года
3 АВГУСТА 1968



ПЕРВЫЙ САЛЮТ

Москва,

5 августа 1943 года



КУРСКАЯ БИТВА

Генерал армии М. М. ПОПОВ,
Герой Советского Союза,
бывший командующий Брянским фронтом

К весне 1943 года, после блестящей исторической победы под Сталинградом, наши армии, наступавшие на Курском направлении, глубоко вклинились в расположение фашистских войск. Однако в силу ряда причин развить успех, особенно на флангах, мы не смогли. Так образовалась дуга, вошедшая в историю под названием Курской. Отсюда наше Верховное командование намеревалось возобновить наступление после приведения в порядок войск и соответствующего пополнения их техникой и материальными средствами.

К этому времени гитлеровская Германия и ее союзники-сателлиты были глубоко потрясены сокрушительными ударами Красной Армии под Сталинградом и в других операциях зимней кампании. Гитлер и военно-политическое руководство фашистского рейха решили во что бы то ни стало вернуть утраченную инициативу и изменить ход войны в свою пользу. Местом своего летнего наступления немецко-фашистское командование избрало район Курской дуги и сразу же приступило к тщательной разработке плана операции, закодированной под названием «Цитадель».

Этим планом намечалось нанести два главных удара по советским войскам, занимавшим Курский выступ. Один — из района Орла, другой — из района Белгород — Харьков в общем направлении на Курск. Таким образом гитлеровцы рассчитывали окружить и разгромить наши войска, находившиеся на Курской дуге, а затем нанести новый стремительный удар в тыл Юго-Западного фронта или на северо-восток в обход Москвы и разгромить всю Центральную группировку советских войск.

Естественно, что фашистская Германия делала все возможное, чтобы укрепить свои армии, пополнить их, дать новую мощную технику, в том числе новые танки «тигр» и «пантера», самоходные орудия типа «фердинанд» с мощной броней и вооружением, а также новые



самолеты, обладающие высокими по тем временам скоростями. Одновременно германская промышленность развернула производство новых орудий, минометов и боеприпасов. Все это делалось, разумеется, в строжайшей тайне. Но как бы тщательно ни скрывал свои планы немецко-фашистский генералитет, наша Ставка своевременно разгадала замыслы врага и благодаря этому сумела подготовиться к вражескому наступлению, сорвать намерения Гитлера.

Именно против Курской дуги ожидались главные мощные удары врага. Это предопределяло план действий наших войск: упорной, заранее подготовленной, глубоко эшелонированной, непреодолимой обороной измотать и обескровить противника, а затем мощным контрнаступлением завершить его разгром.

Оборонительную операцию на Курской дуге и последующее контрнаступление намечалось осуществить силами Центрального фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского — на Северном фасе дуги и Воронежского, под командованием генерала Н. Ф. Ватутина — на Южном. Командование Брянского фронта получило задачу совместно с войсками левого крыла Западного фронта подготовить и провести наступательную операцию в общем направлении на Орел — Брянск и нанести удар по тылам немецкой группировки, противостоящей Центральному фронту. Операцию намечалось начать примерно на шестые-седьмые сутки оборонительного сражения на Курской дуге. Эта операция должна была обеспечить решительный успех советских войск и получила условное наименование «Кутузов».

Задача была не из простых. Фронту противостояла оборона противника, создававшаяся им на протяжении около двух лет. Она представляла собою развитые на большую глубину позиции, состоявшие из многих линий траншей и ходов сообщения с многочисленными укрытыми огневыми точками, бронеколпаками, блиндажами, наблюдательными пунктами, бесчисленными рядами проволочных заграждений, противотанковых минных полей, рвов и эскарпов. Таких позиций было несколько. Последняя из них прикрывала непосредственные подступы к Орлу. Да и в самом Орле большинство каменных зданий гитлеровцы приспособили к обороне.

Подобную оборону нашим войскам предстояло прорывать впервые. Требовалась особенно тщательная подготовка.

В результате многих детальных рекогносцировок, в ходе которых тщательно и всесторонне изучалась оборона противника и все его боевые возможности, после детального изучения местности и точного анализа и учета состава, состояния и возможностей войск нашего фронта и соседей у нас постепенно созревал план операции.

Как и всегда, душой разработки этого плана являлся штаб фронта во главе с одним из опытнейших начальников штаба, генералом Л. М. Сандаловым, умело, я бы сказал, талантливо организовавшим сложную и многогранную работу большого коллектива штаба фронта, начальников штабов родов войск и всемерно помогавшего штабам армий. Естественно, вся эта сложная творческая работа велась в тесном содружестве с командующими армиями: Шестьдесят первой — генералом П. А. Беловым, Третьей — генералом А. В. Горбатовым, Шестьдесят третьей — генералом В. Я. Колпакчи и командующим Воздушной армией генералом Науменко и их штабами.

После разработки и тщательного отбора многих возможных вариантов был разработан план наступательной операции «Кутузов». План этот в основном сводился к следующему: прорвать оборону противника в районе Новосиля и одновременно нанести два глубоких рассекающих удара, охватывая Орел с севера и юга. Конечной целью этих двух ударов было овладение городом.

Начался новый этап в деятельности штабов и войск. Штабы армий приступили к разработке собственных оперативных планов. Определялись боевые задачи корпусам и дивизиям, уточнялось распределение и задачи артиллерии и других родов войск, отбирались наиболее выгодные варианты перегруппировки и смены войск, способы и места проделывания проходов в минных полях — в своих и противника, и многие другие важные вопросы, связанные с подготовкой наступления.

Особенно большая работа ложилась на плечи артиллерийских начальников и их штабов. Прочная оборона врага и мощное усиление фронта и армий артиллерийскими соединениями и частями требовали исключительно умелого и продуманного распределения артиллерии усиления, правильного создания артгрупп, определения их позиционных районов, задач и целей.

Огромную работу проводили наши политорганы и партийные организации, поднимая патриотический дух воинов и готовя их к предстоящим боям.

Обширные задачи пришлось решить и службам тыла. Ведь им предстояло подвезти и накопить колоссальнейшие ресурсы всех видов материальных средств, потребных для обеспечения операции. Сделать это было очень трудно: не хватало автотранспорта, а железные дороги, занятые оперативными перевозками, были перегружены.

На переднем крае сотни пар глаз разведчиков и командиров всех степеней, усиленных оптикой — биноклями и стереотрубами, днем и ночью «сверлили» оборону врага, тщательно отмечая малейшие перемены на передовой и в ближайшем тылу.

В большой, напряженной работе всех звеньев сложнейшего фронтового организма прошли апрель, май, июнь. Гитлер неоднократно переносил сроки начала наступления. Мы могли только предполагать, что он боится нас и выжидает, чтобы мы начали первыми, или просто продолжает накапливать войска и особенно технику.

В конце июня на КП фронта прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Хорошо знакомый с планом операции «Кутузов», он подробно вникал в ход укомплектования и подготовки войск, в состояние и накопление ресурсов, особенно боеприпасов и горючего, проверял поступление боевой техники и прибытие частей усиления. На другое утро после его прибытия мы выехали в район наблюдательного пункта 63-й армии, куда был вызван и командарм-3 генерал Горбатов. С НП 63-й армии почти полностью был виден участок, на котором предстояло прорываться нашей ударной группировке. На большую глубину просматривалась и немецкая оборона. Не один час Г. К. Жуков и я провели у окуляров стереотруб, уточняя каждый будущий шаг, выискивая все могущие возникнуть осложнения и тут же определяя необходимые контрмеры.

После этого Г. К. Жуков передал мне такое указание И. В. Сталина: «Лето в разгаре, оно уже повернуло на вторую половину, а Гитлер все еще не начинает ожидаемых нами ударов. Если он не начнет в ближайшие дни, то, чтобы не терять самого благоприятного для ведения боевых операций времени, нам первыми придется перейти в наступление. К подготовке этого наступления следует немедля приступить».

— Конечно, Брянскому фронту,— сказал в заключение Г. К. Жуков,— это сделать проще. А вот К. К. Рокоссовскому и Н. Ф. Ватутину, находящимся в глубокой обороне, придется значительно труднее.

На этом закончилась наша последняя встреча с маршалом Жуковым, предшествующая сражению. Он уехал, а мы немедленно приступили к разработке дополнений и уточнений к плану «Кутузов», необходимых на случай перехода в наступление первыми. Но эти дополнения не понадобились. В начале июля все четыре фронта получили из Ставки сообщение, что окончательно наступление немцев можно ожидать между 3 и 6 июля. 5 июля около шести утра меня разбудил взволнованный Л. М. Сандалов. Он доложил, что немцы после мощной артиллерийской и авиационной подготовки атаковали позиции Центрального фронта массой танков и пехоты.

— На нашем фронте,— сказал начальник штаба,— пока все спокойно.

— Начал все-таки! — одновременно вырвалось у нас обоих.

Некоторое время спустя в штаб фронта поступили данные о том, что аналогичное наступление гитлеровцы предприняли и против Воронежского фронта. Так на рассвете 5 июля 1943 года началась великая битва на Курской дуге. Весь этот день мы с неослабным вниманием следили за развитием сражения на Центральном фронте, где противнику ценою больших потерь, несмотря на все упорство, геро-



«Завоеватели» идут на восток.
Фото М. Савина.

изм и стойкость наших войск, удалось на ряде участков вклиниться в нашу оборону и овладеть первыми линиями траншей. Примерно так же развивались события и на Воронежском фронте. К исходу дня позвонил Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин и спросил, известно ли мне, что происходит у Рокоссовского.

— Известно достаточно точно,— отвечал я.

— Когда же вы сможете начать своего «Кутузова»?

— Как предусмотрено — через шесть-семь суток.

— Ну, а раньше вы никак не могли бы начать? Скажем, на один-два дня?

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Но прошу сохранить установленный вами срок.

— Ну что ж, вынужден с вами согласиться. Приступайте немедленно к подготовке!

Верховный Главнокомандующий знал, что войска, предназначавшиеся для наступления, находились в 100—150 километрах от переднего края. Они приводились в порядок и вели боевую подготовку в относительно спокойной обстановке. А главное, не привлекали внимания гитлеровцев к нашему направлению. Потому-то при планировании операции «Кутузов» и были утверждены эти шесть-семь суток для перегруппировки войск, выхода их на исходное положение и для минимально необходимых приготовлений к штурму.

Пока мы перегруппировывали войска, на Курском выступе по-прежнему шли ожесточеннейшие бои, в которые вовлекались постепенно и резервы Ставки. Противник на некоторых направлениях продолжал наступать, вклиниваясь в нашу оборону, не считаясь с тем, что каждый шаг стоил ему тысяч трупов солдат и офицеров и массы подбитых танков. На рассвете 12 июля хорошо обученные, подготовленные, экипированные и оснащенные техникой войска Брянского фронта после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление. С моего наблюдательного пункта, на котором находился и Г. К. Жуков, прибывший накануне, раскрывалась необъятнейшая панорама атаки пехотных цепей, танков и самоходок, двигавшихся вслед за уходящим все далее и далее мощным огневым валом артиллерийского огня, закрывавшего горизонт. С воздуха штурмовики и бомбардировщики непрерывно атаковали боевые порядки противника. Гитлеровцы, потрясенные нашей артподготовкой и ударами авиации, огрызались слабо. Фашистская авиация на сей раз бездействовала.

Успешно продвигавшиеся войска постепенно исчезали из поля нашего наблюдения, и о достигнутых рубежах мы узнавали только по докладам командармов. К концу этого напряженнейшего дня наши войска прорвали немецкую оборону на всем участке наступления и вклинились в нее на глубину в пять — семь километров. Следом пришло еще одно радостное известие: в этот день по всей Курской дуге гитлеровцы прекратили наступление и перешли к обороне. «Похоже, «Цитадель» потерпела крах»,— подумал я.

Все последующие дни наступление наших войск продолжало развиваться успешно, хотя в несколько меньшем темпе, чем намечалось. Удары войск Брянского и левого крыла Западного фронта потрясли всю оборону врага на Орловском плацдарме. Но окончательно сломить его сопротивление нам еще не удалось. Используя опорные пункты и узлы сопротивления в глубине обороны, противник продолжал яростно сопротивляться. Кроме того, немцы, перешедшие с 12 июля к обороне против войск Центрального фронта, стали оттуда подтягивать танковые и пехотные дивизии на наше направление.

Недостаточная обеспеченность нашего фронта танками и все возрастающее сопротивление противника обусловили постепенное замедление наступления.

Понятно поэтому, как мы обрадовались, когда вечером 17 июля меня вызвал к телефону И. В. Сталин и, как всегда, поинтересовавшись состоянием дел на фронте, спросил:

— Известно ли вам, что в вашем тылу стоит Третья гвардейская танковая армия Рыбалко, которая находится в резерве Ставки? Имеете ли вы с ней связь?

— Известно. Связь надежная. Непрерывно поддерживается.

— Вы лично знакомы с Рыбалко?

— Знаком много лет.

— Мы решили армию Рыбалко передать в ваше подчинение. Немедленно свяжитесь с ним, передайте ему об этом, потребуйте поднять армию по тревоге и выступать в район по вашему определению, где-то у реки Олешня. Директиву пошлем позже!

Я немедленно вызвал по телефону Рыбалко, передал ему указание Верховного Главнокомандующего и попросил на самолете прибыть ко мне на КП фронта. На рассвете 18-го числа П. С. Рыбалко явился на КП. Мы провели оперативное совещание, на котором отработали детали ввода в прорыв танковой армии. 19 июля с НП командарма-3 А. В. Горбатова мы наблюдали за вводом танков в прорыв. Сначала движение танков шло удачно. Но затем танкистам пришлось ввязаться в бои с опорными пунктами немцев, оборонявшимися в глубине и состоявшими преимущественно из танковых групп. Из-за этого танковой армии не удалось выйти на оперативный простор. Тем не менее боевые наступательные действия танкистов в значительной степени оживили активность 3-й и 63-й армий и помогли ускорить их продвижение.

Уже в ночь на 21 июля противник оставил Мценск и под натиском наших войск продолжал отходить на других участках фронта. Наступательный порыв наших войск с приближением к Орлу все более нарастал.

Чем ближе к Орлу, тем яростнее оборонялись гитлеровцы. Активизировалась немецкая авиация. Особенно она донимала 3-ю танковую армию. Еще бы! Противник, у которого к этому времени уже полностью провалилась пресловутая «Цитадель», прекрасно понимал, чем грозило успешное продвижение массы советских танков в направлении Орла!

Вечером 25 июля мне позвонил Верховный Главнокомандующий и спросил, как мы думаем использовать танковую армию Рыбалко под Орлом. Я отвечал, что сам задумываюсь над этим. Орел разрезан пополам рекой Окой. Севернее и южнее города тоже петляет Ока. Для преодоления реки ни у Рыбалко, ни у нас во фронте переправочных средств нет. Словом, я сам еще не решил, что дальше делать с танковой армией.

И. В. Сталин сказал:

— Мы тоже думаем над этим вопросом. Нам кажется, что было бы целесообразно передать Рыбалко Рокоссовскому. У него больше широких просторов для использования танковых войск.

Я ответил согласием. И тут же получил указание о немедленной передаче армии Рыбалко Рокоссовскому.

По телефону я поблагодарил Рыбалко за хорошую боевую работу и пожелал дальнейших успехов. Затем мы согласовали с К. К. Рокоссовским, который был очень обрадован таким приобретением, и со штабом Центрального фронта маршруты следования танковой армии в район сосредоточения и сообщили нашим командармам о ее уходе.

Так 3-я танковая армия вышла из состава войск Брянского фронта, что значительно ослабило силу нашего удара.

Но это не сломило непреклонной воли войск к победе. Несмотря на все возрастающее сопротивление врага, наши поредевшие армии продолжали наступление. Массовый героизм солдат и офицеров, казалось, не знал предела.

Танкисты 4-й танковой армии вели упорные бои, пытаясь прорвать неожиданную преграду у города Болхова. Г. К. Жуков предложил мне использовать остающееся светлое время и вместе с ним выехать в район боев 4-й танковой армии. На НП В. М. Баданова из его доклада и по личным наблюдениям стало ясно, что немцы успели подтянуть сюда значительное количество противотанковых средств —

пушек, самоходных орудий и «фаустников», удачно развернули и замаскировали их на холмах, поросших высокими хлебами. Попытки танкистов прорвать этот рубеж в лоб не давали результатов. Леса по флангам не позволяли его обойти. Даже невооруженным глазом были хорошо видны на поле боя наши подбитые и горящие танки.

Нужно было немедленно принимать какие-то меры. С утра следующего дня, 30 июля, Г. К. Жуков и я побывали на НП командиров корпусов и некоторых бригад, изучили местность и ход этого явно неудачного для нас боя. К вечеру обо всем происходящем мы доложили в Ставку. Нам было приказано вылететь в Москву. После моего краткого доклада, сопровождавшегося замечаниями Г. К. Жукова, Ставка приняла решение: наступление танковой армии немедленно прекратить. Этой же ночью сменить Баданова войсками 11-й гвардейской армии, которой дать сутки на подготовку и поручить прорвать противотанковый рубеж противника. Баданову же срочно приводиться в порядок и готовиться к повторному вводу в прорыв. После некоторых дополнительных указаний Верховный Главнокомандующий приказал мне возвращаться. Через тридцать минут я был уже в воздухе, пробыв на этот раз в Кремле ровно один час.

Дальнейшие события протекали, как и было задумано. Пехота И. Х. Баграмяна, наступая по ржи, разогнала и в значительной степени уничтожила противотанковые точки противника и буквально через 2—3 часа уже продвигалась, не встречая почти никакого сопротивления. Это один из тех редких случаев, которые все-таки бывают на войне. Пехота прорвала противотанковую оборону и расчистила путь танкистам! Высокая рожь, которую (им в этом не откажешь) умело использовали фашисты, подпуская наши танки вплотную и расстреливая их в упор, обернулась против них. Наши гвардейцы-пехотинцы, искусно маскируясь во ржи, подбирались вплотную к огневым точкам гитлеровцев, забрасывали их гранатами, расстреливали автоматным и пулеметным огнем расчеты орудий и «фаустников».

Вскоре 4-я танковая снова была введена в прорыв, обогнала боевые порядки пехоты и устремилась вперед на Хотынец.

Благоприятная боевая обстановка позволила мне, конечно, с соответствующего разрешения, вернуться на Орловское направление. Здесь наши войска завершили прорыв последней, очень сильной оборонительной позиции немцев. 3—4 августа дивизии 3-й и 63-й армий вели бои уже непосредственно на подступах к городу, а некоторые из них ворвались на окраины. С замиранием сердца смотрели мы на лежавший впереди в дыму и огне родной наш Орел. В эти дни Военный совет фронта обратился к воинам с призывом: «Бойцы и командиры! На ваших глазах уничтожается гитлеровскими бандитами Орел... Два-три часа стремительного наступления не позволят врагу окончательно разрушить наш родной город. Вперед, на скорейшее его освобождение!»

Около пяти часов утра 5 августа позвонил командарм-3 А. В. Горбатов и взволнованно, радостным голосом доложил, что Орел полностью освобожден от противника и что войска продолжают продвижение. На мой вопрос, насколько он уверен в этом, он отвечал, что находится непосредственно вблизи города, имеет устойчивую связь с командирами 308-й и 380-й дивизий, которые еще вчера днем вели бои на улицах, что ночью связь ни разу не прерывалась и вот только сейчас комдивы доложили по телефону о происходящих у них событиях. Я искренне поблагодарил и поздравил его с большой победой, но просил еще раз все тщательно проверить и доложить.

Начальник штаба фронта Л. М. Сандалов тоже доложил, что получены, правда, пока телефонные, доклады о полном освобождении Орла.

— Готовить донесение Ставке?— спросил он.

— Зачем спешить? Это — очень ответственное донесение. Давайте сейчас на самолете пошлем в Орел хорошего офицера с задачей проверить истинное положение в городе... По его возвращении и донесем в Москву.

Через полчаса тщательно проинструктированный офицер — майор Блинков — помчался на аэродром. Мы напряженно ждали. Время шло, а майор Блинков все не возвращался. В 10 часов позвонил заместитель начальника Генштаба генерал А. И. Антонов, поздравил со взятием Орла и поинтересовался, почему мы официально об этом не доносим. Я объяснил Антонову, что с нетерпением жду возвращения посланного в Орел офицера. Около 13 часов, не получая от меня известий, А. И. Антонов позвонил снова и попросил всемерно поторопиться. К слову, он рассказал, что только что у И. В. Сталина обсуждался вопрос, как отметить эту крупную победу, что вспоминали петровские времена и что приказано готовить салют и фейерверк.

Наконец майор Блинков вернулся и доложил, что объехал на попутных машинах весь город, побывал на его окраинах и что наши войска уже находятся далеко к западу от Орла. Задержался же он потому, что улицы завалены обломками, забиты обозами и ему пришлось много колесить.

А поздним вечером 5 августа мы слушали передававшийся по радио приказ Верховного Главнокомандующего, адресованный войскам Брянского фронта, освободившим Орел, и войскам Степного и Воронежского фронтов, овладевшим Белгородом, и всем взаимодействовавшим с ними фронтам. Затем радио донесло до нас отзвуки двенадцати залпов первого в истории Великой Отечественной войны салюта.

Меж тем фронтовая жизнь шла своим чередом. С утра 6 августа войска фронта без всякой передышки продолжали стремительное наступление в направлении Брянска... Мы шли в победное наступление и были уверены, что не остановимся до конца войны, шли к окончательной великой Победе, выкованной титаническим трудом всего советского народа.

РЯДОВОЙ АРМИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

В Советском Союзе гостит делегация Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама, принимающая участие в праздновании месячника солидарности советского и вьетнамского народов. Корреспондент «Огонька» А. Игнатов встретился с одним из членов этой делегации — товарищем НГУЕНОМ ВАН ЗЫНГОМ.

Он невысокого роста. На груди — значок НВСО и сине-красная планка ордена с двумя звездочками. Нгуен дает интервью журналисту впервые в жизни.

Ему двадцать пять лет. До двадцати он жил в деревне, в провинции Куангчи. Отец умер рано, оставив шесть детей,— двух братьев и четырех сестер. Старший брат ушел в армию Освобождения. На плечи Нгуена легла забота о младших сестрах и помощь матери. А когда девочки подросли и взяли хозяйство в свои руки, пришло время сражаться и Нгуену.

С тех пор прошло пять лет. В каких только операциях не принимал участия Нгуен! Лежал в засадах и штурмовал высоты, нападал на посты противника и прикрывал отход своих частей.

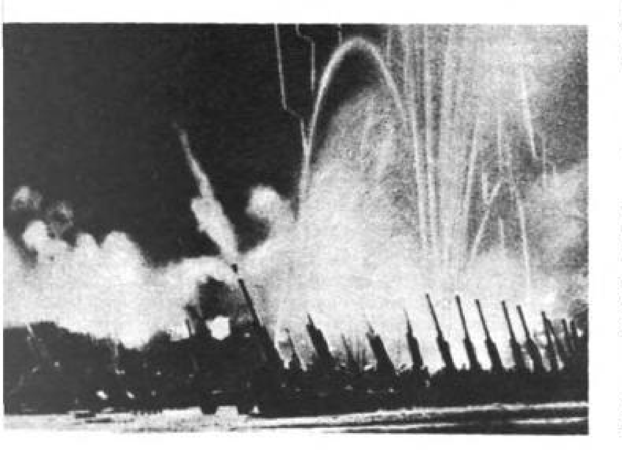
— Как прошел первый бой?

— Это было 20 ноября 1963 года. Мы атаковали крупный вражеский пост около деревни Зок Миеу. Я уничтожил тогда девять солдат противника, из них восемь американцев.

— Нгуен, а что у вас за орден и как вы его получили?

ШЕСТЬ МИНУТ

З. АБРАМОВ



...Мы на квартире одного из тех, кто в августовскую полночь 1943 года дирижировал торжественными залпами первого салюта в честь освобождения от фашистских захватчиков Орла и Белгорода. Даниил Арсентьевич Журавлев, генерал-полковник артиллерии запаса, в ту пору командовал Московским фронтом ПВО, оборонявшим небо Москвы.

Навстречу нам поднимается уже немолодой, с седеющей гривой густых волос, высокий, бравый, спортивного вида человек.

— Вы спрашиваете, почему именно 12 залпов из 124 орудий прозвучали в ту августовскую ночь? Дело прошлое, но и тогда, когда меня вызвали в Государственный Комитет Обороны и спросили, знаю ли я, как производить салюты по случаю победы, я чистосердечно признался, что никогда не приходилось с подобными салютами дело иметь. Меня уведомили, что времени осталось мало, салют надо произвести сегодня же и я должен принять все необходимые меры.

Все те годы, с первого дня войны, ко мне обращались с одним-единственным вопросом: готов ли я к отражению воздушного налета на Москву? В течение ноября 1941 года враг совершил 41 воздушный налет на столицу. Бывало и так, что стволы зениток нам приходилось направлять и на наземные цели. Все это я к тому вам говорю, чтобы вы получили представление, каким странным показался мне в тот августовский день вопрос: «Есть ли у вас холостые снаряды?» Все наше внимание было сосредоточено на том, чтобы иметь на батареях побольше боекомплектов. Батареи почти все время находились в боевой готовности номер один. До августа сорок третьего ни разу никто и не вспоминал даже о существовании холостых снарядов, которыми мы пользовались в мирное время на учениях. И вдруг: «Есть ли у вас холостые снаряды?» Обыскали все склады и с трудом набрали немногим более тысячи штук. Тут я вспомнил, что в мирное время на военных парадах отдавались салюты в Кремле. Я немедля позвонил коменданту Кремля, спросил, нет ли у него холостых снарядов. «Как же,— ответил он,— имеются...» «А для каких пушек?» «Для наших, горных, из которых мы обычно давали праздничные салюты». «А сколько их у вас?» «24 штуки»,— ответил комендант.

Ну и прекрасно. Тут же я мысленно прибавил эти 24 к сотне своих орудий, которые



— Это орден «За боевые заслуги». Две звезды означают, что это орден II степени. Меня наградили в 1964 году. Наше подразделение вело бой с карательным отрядом. Я и еще двое солдат остались с пулеметом в засаде. Втроем мы несколько часов удерживали атаки двух взводов американо-сайгонских войск. Все трое после этой операции получили награды.

Помимо ордена, Нгуен Ван Зынг имеет еще одно отличие — звание «зунг си». В переводе с вьетнамского оно означает «храбрец, уничтожающий американцев». Его получает тот, кто в ходе одного боя поразит четырнадцать солдат противника. Это звание Нгуен заслужил в бою у Лангвея, который называют «воротами Кхесани».

Но армия для Нгуена не только сражения. Вместе с товарищами Нгуен помогает крестьянам освобожденных районов обрабатывать землю, ухаживать за скотом. В армии Нгуен научился грамоте — вместе с друзьями он читает теперь газету Фронта «Флаг освобождения». В армии Нгуен познакомился с девушкой,—она работала в хозяйственном отделении,—которая стала его женой. У Нгуен Ван Зынга — сын. Ему три года. В подразделении, в котором сражается Нгуен, есть транзисторный приемник, по нему бойцы слушают станцию «Освобождения», Ханой, передачи московского радио на вьетнамском языке. Они в курсе всех событий.

Нгуен уверен: недолго осталось ждать. Скоро, совсем скоро он вместе с женой и сыном вернется домой.

Фото В. Кузьмина.

СВЯЩЕННА ПАМЯТЬ ГЕРОЕВ

Священна память героев. Их подвиги хранит людская память, их имена присваиваются улицам и заводам, колхозам и школам. В Ровно установлен памятник Олеко Дундичу, прославленному разведчику Н. И. Кузнецову, улицы соседнего Дубно носят имена балтийского моряка В. П. Рыкуна и Героя Советского Союза летчика И. И. Иванова. Недавно в селе Мирогоща открылся памятник еще одному отважному воину — командиру кавалерийской бригады Первой конной армии Семену Михайловичу Патоличеву.

Полный георгиевский кавалер, Семен Михайлович Патоличев в годы Советской власти продолжал служить народу. Когда в Ярославле вспыхнул контрреволюционный мятеж, он участвовал в его подавлении, занимался формированием и подготовкой кавалерийских частей Красной Армии. В 1919 году С. М. Патоличев был назначен командиром кавалерийского полка и участвовал в боях против белогвардейских войск на Урале и в Поволжье. Отличился полк при взятии города Актюбинска. Затем полк вливается в состав Первой конной армии. Вскоре С. М. Патоличев назначается командиром кавалерийской бригады. Комбрига всегда видели там, где труднее всего, где опаснее всего, где он был нужнее всего.

За умелое руководство боевыми действиями, за личную храбрость и беззаветную преданность революции Семен Михайлович был награжден орденом Красного Знамени. Комбриг погиб 19 июля 1920 года в боях у переправы через реку Ика, в районе села Мирогоща. С. М. Буденный, вспоминая о тех днях, пишет в книге «Пройденный путь»: «Тяжелой утратой для Конармии была гибель талантливого кавалерийского начальника С. М. Патоличева. Кто знал этого скромного и умного, в бою спокойного и уравновешенного, в жизни доброго и по-отечески ласкового человека, тот глубоко уважал его и навсегда сохранил о нем светлую память».

А. ЮРЬЕВ
Фото автора.





Завершилось издание Собрания сочинений В. Маяковского — только что вышел из печати последний, восьмой том.

Во многих стихах, напечатанных на страницах этого тома, звучит гордость советского гражданина за свое Отечество. Это знаменитые «Стихи о советском паспорте», широко известный «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», стихотворение «Мы»:

Мы —
Маркони
гигантских взлетов,
энергий
и светов,
но главное в нас —
и это
ничем не заслóнится,—
главное в нас,
это — наша
Страна советов,
советская стройка,
советское знамя,
советское солнце.

Поэт снова и снова подчеркивает в своих стихах мысль о неразрывном единстве партии с народом:

и у нас
и у массы
и мысль одна
и одна
генеральная линия.

В замечательном стихотворении «Разговор с товарищем Лениным» Маяковский высказывает всенародную любовь к Ильичу и непоколебимую верность его делу, его заветам:

вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!

Содержание восьмого тома разнообразно: сюда вошли стихотворения, статьи и выступления 1929—1930 годов, «Во весь голос (Первое вступление в поэму)», в котором поэт рассказывает «о времени и о себе», стихи для детей, лозунги-плакаты, реклама. На вкладках — интересные фотографии, рисунки Маяковского к «Окнам сатиры». Том завершается алфавитным указателем произведений, вошедших в Собрание сочинений.

собирался взять на разных батареях. Взять, да так, чтобы не нарушить сложной системы противовоздушной обороны столицы. Я мог теперь доложить, что салют будет произведен 12 залпами из 124 орудий. Повторяю: 100 наших и 24 горных, кремлевских. Теперь вы знаете происхождение двух этих цифр.

Но рассказ этот не был бы полным, если б я не вспомнил еще одно обстоятельство. Вы, наверное, слышали, что в разгар войны бойцами Московского фронта ПВО стали более 20 тысяч девушек. Это были главным образом студентки. И вот, вернувшись из ГКО, я вызвал одну из них — Веру Владимирскую. Я помнил, что пришла она к нам из МГУ, где училась на третьем курсе исторического факультета. К Вере я обратился с тем же вопросом, с которым обратились ко мне в ГКО. Я спросил у нее, что ей известно о салютах. Она ответила, что последний экзамен в МГУ сдавала в первый день войны, но о салютах на факультете у них ни разу ничего не говорилось. И тут же добавила: «Если хотите, я сбегаю в Ленинскую библиотеку, тем более что у меня со студенческих лет сохранился читательский билет, и там подберу соответствующую литературу». Я предупредил ее, что времени для изучения этого вопроса мало — не более двух-трех часов.

— Какие же бывают салюты? — спросил я, как только Вера вновь показалась на пороге.

— Морские и победные.

— Меня интересуют победные.

И тут начался ее рассказ об истории салютов, рассказ, который неоднократно прерывался телефонными звонками по поводу того же салюта. Он начался в полночь и продолжался шесть минут.

Сейчас Вера Ивановна Владимирская вновь в стенах Московского государственного университета: она преподает историю. Но вряд ли кто-либо из ее нынешних студентов знает, что их преподавательница внесла и свою лепту в ту историю, которую сейчас читает на кафедре...

— Изменилось ли количество орудий и залпов после первого салюта? — спросили мы у генерала.

— Как же! Был взят Харьков. И тогда решили в честь этой победы дать 20 залпов из 224 орудий. Вскоре вошли в жизнь три категории салютов. Первая — 24 залпа из 324 орудий, вторая — 20 залпов из 224 орудий, третья — 12 залпов из 124 орудий.

— Где же вам удалось раздобыть столько холостых снарядов?

— О, после первого салюта была создана, можно сказать, целая «салютная индустрия»! Заготовили громадные партии холостых снарядов, ракет и т. д. Бывало и так, что в один и тот же день отдавали несколько салютов, а в День Победы 9 мая 1945 года дали салют 30 залпами из тысячи орудий.

Вернемся, однако, к началу нашей беседы. Мы упомянули, что первый салют продолжался шесть минут. Почему именно шесть? А вот почему. Меня спросили, в каком темпе я думаю производить салют. И я ответил: через 30 секунд один выстрел. Вот сложите все эти тридцатки или, вернее, умножьте на 12 залпов, и получится шесть минут.



ИДЕТ ФЕСТИВАЛЬ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ
Фото А. БОЧИНИНА. *Специальные корреспонденты «Огонька»*

Начался Девятый Всемирный. Встречи, спортивные игры, концерты и дискуссии проходят не только в Софии, но и в Старом Пловдиве, на шести холмах, как будто созданном из гранита и кованого железа, в пестрой, как радуга, Копривштице, известной своей старинной архитектурой, в Ломе, Ямболе, Хаскове и других городах. Но центр — София. Древняя и вечно молодая.

Болгарский ђоэт Никола Инджов и его друг публицист Димитр Езекиев утверждают, что до открытия фестиваля в Софии жило 922 643 человека 38 национальностей, из которых 868 981 — болгары. Из них 30 — более ста лет, 138 758 — не исполнилось пятнадцати, 234 932 человека — комсомольского возраста.

Если юноши и девушки были в Софии самой многочисленной категорией населения до фестиваля, то представляете, как выросло их число сейчас, когда 143 страны прислали сюда своих делегатов!

Среди них почетный гость фестиваля — Анри Мартен, с которым мы встретились.

— Что самое характерное для софийского фестиваля? — спрашиваем мы.

— Конечно, солидарность с Вьетнамом,— отвечает Анри Мартен.— Сейчас я уже не молод,— говорит он, улыбаясь,— но я участвовал в борьбе, будучи молодым. Был делегатом двух фестивалей молодежи и студентов — в Бухаресте и в Москве.

К сожалению, в Бухарест я опоздал,— вспоминает Анри Мартен,— так как сидел в тюрьме. Я отказался воевать во Вьетнаме. Тогда Франция пыталась поработить этот героический народ. В тюрьму меня посадили за агитацию против войны во Вьетнаме, которую я вел среди французских солдат.

— Какие основные черты вы видите в молодежи 68-го года?

— Мне кажется, что она очень боевая и стремится активно участвовать в политике. Но ведь и наше поколение, когда было молодым, тоже отличалось боевитостью.

Что я помню о московском фестивале? О, все помню! Я приехал в Москву впервые, и поэтому в моей памяти Москва навсегда слилась с фестивалем, с его благородными лозунгами.

Мне очень понравилась советская молодежь. Она очень эрудированная. Мне было особенно приятно оттого, что в Москве хорошо знают мою страну, ее историю, французскую литературу и поэзию. Да, я поддерживаю молодых американских солдат, отказавшихся воевать во Вьетнаме. Конечно! Это требует большого личного мужества. Но индивидуальный протест не единственный путь.

Нас останавливает паренек в клетчатой рубашке.

— Где я могу найти Леонова? — спрашивает он. Оказывается, он мечтает стать космонавтом, а пока приехал на фестиваль как делегат от Болгарского общества... филателистов. Конечно, в его коллекции есть марки, посвященные освоению космоса.

Мы предлагаем пареньку пойти с нами на улицу Готвальда, дом 4. Там расположено Общество болгаро-советской дружбы. Там выступает космонавт Алексей Леонов, почетный гость фестиваля.

— Наша общая цель,— говорит он,— не допустить больше новой войны, остановить варварскую войну во Вьетнаме. Лозунг Всемирного фестиваля молодежи и студентов — за солидарность, мир и дружбу — лозунг, за который люди погибают, но всегда останутся в памяти человечества. И в этом его сила и благородство.

...Да, лозунги фестиваля, безусловно, «самая большая политика».

Мы взяли наугад один из дней фестиваля и подсчитали, что для того, чтобы поспеть на все мероприятия и встречи, понадобится 472 часа. Где же их взять, если в сутках всего 24 часа?

Кстати сказать, эти наши весьма приблизительные подсчеты относятся только к мероприятиям, предусмотренным официальной программой. Но разве можно все предусмотреть? Программа растет на глазах, как живое существо, и старая одежда ей делается мала.

А по улицам Софии проходят новые и новые толпы людей. В национальных костюмах и коротких шортах, в мини-юбках и джемперах, в длинных сари и в формах различных делегаций, приехавших на фестиваль.

Но, пожалуй, популярнее всего сейчас в Софии белая шапочка с козырьком и фестивальной ромашкой.

То там, то тут звучит припев новой песни, родившейся на фестивале. Композитор Александр Аверкин написал ее тут, в Софии.

«Слова простые, родные слова: Москва — София, София — Москва». Идет фестиваль...

День открытия. На стадионе советская делегация. Впереди почетные гости молодежи: В. Николаева-Терешкова и А. Леонов.



Зажжен огонь фестиваля...





Так встречала Болгария посланцев героического Вьетнама.

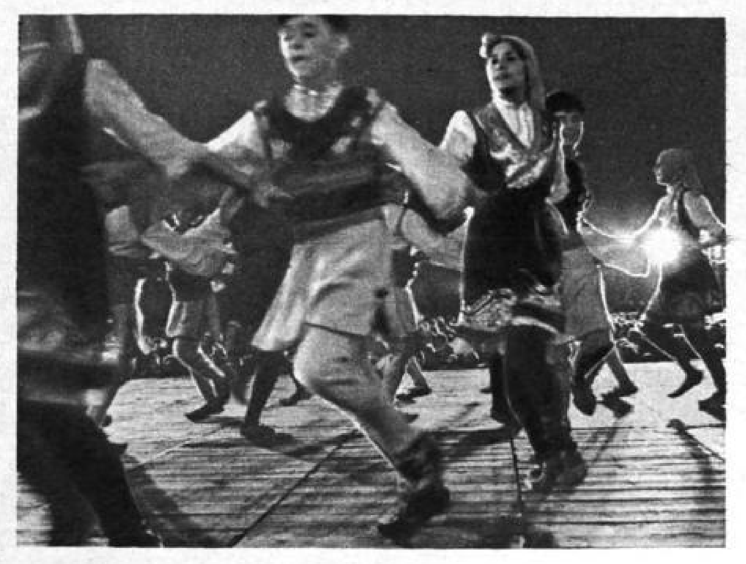


Делегатка далекого Судана.



Ярок, зажигателен ритм молодежных встреч.

Танцует болгарская молодежь.





ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Перед нами — недавно вышедший из печати 14-й номер журнала «Театральная жизнь». Есть в нем рецензии на спектакли, творческие портреты артистов, публикации из истории русского театра, размышления зрителя; есть рассказ, фельетон и даже кроссворд; много информации самой разнообразной; много иллюстраций, со вкусом сделанных; дружеские шаржи...

В общем, обычный номер, и все же в ряду других, ему предшествующих, он необычен. Им завершен десятилетний период деятельности журнала. Сама же эта деятельность насыщена активной борьбой за передовой советский театр, за коммунистическую идейность советского театрального искусства.

В первом номере «Театральной жизни», в августе 1958 года поступившем в киоски, новому органу Министерства культуры Российской Федерации, Всероссийского театрального общества и Союза писателей РСФСР сказали напутственное слово А. Яблочкина, М. Кедров, Ал. Попов и другие деятели театра и драматургии.

Писатель Л. Соболев так сформулировал кредо нового журнала, с которым знакомились читатели:

«Журнал должен быть знаменем борьбы против ревизионистского пессимизма, против формалистического бесплодия, против обывательского мелкотемья, против подмены больших проблем развлекательным бездумьем».

Что ж, эти задачи стали программой действий редакции. Редакция «Театральной жизни» сплотила вокруг себя большой авторский актив. На страницах журнала можно встретить имена крупнейших артистов, драматургов, деятелей театра и театральной критики.

Активно вторгается журнал в сложные, подчас противоречивые процессы жизни театра, поддерживая все талантливое и прогрессивное в творчестве и в то же время предостерегая от опасности оступиться, свернуть с пути социалистического реализма.

Широк круг интересов журнала. Театры драматические и музыкально-драматические, оперные и балетные, юного зрителя и кукольные — сотни театральных коллективов Российской Федерации находятся в поле зрения корреспондентов «Театральной жизни». Особое место занимают здесь материалы, посвященные театральному искусству автономных республик. Год за годом, шаг за шагом журнал следит за развитием национальных театров, помогая им дружеским советом, бережно пестуя молодежь, пропагандируя лучшие произведения драматургии.

В ногу со временем! Таков девиз журнала, снискавшего широкое признание театральной общественности и зрителей. Он стал активным пропагандистом решений партии по вопросам идеологии.

Выпущено 240 номеров! Материалы, опубликованные в них,— живая летопись советского театра, а творческие портреты режиссеров и актеров — обширная галерея замечательных мастеров...

И. Флоринский

Награждению комсомола первым орденом посвящается

Ленинскому комсомолу в октябре — пятьдесят лет. Не правда ли, противоестественно звучит это неожиданное сочетание слов: «комсомол» и «пятидесятилетие»! Ну, конечно, юность не знает юбилеев, но в данном случае «пятьдесят» не означает возраста, это сама История ведет счет годам, прожитым молодежью Страны Советов под знаменем Ленинского Коммунистического Союза.

Рожденные бурей прошли огневые годы, знали холод и голод, но всегда оставались верными матери-Родине. Сегодня на знамени Ленинского комсомола — пять орденов. Поколениям самоотверженных вручались высокие награды за подвиги в годы смертельных схваток с врагами Революции, за труд на стройках и пашнях.

«Огонек» начинает рассказ о пяти орденах Ленинского комсомола. Орден первый — 1928 год, вручен поколению юных комиссаров, поколению юных подпольщиков и первых конармейцев. Первый орден был боевым!..



Славные товарищи

Н. АНДРЕЕВ

За окном город. Город из песни, Каховка. Год? Год нынешний, пятидесятый — по летосчислению Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

...Отчего просыпается город? Его будят птицы — гулкая соловьиная бессонница, крики близких чаек да писки суматошных ласточек у самого раскрытого окна. Его будят куранты; медные молоточки выстукивают с детства знакомое: «Каховка, Каховка — родная винтовка...» И голоса людей, спешащих от пристани на базар, грохот колхозных грузовиков. И снова — медь с детства знакомой мелодии: «Горячая пуля, лети!..» Но чаще всего город просыпается от голосов пионерских труб. Юные трубачи рады случаю разбудить весь мир и его новый день:

— Слушайте все, слушайте все!

И Каховка слушает. Каховка вспоминает.

Последнее письмо комсомолки Доры Любарской, маленькой, слабенькой, но такой сильной Доры:

«5 (18) янв. 1920 года.

Славные товарищи!

Я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Через 8 дней мне будет 22 года, а вечером меня расстреляют. Мне жаль, что погибну так,— жаль, что мало мною сделано для революции. Только теперь я чувствую себя сознательной революционеркой и партийной работницей. Как вела я себя при аресте, при приговоре, вам расскажут мои товарищи. Мне говорят, что я была молодцом.

Целую мою старенькую мамочку-товарища. Чувствую себя сознательной и не жалею о таком конце. Ведь я умираю, как честная коммунистка. Мы, все приговоренные, держим себя прилично — бодро. Сегодня читали в последний раз газету. Уже на Берислав, Перекоп наступают. Скоро-скоро вздохнет вся Украина, и начнется живая созидательная работа. Жаль, что не могу принять участие в ней. Ну, прощайте. Будьте счастливы».

...а вечером их расстреляли.

Трудно было в те годы в степи под Херсоном. Только замахнулись рабочие на «священные устои», как накатились железной волной германцы. Убрались восвояси они — пришли золотопогонники Деникина, потом, через год, полки Врангеля. Прилив — отлив, прилив... Что ни год, то новые юные добровольцы уходили в революционное подполье, в красную конницу, на бой за власть Советов. За ту самую, о которой мечтали каховские мальчишки Яша Писаренко и его дружок-приятель Андрей Зайцев. Это он, Яша (о, как это давно было, если сегодня уже почти забыли люди имя Писаренко — то ли Яша, то ли Ваня?),— исторический факт, что именно он, Писаренко, организовал и возглавил в местечке Каховка Социалистический союз рабочей молодежи, прообраз будущей комсомолии. А был он всего-навсего учеником слесаря на заводе Гуревича, и было ему, теоретику, от роду пятнадцать лет, но паренек что надо, головастый, с социал-демократами дружил и всегда держал язык за зубами.

Их расстреляли солдаты кайзера в 1918 году — и Писаренко и Зайцева,— каховских мальчишек, первых, можно сказать, комсомольцев Украины, всей нашей страны. А вот Володя Полищук еще повоевал за рабоче-крестьянскую власть! Он, правда, не успел стать красноармейцем, но по велению совести своей и решению комсомольской ячейки выполнил не одно задание командиров Красной Армии, не раз даже Днепр переплывал у Каховки в тот переменчивый и очень долгий 1920 год — с донесениями и данными красной разведки. Однажды орленка схватили и без долгих разговоров поставили к стенке. Белые спешили: на Каховский плацдарм прибыл Фрунзе.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...

В день пятидесятилетия ВЛКСМ они все — и павшие в борьбе и поныне живые — станут в строй на перекличку. И самые первые, которые организовали в Каховке Социалистический союз рабочей молодежи, и те, что в марте 1920 года назвали себя комсомольцами: юный герой Володя Полищук, Жора и Шура Погореловы, Гриша Зайцев, Илюша и Зяма Меламед, Ефим Хаенко, Маня и Иосиф Бузик, Феня Кривовус... И вот ведь не напишешь, что их была малая горсточка, нет! Более 70 подростков и девчат вступили тогда, в двадцатом году, в комсомол в местечке и в окрестных селах. Документы, собранные в Каховском музее, напоминают, что секретарями ячейки в те годы были Илюша Меламед, Гриша Кравченко, Ефим Хаенко, Тамара Фленель... Вот под стеклом, как дорогая реликвия, комсомольский билет. Не билет, а желтая страничка, словно справка «дано сие...». Но какие торжественные слова! Гремят поблекшие чернила:

«УССР
Комитет Коммунистического
Союза Молодежи

(Взамен членского билета)
На смену старшим, в борьбе уставшим.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего тов. И. Меламед действительно является членом Коммунистического Союза Молодежи (Каховская организация)

Апреля 3 дня 1920 г.».

Апрель двадцатого, когда в Каховке стояли врангелевцы, когда расстреляли Володю Полищука...

— Слушайте все!— поет пионерская труба на улице сегодняшней Каховки. У памятника Ленину сбор. Пионерия рапортует комсомолу.

...И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет.

Каховка горела. Приходилось несколько раз ее оставлять, снова с боем брать... Когда красные откатывались, большевики и комсомольцы уходили в подполье, к партизанам. Лютовали каратели полковника Шохина, но дерзко действовали юные революционеры. Потому что рядом были старшие товарищи — Военный революционный комитет, а в городе — рабочее самоуправление. В феврале 1919 года большевики и сочувствующие стали готовить восстание. Оно удалось, было создано Каховское правительство: Сайкин — председатель ревкома, Иосиф Туренко — военком, Янов Савченко — нарком финансов, Сема Кохновер — нарком образования, Иван Беляев — нарком продовольствия. А когда налетела банда Дорошенко, красный командир Дыбенко прислал подмогу в свободную Каховку — 120 бойцов.

Город переходил из рук в руки. Вот стихла пальба, выскочили на улицу мальчишки и девчонки, жадно читают громкие листы на заборах, на стенах домов.

«ПРИКАЗ № 66

по войскам и учреждениям Днепровского уездного штаба по военным делам
26-го июня 1919 года

Товарищи крестьяне и рабочие!

...от Ваших успехов дрогнул иностранный капитал всего мира.

...близок уже тот день, когда не будет границ между государствами, не будет делений на господ и рабов, на белых и черных, а все пять частей света будут представлять одно целое царство трудящихся с общими интересами и задачами жизни.

Товарищи крестьяне и рабочие. Оставляя Вас у власти — Вы дали нам клятву, что при угрозе революции на наш зов явитесь немедленно во всеоружии и раз навсегда уничтожите обнаруженную контрреволюцию...»

Уходили комсомольцы на гражданскую войну. Тем, кто родился и жил в Каховке, недалеко было идти. Они брали винтовки и шли за город, в плавни, в степь, где еще недавно были высокие травы. Здесь был Каховский плацдарм.

Рассказывает Иван Григорьевич Новиков, ветеран гражданской войны, житель Новой Каховки:

«А ведь я не был комсомольцем! Восемнадцати лет вступил в партию большевиков. Так случилось, наверное, потому, что у нас в 15-й дивизии были партячейки. А вот с каховским комсомолом была теснейшая связь, я и мои товарищи — мы ведь сверстниками комсомольцам были! Командиру дивизии Лацису было 20 лет, мы уже успели и с белочехами повоевать и с колчаковцами. Я рано попал в красноармейцы, восемнадцати не было...

В апреле 1918 года добровольцем вступил в Красную Армию, попал на орловскую батарею 15-й дивизии. Вскоре стал политбойцом, иногда заменял комиссара.

Ночь с 4 на 5 сентября 1920 года. Каховка уже наша. Мы на батарее. Я тогда был секретарем в комячейке. И вдруг — танки! Страхоподобные, неуклюжие, они прорвались через цепи пехоты и двинулись на Бериславскую переправу. У всех у нас — у председателя комячейки Ивана Кобзева, у наводчика, старого солдата — лет 30 уже было ему — Федора Машина и у меня — было такое чувство: пусть погибнем, но хоть что-то сделаем. Порыв! И мы не стали ждать. Снялись с позиции и погнали лошадей с нашим четвертым орудием вперед — в ночь, навстречу гуду железа. Проскочили немного, вдруг дохнула ночь бензином, танковым перегаром. Развернули лошадей, дали выстрел. Но второпях так близко, что меня ранило. Дали второй, куда-то попали! Танк завертелся. «Есть одна стерва!..» Мы в восторге и «ура» орем, а второй танк обошел и подавил все наши снаряды. Ночь, ни черта не видно!.. Мы ему пустили вдогонку... Утром узнали, что подбили мы танк «Сфинкс», и тогда же, утром, от пленных узнали, что, оказывается, белогвардейцы лежали цепью под нашим четвертым орудием — в ужасе притаились, думали, что мы наступаем!».

Из военной реляции 1920 года:

«За два месяца ожесточенных боев на Каховском плацдарме части Красной Армии отбили несколько атак 14 танков. Из них — 7 подбили, один провалился в баню у хутора Сухина, один остановлен и пленен, 5 повернули обратно, из коих 2 подожгли позже... Плененный танк «Три святителя» переименован в «Москвича-пролетария» в честь шефов 51-й дивизии Блюхера».

Так одержала еще одну победу Ударная группа.

А несколько лет спустя...

«Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик в ознаменование боевых заслуг Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи на фронтах гражданской войны в период 1919—1920 гг. против Колчака, Деникина, Юденича, белополяков и Врангеля, когда всесоюзные мобилизации членов ВЛКСМ влили в ряды Красной Армии десятки тысяч революционной молодежи, доказавших свою преданность делу пролетариата героическими подвигами и отдавших свою жизнь за победу социализма, награждает его орденом «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» — символом мировой социалистической революции».

...Зеленое поле молодой пшеницы. Девушки из самодеятельности готовятся к празднику в честь 50-летия Ленинского комсомола. Примеряют зеленые, как молодая пшеница, буденовки. Шлемы не мятые, не пыльные... И все-таки как изменились девчонки! Десятиклассница Люба Жиленко и совхозный библиотекарь из «Красного Перекопа» Наташа Феклина отступили в глубь десятилетий. И вместо них, сегодняшних, забот не знающих хохотушек, выступили легендарные Дора Любарская, Женя Жигалина, Ирина Масюткина...

Гудит степь за горящей Каховкой. Проносятся боевые колесницы великой гражданской войны — тачанки! Умчались в последнюю погоню. Одна за другой... А последняя остановилась, лошади вразлет! На миг один остановилась — и теперь уже навеки. В бронзе. И сразу тишина. Не ржут лошади, рвущие постромки, не слышно топота бронзой кованных копыт, не слышно, что кричит молодой конник, захлебнувшийся пороховым ветром,— он так и застыл, приподнявшись в порыве бешеной скачки.

Девчонка в краснозвездном шлеме читает стихи:

...какое новое сраженье ни покачнуло б шар земной,
я все равно паду на той, на той далекой, на гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной.

Тихо в степи. Бронзовые конармейцы, усталые степняки-трактористы и комсомолята — год приема 1968-й — все слушают девушку из нынешней Каховки. Славные товарищи. Потому что и к ним обращены слова той, замученной в белогвардейском застенке: «Славные товарищи!»



Комсомолка Люба Жиленко.

Фото Л. Шерстенникова.

КАХОВКА, ГОД 1968-й:





Салют пионеров.



«...И девушка наша проходит в шинели...»



На Каховском плацдарме.

Виктор МАЕВСКИЙ

МИРНАЯ НИСА

Фото автора.

За рулем нашей «Варшавы» уже немолодой, сухопарый человек с непослушным вихром волос, спадающим на лоб, и какой-то грустной усмешкой. Это Ришард. Машину он ведет спокойно, не суетится, и мы поспеваем всюду с большой точностью, несмотря на остановки в пути — все интересно! — не предусмотренные расписанием. В Зеленой Гуре поселился он несколько лет назад, раньше жил в Варшаве — и все за баранкой.

— Люблю я эту работу,— говорит Ришард.— Конечно, давно мог бы найти себе другое дело, но не хочу. Нравится. Сядешь за руль, едешь, людей повидаешь, поговоришь. И все думаешь.

— О чем же?

— О разном. Но больше — о прошлой войне. Вот мы Жагань проезжали — помните, памятник недалеко от дороги? Там был «сталаг УШЦ» — стандартный лагерь для военнопленных летчиков — англичан, американцев, русских. Как-то я видел американский фильм, в котором показывали вроде бы этот лагерь. Убежали, значит, американские летчики, а начальник лагеря, гитлеровец, плачет: как бы не пришлось наказать беглецов. Американцев поймали, вернули, и ничего не случилось. Не фильм, а цирк какой-то,— улыбается Ришард и продолжает:— Меня немцы схватили в Варшаве в сорок втором, и очутился я в концлагере под Щецином. Были там поляки, русские, французы. И немцы были — политические и те, кто бежал из армии. Их тоже держали в бараках, и также работали они, и эсэсовцы также издевались над ними. Помню, привезли немца — дезертировал с флота. Его били каждое утро — по пятьдесят плетей. А он кричал: «Гитлер капут!» У эсэсовцев аж пена у рта — так били. Дней десять это продолжалось, потом моряка увезли. Думаю, убили. Для нас, знаете, как это было: немец — и вдруг «Гитлер капут!». Освободила нас Красная Армия в 1944 году. Как пришли русские, кухню сразу закрыли, никого не подпускали: оказывается, фашисты, убегая, отравили пищу. Советские солдаты уже знали, что гитлеровцы так делают. Кормили нас из полевой кухни. Я тогда сорок килограммов весил всего-навсего. Трудно у нас найти семью, в которой кто-нибудь не погиб или не пострадал.

— Как и у нас,— говорю я.

— Да, я знаю. И на этой земле ваших тысячи и тысячи полегли,— говорит шофер.— Ну, вот и Згожелец...

Впереди видны пики костелов, но, оказывается, это уже за границей, в Германской Демократической Республике. Дорога сворачивает налево и тянется вдоль Нейсе, или Нисы-Лужицкой — неширокого притока Одера. Это тихая речка в зеленых кудрявых берегах. На левом берегу — германский город Герлиц, на правом — польский Згожелец.

На одном из перекрестков неожиданно возникает легкая башня из белых и красных кубов, на которых обозначены памятные полякам даты: «6.VII.1950. Подписан Згожельский договор»; «50-летие Великого Октября»; «XX лет Турошува».

6 июня 1950 года была подписана Варшавская декларация об установлении германо-польской государственной границы. Месяц спустя, 6 июля, здесь, в Згожельце, Польша и ГДР подписали договор, закрепивший государственную границу между Польшей и Германией от Свиноустья вдоль Одера и Нисы-Лужицкой до чехословацкой границы. Это произошло в здании бывшего военного музея, который теперь стал дворцом культуры. Там, где некогда прославлялось захватническое немецкое оружие, ныне прославляется разум человека: в залах дворца — выставка советской и польской книги, посвященная 50-летию Октября.



Граница Польши и ГДР — граница мира и дружбы.

Мы едем в Турошув, расположенный в узком вореке — мешке в верховьях Нисы, на стыке границ Польши, Чехословакии и ГДР. Здесь вырос крупный промышленный центр социалистической Польши. На дороге мелькает знак с надписью «Ренчин», и наш гид поясняет:

— Отсюда ровно полкилометра до Чехословакии и полкилометра до ГДР.

Здесь легче всего представить себе, как важно и с экономической и с политической точки зрения тесное братское сотрудничество между тремя соседними странами — Польшей, Чехословакией и Германской Демократической Республикой. В марте 1967 года в Варшаве был подписан на следующие двадцать лет новый договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Польшей и ЧССР, а затем — подобный договор между Польшей и ГДР. Выступая по случаю подписания договора с ГДР, Владислав Гомулка, в частности, сказал: «...Этот договор вместе с польско-советским и польско-чехословацким договорами служит не только безопасности наших стран, он одновременно укрепляет мир и безопасность в Европе».

Здесь мирная граница, и, наверное, поэтому ее не чувствуешь. Крестьяне спокойно работают в поле, убирают картофель. Гигантские опоры электропередач запросто шагают через Нису, за которой дымят трубы германской электростанции. А вот и Турошувская электростанция — одна из крупнейших в стране.

Директор Еугениуш Мруз был занят. Мы ожидали его в небольшом кабинете, где стояла застекленная витрина с какими-то непонятными металлическими изделиями. Нет, это не детали, которые иной раз можно видеть на заводских стендах. Скорее, это были произведения искусства...

Наверное, мы долго ломали бы себе голову, если бы не появился директор — высокий, моложавый, приветливый. Выяснилось, что коллекция металлоабстракций — хобби Мруза. И самое удивительное — что это не искусственные изделия, а естественные. В шаровобарабанных мельницах, применяемых для размельчения бурого угля, металлические части снашиваются и приобретают совершенно неожиданные формы.

— Вот и я собираю диковинные штуки,— рассказывает директор.— Каждый из этих предметов связан с жизнью предприятия, я помню, где его нашел, как это случилось. Ведь из тысячи деталей лишь одна оказывается действительно выразительной. Вот это, например, «кобра». Правда, похожа? А это «коррида» — смотрите, как сражаются. Вот голова пястовского орла, вот эти три звена одной цепи — наша дружба на стыке трех стран.

Директор быстро складывает какие-то металлические части:

— Актер Цибульский. Не правда ли, похож? Черт возьми, действительно похож!



Потом вместе с главным инженером мы осматриваем станцию и слушаем рассказ Мруза о том, как создавалось это крупное предприятие польской энергетики. Спроектировал станцию польский «Энергопроект», строилась она с помощью ряда стран. Первая турбина была пущена в 1962 году, последняя, седьмая,— в 1965 году.

— Знаете,— замечает Мруз,— мы как-то не задумываемся над своими буднями, а гости из разных стран недавно побывали у нас, посмотрели, говорят: большое впечатление производит станция, особенно поражают быстрые сроки строительства. И верно: наши рабочие трудятся хорошо. Выросли кадры!

Электроэнергия Турошувской станции поступает в энергосистему Польши и через нее — в энергокольцо Польша — Чехословакия — Венгрия — СССР — Румыния — Болгария — Польша. Главный диспетчерский пункт энергокольца находится в Праге. Есть также «малое кольцо»: Нижняя Силезия — Чехословакия — Верхняя Силезия — Нижняя Силезия.

Турошувская электростанция работает на буром угле, главном богатстве ворека. Уголь добывают на шахтах «Туров-I» и «Туров-II», они дают сейчас около 15 миллионов тонн. К двадцатилетию Турошува немецкие соседи подарили польским горнякам барельеф: рабочие двух стран по-братски пожимают друг другу руки. Монумент дружбы стоит перед зданием шахтоуправления.

В шахтоуправлении встречаемся с заместителем директора по делам рабочих Тадеушем Гайдой. Родился он в Варшаве, в 1944 году гитлеровцы вывезли его в Германию, после освобождения Красной Армией вернулся в столицу, а потом поехал на западные земли. Окончил профессиональную школу в Катовицах, экономическую школу во Вроцлаве, Высшую инженерную школу в ГДР. Вот уже несколько лет работает в Турошуве.

— Вопросы, которые приходится нам решать,— говорит Гайда,— наверное, такие же, как и на других предприятиях. Но у нас есть своя сложность: маленький ворек не имеет места для постройки поселков, жилищ. Поэтому строительство идет за семь километров отсюда — в Богатыне или в Згожельце. Строим школы, профшколы, детские сады, ясли, общежития. Конечно, есть трудности: в двух поселках у нас 12 тысяч человек. Организовали кружки, клубы, наши боксеры вошли в первую горняцкую лигу. Хотим построить дом отдыха для горняков в Кринице...

Возвращаемся в Згожелец.

Вот она, государственная граница.

Небольшой мост через Нису. На обоих концах несут службу пограничники. По мосту идут люди: поляки — в Герлиц, граждане ГДР — в Згожелец. Это не требует долгих формальностей. Города тесно связаны между собой, в ряде областей их экономика дополняет друг друга.

Но самое неожиданное на этой границе — дети, школьники. Сидят на пограничном шлагбауме, бегают по школьному двору у самой реки. Это згожельская школа № 1, может быть, единственная школа в мире, расположенная на самой границе. Наверное, мир стал бы другим, если бы на каждой границе была школа.

Нет, я не могу не зайти сюда, хоть нас никто и не ждет.

Занятия кончились, но учителя еще не разошлись. Охотно рассказывают о школе, о себе.

До войны в этом здании была почта. 15 сентября 1945 года здесь открылась первая в Згожельце школа, в которой учились на польском языке. Теперь в школе 20 классов, 900 учеников, около тридцати учителей.

Директор работает в школе уже двадцать второй год. Сейчас его нет: несмотря на свои годы, учится на педагогическом факультете в Кракове, поехал сдавать экзамены. Знакомлюсь с преподавателем физики и математики. Был воином польской армии, прошел с Люблинщины до Лабы, после войны был первым комендантом пограничной заставы. Молодой учитель польского языка и литературы рассказывает, что в школе учат немецкий язык, а в институте на той стороне — польский, и немецкие учителя проходят практику в згожельской школе. А по вечерам сюда приходят на курсы молодые польские рабочие с электростанции и шахт — для них организованы здесь курсы повышения квалификации.

В пролетарский праздник Первого мая к пограничному мосту с обеих сторон стекаются колонны трудящихся, приветствуют друг друга. С общей трибуны на мосту к польским и немецким труженикам обращаются руководители партийных комитетов двух городов. Немцы участвуют в праздновании польского национального праздника 22 июля, поляки — немецкого 7 октября, обмениваются делегациями на празднование Великого Октября, посылают друг к другу хоровые ансамбли, футбольные команды. А в субботу и воскресенье многие жители из ГДР отправляются в Польшу на уикэнд...

«Было бы интересно отправиться на ту сторону»,— думал я. Но нас ждали во Вроцлаве, и пришлось покинуть Згожелец.

И все-таки я побывал в Герлице.

Это произошло совсем недавно. Немецкие друзья пригласили меня на несколько дней в Берлин, и в один из этих дней мы отправились на Нейсе — только с другой стороны.

Герлиц показался давно знакомым. Пики кирх, шпили старинных башен, узкие средневековые улочки, источенные веками камни древних стен, площади, фонтаны, бульвары. В старинном здании ратуши нас встречал бургомистр. Им оказалась Ульрихе Хюбнер — молодая энергичная женщина, экономист по образованию. Она с охотой рассказывала о городе, в котором живет и работает больше десяти лет.

— Это типичный индустриальный город с населением около 90 тысяч,— говорит Хюбнер.— Крупнейшее наше предприятие — вагоностроительный завод. Есть также у нас машиностроительный и электротехнический заводы, завод конденсаторов, известное во всем мире предприятие, производящее оптические приборы, пошивочная фабрика и другие предприятия — народные, смешанные и частные — всего около ста. Наш город — туристский центр не только для граждан ГДР, но и для зарубежных туристов: через Герлиц лежит дорога в Польшу. Отношения между Герлицем и Згожельцем самые сердечные. И это выражается не только в обмене делегациями или в наших совместных праздниках. Это глубоко проникло в сознание жителей двух городов мирной границы.

В Герлице пятнадцать школ, экономический институт. Ульрихе Хюбнер рассказывает о планах расширения города, не без гордости показывает нам кварталы новых аккуратных четырехэтажных домов под черепичной крышей, расположенных на зеленых холмах, новые детские сады, магазины.

По извилистому тенистому склону спускаемся к реке. Вот и знакомый пограничный мост. Слева от въезда на него — здание герлицкого дворца культуры, на котором висит большой плакат: «Да здравствует наша социалистическая конституция!». Поляки идут в Герлиц, граждане социалистического германского государства — в Згожелец. Обычный день на мирной Нисе.

На этом можно было бы и поставить точку в репортаже, но нельзя не прокомментировать еще одну фотографию, переданную мне немецкими друзьями.

На ней канцлер ФРГ Кизингер и министр иностранных дел Брандт вместе с депутатом бундестага от социал-демократической партии Яном сфотографированы 29 апреля 1967 года на фоне карты Германии в границах 1937 года. В этом снимке, как в капле воды, отражена вся суть реваншистской политики Бонна: нежелание считаться с фактом существования двух германских государств, притязания на польские, чехословацкие, советские земли. В Западной Германии вновь поднимается мутная пена фашизма, и чрезвычайные законы, недавно принятые боннским парламентом, расчищают путь для нового «фюрера» и новых безумных планов «дранг нах остен» — «похода на восток», маскируемых речами о миролюбии Бонна.

Реваншистам, конечно, не по вкусу мирная граница ГДР и Польши.

Но возврата к прошлому не будет. Человечество заплатило такую цену за избавление от гитлеризма, что оно никогда не позволит реваншистам начать все сначала. Дружба жителей Герлица и Згожельца тому порукой.



Курская битва

Генерал-лейтенант М. КОЗЛОВ, бывший член Военного совета 13-й армии

Зимой 1943 года войска нашей 13-й армии, продвигаясь на запад, перерезали железную и шоссейную дороги Орел — Курск, а к середине марта вышли на рубеж Малоархангельск — Поныри.

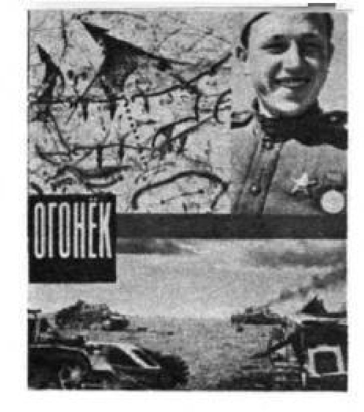
Мы знали, что немцы после зимнего поражения стремятся к реваншу. Более ста дней и ночей воины армии жили одной главной мыслью — все сделать для того, чтобы сорвать замысел врага. Но к встрече врага нужно было подготовиться. В напряженном труде была создана многополосная, глубоко эшелонированная оборона, главным образом противотанковая. Мы заранее знали, что у немцев есть новинки техники — танки «тигр» и «пантера», а также самоходные орудия «фердинанд». Не помню, каким путем мы еще до битвы узнали уязвимые места этих машин, и наши бойцы, особенно бронебойщики, встретили их уверенно, со знанием дела.

Борьба с танками противника — главная забота артиллерии. В 13-й армии на каждый километр фронта приходилось 84 ствола. Это невиданная для того времени плотность артиллерийского и минометного огня! В 36 противотанковых районах стояло 700 орудий! В полосе армии были установлены десятки тысяч мин, более 50 километров проволочных заграждений, из них часть электризованных. Таким образом, была создана мощная в инженерном отношении оборона.

Занимаясь укреплением обороны, Военный совет армии особое внимание уделял обучению нового пополнения, главным образом устранению танкобоязни. В этих целях широко практиковалась обкатка танками. Через траншеи, где сидели бойцы, проходил наш танк, и они убеждались, что танк не так уж страшен, если траншея глубокая.

Работники штаба во главе с генералом А. В. Петрушевским приложили много усилий, чтобы четко организовать взаимодействие родов войск, наладить устойчивую связь и управление войсками. Тыл армии во главе с генералом Г. А. Курносовым материально обеспечил предстоящую операцию, а член Военного совета полковник Н. Г. Чернышев контролировал эту важную и ответственную работу.

Все видели, что Родина обеспечила своих защитников всем необходимым для успешной борьбы с грозной военной техникой врага. Теперь требовалось подготовить солдат к предстоящим тяжелым испытаниям, создать у них уверенность в том, что мы обязательно разгромим врага. Партийные и комсомольские организации добивались



В самом пекле сражения

такой уверенности. Политотдел армии во главе с полковником Н. Ф. Вороновым организовывал эту работу. Лучшие бойцы и командиры вступали в партию и комсомол. Только за время подготовки к сражению девять тысяч воинов были приняты в партию, шесть тысяч — в комсомол. Во всех батальонах, дивизионах были созданы первичные партийные и комсомольские организации, а в ротах и батареях — низовые. Это еще более приблизило парторганизации к массе бойцов. Из числа проверенных в боях коммунистов были подобраны парторги батальонов и рот, обязанностью которых было обеспечить передовую роль всех коммунистов как в оборудовании обороны, в боевой учебе, так и в бою.

К нам в армию часто приезжал командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский и предупреждал, что, видимо, на участке 13-й армии противник будет наносить главный удар. Все чувствовали, что события приближаются, но никто не знал дня и часа. Наконец, командование фронтом сообщило: наступление немцев ожидается 3—6 июля. Напряжение нарастало. Оно, конечно, изматывало силы и нервы людей. В течение многих дней до этого наша разведка не давала результатов. А внезапность наступления противника была для нас крайне невыгодна, даже опасна. Вот почему командующий армией генерал Николай Павлович Пухов требовал достать языка. И вот, к нашему счастью, 4 июля в 22 часа (за несколько часов до наступления немцев) разведчики 15-й стрелковой дивизии захватили пленного рядового Фермелло. Разведгруппой командовал 22-летний лейтенант, бывший слесарь Рязанского депо И. С. Мелешников. В группе захвата был парторг роты старший сержант А. И. Иванов, младший сержант М. И. Лозинский, рядовые Ф. Г. Семенов и А. С. Гузынин.

Пленный был разговорчив. На вопрос «Когда?» ответил: «В три часа». Уточнили некоторые данные — все совпадало. Больше никаких сомнений не осталось.

По докладу командарма командующий фронтом К. К. Рокоссовский приказал провести контрартподготовку. Позже мы узнали, что наш упреждающий удар ошеломил врага. Но гитлеровское командование уже не могло остановить заведенную машину, хотя и вынуждено было все-таки отложить начало атаки на два часа.

Однако мы еще не знали, где противник нанесет свой главный удар — на нашем правом или на левом фланге, или по центру фронта армии. А от этого зависело, куда именно подтягивать нам резервы. Видимо, и противник решил сначала прощупать нашу оборону, найти слабые места.

Самыми драматическими были первые минуты боя, когда противник после артиллерийской и авиационной подготовки короткими ударами повел наступление по всей полосе армии. Посыпались доклады из разных мест о том, что противник именно здесь наносит свой основной удар. Но командарм понимал, что враг еще не раскрыл полностью свой план. А когда узнал, что в одном месте гитлеровские танки прорвались, но пехота наша осталась в окопах и ведет бой с пехотой противника, отрезанной от танков, тогда Николай Павлович Пухов с облегчением вздохнул: «Обкатка танками дает результаты!» А для борьбы с прорвавшимися танками у нас было достаточно артиллерии.

Наконец четко обозначилось направление главного удара — на левом фланге против стрелковых дивизий полковника Н. Д. Джанджгавы и генерала А. Б. Баринова. Сюда противник бросил лавину танков, в том числе много «тигров», «пантер» в сопровождении самоходных установок «фердинанд». Враг надеялся мощным танковым ударом прорвать фронт и затем двинуться прямо на Курск. Для достижения этого он не жалел ни сил, ни средств. Вот уже отбиты четыре яростных атаки, а враг бросает все новые и новые силы, не считаясь с потерями. Полки 15-й и 81-й дивизий упорно сопротивляются. Им оказывают помощь фронтовая авиация и артиллерийские резервы. Но натиск врага не ослабевает, и наши части несут большие потери, а местами отходят...

Особую устойчивость проявил 676-й стрелковый полк под командованием подполковника Н. Н. Оноприенко. Противник так и не смог сбить его с позиций, несмотря на неоднократные атаки. Тогда гитлеровцы обошли полк с флангов и отрезали его от тылов, но стрелковые батальоны заняли круговую оборону, по-прежнему отбивали все немецкие атаки. Только ночью по приказу командующего полк этот с боем вырвался из кольца и отошел на новые позиции.

Так закончился первый день битвы. Противник хотя и вклинился в нашу оборону на левом фланге, но полностью своей задачи не выполнил.

Второй день битвы. С рассветом в районе Ольховатки разгорелась ожесточенная схватка. Противник ввел в бой свежие танковые соединения. И мы тогда же ввели новые силы: части 17-го гвардейского корпуса генерала А. Г. Бондарева и две бригады 16-го танкового корпуса. Весь день на земле и в воздухе не затихал гул битвы ни на минуту. Исключительную стойкость в боях второго дня показали гвардейцы 6-й, 70-й и 75-й дивизий, которыми командовали генералы Д. П. Онуприенко, И. А. Гусев, В. А. Горишний. Продолжали борьбу с наступающим противником и воины 15-й и 81-й дивизий, принявшие на себя основной удар немцев в первый день битвы. Полки 81-й дивизии в течение двух дней были в самом пекле сражения. Они уничтожили за это время до 9 тысяч немецко-фашистских солдат и офицеров и 70 танков. В яростной схватке дивизия за два первых дня боев сама потеряла 2 518 человек.

К исходу второго дня сражения противник ценой огромных потерь в людях и технике захватил участок обороны в два раза меньший, чем в первый день.

Ожесточенные бои развернулись на третий день сражения в районе Понырей. Здесь на отдельных участках дело доходило до рукопашных схваток... В этих боях отличились солдаты 307-й дивизии генерала М. А. Еншина, 129-й танковой бригады полковника Н. В. Петрушина, гвардейцы 18-го корпуса генерала И. М. Афонина. Да, третий день сражения был самым тяжелым. А закончился он провалом планов врага. Помню, вечером того же третьего дня битвы К. К. Рокоссовский в разговоре с командармом сказал: «Мы выиграли оборонительное сражение».

Враг выдыхался. Но успокаиваться нам было еще рано. Атаки продолжались 8, 9, 10 и 11 июля... Особенно яростно враг атаковал на стыке 13-й и 70-й армий. И все-таки планы врага на северном фасе Курской дуги провалились. За все дни боев противник сумел продвинуться всего лишь на 10—12 километров. А потерял он в боях 42 тысячи человек убитыми и ранеными, 600 танков и самоходных орудий, 500 самолетов.

Эта победа и нам стоила большой крови. Воины 13-й армии и вместе с ними бойцы приданных и поддерживающих ее частей и соединений — артиллеристы, танкисты, летчики, саперы, связисты — с исключительным мужеством и храбростью дрались с врагом.

Командир минометного расчета 4-й батареи 232-го минометного полка сержант Манзус Ванухов был ранен, а тут гитлеровцы вышли на огневые позиции. Ванухов бросил в них ручную гранату, но та не взорвалась. Гитлеровцы прыгнули в окоп. Ванухов успел схватить из ящика мину, сорвал с нее колпачок и ударил миной о плиту миномета. От взрыва погибли все — и герой Манзус Ванухов и враги...

Старший сержант А. Г. Серебряков, парторг восьмой роты 25-го полка 6-й гвардейской дивизии, в критический момент боя заменил погибшего командира и принял командование взводом. Серебряков был дважды ранен. Но он повел взвод в контратаку и выполнил задачу. В этом бою Серебряков пал смертью героя.

Пулеметчик 203-го полка, гвардеец В. Ф. Черненко бросился с гранатой под тяжелый танк... Командир батальона 9-го полка 4-й гвардейской воздушно-десантной дивизии старший лейтенант А. П. Жуков 10 июля смело ворвался с батальоном на станцию Поныри. Враг разрезал батальон на две части. Шесть атак отбили гвардейцы, но не отступили. В неравной борьбе героически погиб весь батальон, его командир А. П. Жуков и замполит Е. Д. Козьяков...

Подобных примеров исключительного героизма можно привести сотни. Бойцы и командиры, коммунисты и беспартийные, воины всех национальностей, преданные сыны социалистической Родины, воспитанные Коммунистической партией, не щадя жизни, стояли насмерть на Курской дуге. И выстояли.

15 июля войска 13-й армии перешли в наступление. На немцев обрушилась ярость нашего контрудара!..



Поиск под Кам

Генерал-лейтенант
Д. И. СМИРНОВ,
бывший командир 73-й Новозыбковской стрелковой дивизии,
Герой Советского Союза

В апреле 1943 года 73-я стрелковая дивизия, которой я командовал, пополненная и отдохнувшая после зимних боев, заняла оборону на Курской дуге.

По ту сторону двенадцатикилометровой полосы обороны нашей дивизии (от села Красная Заря до села Верхне-Столбецкое) находилась железнодорожная станция Змиевка, в районе которой воздушная разведка обнаружила крупное скопление вражеских войск. Летчики докладывали, что с раннего утра до поздней ночи к небу в этом районе поднимаются густые облака пыли, поднятой вражескими колоннами, что по дорогам снуют мотоциклисты, что в балках и оврагах притаились замаскированные танки и вся земля исполосована следами гусениц. Все это свидетельствовало, что в районе Змиевки гитлеровцы сосредоточивают ударный кулак. Словом, наше командование ожидало, что именно здесь гитлеровцы намерены предпринять крупное наступление, и принимало все меры, чтобы успешно отразить его. За всю войну, кажется, я не был таким богатым! На каждый километр фронта дивизии приходился не один десяток орудийных и минометных стволов и множество разной боевой техники. На дивизионных складах вдоволь боеприпасов и горючего. И что ни попрошу — все предоставлялось нам в первую очередь.

Конечно, и мы готовились. Три хорошо оборудованных позиции глубиной в 6—8 километров, проволочные заграждения, минные поля — все это очень неполный перечень того, что было сделано руками солдат нашей дивизии, чтобы создать непроходимый рубеж для гитлеровских танков и пехоты.

В дивизионном тылу шли непрерывные учения. Солдаты и офицеры без страха ждали наступления гитлеровцев, уверенные, что наша оборона немцам не по зубам. С каждым днем росло количество заявлений о приеме в партию и в комсомол. Партийные и комсомольские комитеты заседали ежедневно, разбирая эти заявления...

Но будет ли главный удар нанесен именно в районе Змиевки? Ведь и на других участках фронта, особенно неподалеку от станции Поныри, авиация обнаружила признаки скопления вражеских войск. Следовательно, можно было ожидать, что враг пытается сбить нас с толку, отвести глаза ложными маневрами и макетами боевой техники. А сам тайно готовится нанести удар совсем в другом месте.

Но где же? Чтобы узнать это, надо было во что бы то ни стало взять языка.

Легко сказать — взять языка!

Противник готовился к наступлению и вел подготовку секретно, был настороже.

Наши разведчики рыскали день и ночь, и все безрезультатно. Прошел май, подходил к концу июнь, а пленных все нет и нет. Каждое утро мне звонил генерал Романенко — командующий 48-й армией, в которую входила наша дивизия. Между нами происходил такой диалог:

— Ну как, товарищ Смирнов? Пленные есть?

— Не взяли, товарищ командующий.

— Вы что? Не способны?

— Разведчиков загоняли... Мертвых притаскивают. А живых вот нет...

— Займитесь разведкой лично! Понимаете, до зарезу пленный нужен!

Я сам и офицеры штаба дивизии излазили всю передовую, обшарили в бинокль каждый метр фронта, отыскивая место, где можно взять пленного, но ничего не находили.

Наконец начальник разведки дивизии капитан Зозуля доложил, что в районе деревни Каменка, неподалеку от города Ливны, есть место, где гитлеровцы ведут себя беспечно.

Я сейчас же вместе с Зозулей отправился туда, чтобы лично изучить обстановку. Зозуля не ошибся. В этом месте немцы сразу после ужина отправлялись отдыхать, оставив лишь небольшую группу для охранения. Смелые разведчики (а у нас в таких недостатка не было) могут подобраться и выхватить из этого охранения одного-двух вражеских солдат.

Одним словом, мы организовали группу в пятнадцать человек, и, как только стемнело, они отправились в поиск. Было это в ночь с 21 на 22 июня.

Я не смыкал глаз, ждал возвращения разведчиков на командный пункт. Ночь жила обычной фронтовой жизнью. То там, то тут вскидывались ракеты. Время от времени постреливали пулеметы. Где-то в темном небе на запад и на восток с гудом плыли самолеты...

И вдруг в том месте, куда пошли разведчики, загремела ожесточенная стрельба. Автоматные и пулеметные очереди слились в один сплошной гул. Редко, как барабаны, зарокотали крупнокалиберные пулеметы. Ударили орудия. Причина такого оживления была ясна: разведчики добрались до охранения и теперь отходят. Гитлеровцы стараются накрыть их огнем на ничейной полосе. А наши, со своей стороны, прикрывают их отход. Удастся ли разведчикам благополучно добраться до наших траншей и притащить пленного живым и невредимым? В том, что пленный взят, я был уверен, я просто чувствовал, что на сей раз поиск непременно будет удачным.

И точно: незадолго до рассвета разведчики привели пленного

Оружие героев

Июльский день. Двор Центрального музея Вооруженных Сил СССР заставлен танками, пушками, самолетами, есть даже один бронепоезд. Это все экспонаты. Причем многие были доставлены прямо с поля битвы. Тут я не мог не вспомнить случай, рассказанный мне одним танкистом. Приходит он в Ленинградский музей и видит свой танк, даже собственным глазам сразу не поверил, но открыл ящик для инструментов, а там белая варежка, та самая, вернее, одна из тех, что прислали незнакомые работницы на фронт. «Взять ее, что ли?» Но тут подбежала женщина-экскурсовод. «Вы находитесь в музее»,— с укоризной произнесла она. «Но варежка-то моя»,— усмехнулся капитан и сказал, что вторая такая же варежка у него дома. Экскурсовод ахнула от удивления: «Вы что, Герой Советского Союза Дмитрий Иванович Осатюк?» «Так точно»,— ответил танкист.

...Вместе с многоголосой экскурсией молодежи поднимаюсь по широкой лестнице в залы музея. В одиннадцатом зале — оружие участников Курской битвы. Внимание всех привлекает авиационная пушка Героя Советского Союза Александра Горовца, уничтожившего в одном только бою девять вражеских самолетов. Теперь именем героя названы улицы, школа, где он учился. Вместе с другими разглядываю необычную, изогнутую, почерневшую авиационную пушку. Она вся в пробоинах. Рядом портрет героя, его партийный билет, его орден.

Перед глазами встает картина боя, свидетелем которого довелось мне быть. Стоял жаркий июльский день 1943 года. Разгар Курской битвы. В небе сперва появились десятки фашистских самолетов. С земли раздались залпы зенитных пушек, пулеметов. Вскоре подошли наши истребители, вызванные по радио с земли. Завязался воздушный бой — большой, трудный. Победу одержали наши летчики. Группа краснозвездных истребителей уже удалялась, взяв курс на свой аэродром, и лишь один, замыкающий, оставался в районе боя. И тут все заметили, что из-за облаков вынырнули вражеские самолеты. И вот один — против большой группы. Бой был скоротечным. Все, кто наблюдал за ним с земли, видели, как горящими факелами падали вражеские машины. Вдруг неистовый наш летчик, неистовый наш самолет, объятый пламенем, стремительно понесся по наклонной вниз. Вот он исчез за зелеными деревьями, и в ту же секунду с земли поднялся столб черного дыма.

— Геройская смерть,— произнес кто-то тихо.

Лица людей, наблюдавших смерть неизвестного героя, были печальны. Да, победа была одержана, но какой ценой!

Тогда удалось узнать лишь фамилию героя. И вот спустя четверть века я впервые вижу его портрет, его орден Красного Знамени, его партийный билет и ту самую пушку, которой он так виртуозно владел в бою.

...Реликвия за реликвией. Знамена, изрешеченные пулями и осколками снарядов, маскировочные щиты, мотки колючей проволоки, полковой миномет, расчет которого состоял из одних коммунистов,— все напоминает здесь битву на Курской дуге.

Вот рельефная карта командующего Брянским фронтом генерал-полковника М. М. Попова. По ней задолго до начала Курской битвы отрабатывали будущие наступательные опера-

ЕНКОЙ

немецкого унтер-офицера. Взял его, как выяснилось, солдат по фамилии Борщов, которого мы в шутку прозвали Швейком за его веселый нрав и пристрастие рассказывать разные забавные истории. Я пленного допросить не успел — его тут же забрали в разведотдел фронта. А еще через несколько дней в районе Змиевки была сброшена группа советских парашютистов, которые проверили показания пленного и установили, что он сказал правду: здесь гитлеровцы оборудовали ложные позиции, наставили фанерные макеты танков, день и ночь перебрасывали свои части с места на место, чтобы создать видимость накапливания сил.

Вскоре после этого у меня отобрали больше половины артиллерии и боевой техники и перебросили их в район Поныреи, туда, где 5 июля началось наступление основной гитлеровской ударной группировки.

Впрочем, на нашем фронте гитлеровцы тоже предприняли наступление, но успеха не имели. Наш фронт вгибался, вминался под ударами танковых клиньев гитлеровцев, но прорвать его им так и не удалось.

Когда противник основательно измотался и выдохся, когда множество его танков застыло навсегда грудами искалеченного, опаленного огнем металла, настала наша очередь двигаться вперед.
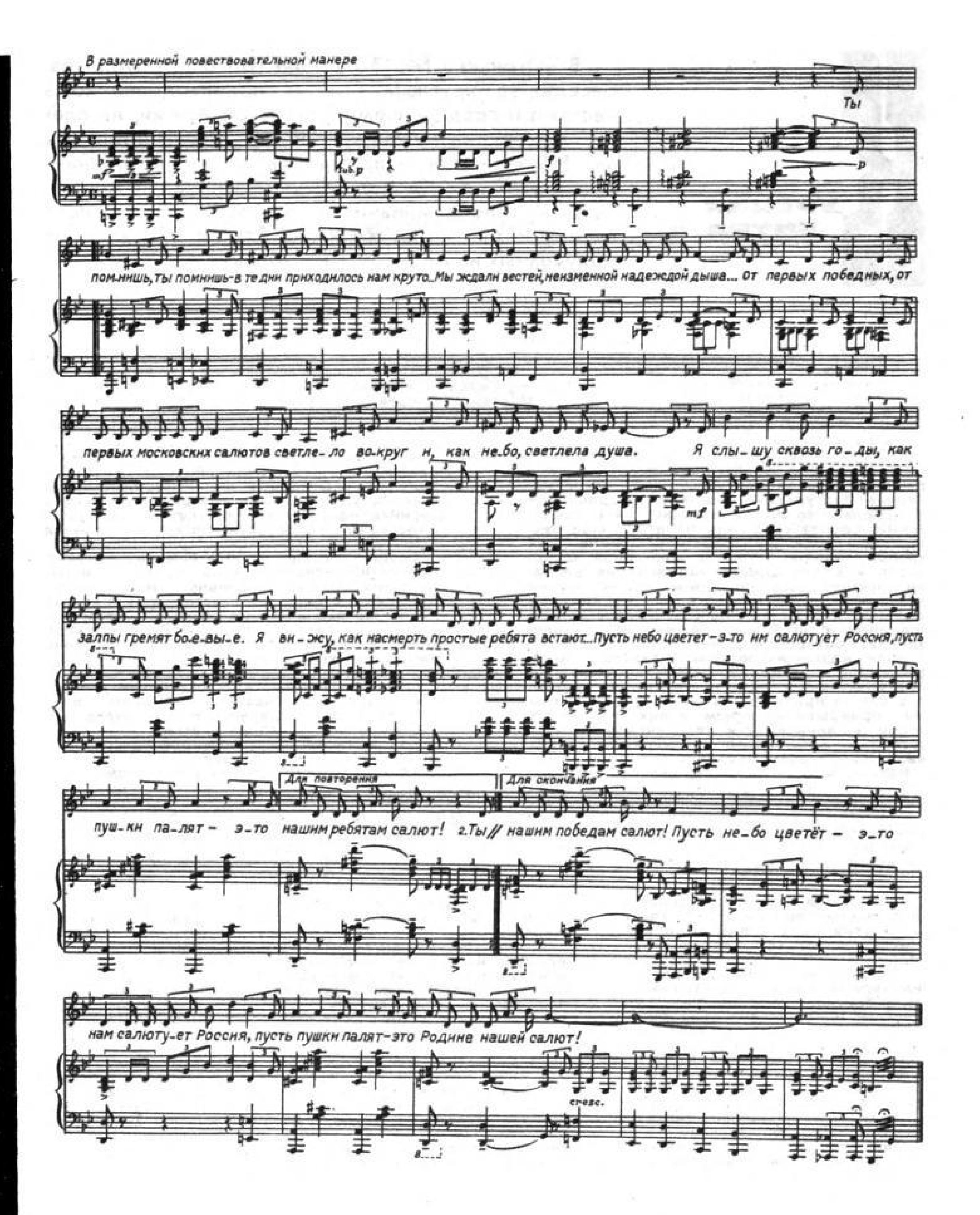
15 июля наш Центральный фронт, в том числе и наша 73-я дивизия, перешел в наступление и, несмотря на упорное сопротивление врага, прорвал его боевые порядки. Наша дивизия вышла на оперативный простор, освободила немало городов и местечек, в том числе и город Новозыбков, за взятие которого получила наименование Новозыбковской.

ции. Это происходило в городе Плавске в июне 1943 года. Однажды приходит в музей ныне уже генерал армии М. М. Попов и узнает свою карту. Тут же предложил он еще более интересные экспонаты, в том числе фронтовой планшет с картой, по которой воевал.

Здесь встречаются боевые друзья героев, их родные, товарищи. Портрет старшего лейтенанта Кадыр Тарпи Джемелева. Был он комсоргом 273-го гвардейского стрелкового полка. В марте 1943 года комсорга наградили орденом Красного Знамени, а под Белгородом — орденом Красной Звезды. Оба ордена экспонируются рядом с партийным билетом, пробитым осколком снаряда. Приходят в музей мать героя, сестры, его товарищи. Выясняется, что в семье долгое время считали сына пропавшим без вести. И вот в музее узнали впервые о судьбе сына. Он погиб смертью героя.

Можно без преувеличения сказать: за каждым экспонатом стоят тысячи людей, тысячи участников боев, родные, товарищи героев.

З. ХИРЕН



САЛЮТЫ

Слова Льва КРОППА. Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА.

Ты помнишь, ты помнишь —
в те дни приходилось нам круто...
Мы ждали вестей, неизменной надеждой
дыша...
От первых победных,
от первых московских салютов
светлело вокруг и, как небо, светлела
душа.

Я слышу сквозь годы,
как залпы гремят боевые.
Я вижу, как насмерть
простые ребята встают...
Пусть небо цветет —
это им салютует Россия,
пусть пушки палят —
это нашим ребятам салют!

Ты помнишь, ты помнишь —
большая беда на пороге,
железо и пламя на сто километров
окрест.
Не спят батареи —
земные суровые боги,
а где-то в России бессонница мучит
невест.

Ах, женщины наши,
ах, матери наши седые!
Зачем они плачут,
зачем они почту клянут?..
Пусть небо цветет —
это им салютует Россия,
пусть пушки палят —
это женщинам нашим салют!

Салюты, салюты...
Греметь им сегодня и завтра!
Но, помня былое, мы все же признаться
должны,
что первые наши
скупые победные залпы
сквозь все расстоянья, сквозь все
канонады слышны.

Звучат над Землею,
звучат над Землей позывные...
Хороших известий
мои современники ждут...
Пусть небо цветет —
это им салютует Россия,
пусть пушки палят —
это нашим победам салют!



В «Огоньке» № 13 за 1968 год был опубликован отчет о беседе за круглым столом полководцев, командовавших частями и соединениями Советской Армии, на плечи которых легла тяжесть памятных боев на Орловско-Курском плацдарме. Редакция тогда пригласила читателей, принимавших участие в этих боях, дополнить рассказы полководцев, поделиться своими воспоминаниями. В ответ «Огонек» получил много писем, и редакция сердечно благодарит их авторов. Часть полученных нами писем мы публикуем.



БАТАРЕЯ, К БОЮ!

Совинформбюро объявило всему миру о том, что 5 июля утром началось новое немецкое наступление на Курско-Орловском плацдарме. Но для многих частей и соединений фронта сражение началось еще четвертого, когда во второй половине дня крепко запахло порохом. Немецкая штурмовая и бомбардировочная авиация волнами прошла над передним краем нашей обороны и на некоторое время парализовала связь наблюдательных пунктов с командованием, с огневыми позициями артиллерийских батарей и дивизионов.

Полк наш — из резерва Главного Командования — нередко перебрасывался из армии в армию, с одного фронта на другой. И в самые критические дни Курской битвы мы прикрывали огнем своих минометов полки и дивизии 6-й гвардейской армии, которой командовал генерал-лейтенант Иван Михайлович Чистяков.

Натиск немецких войск, насыщенных новейшей военной техникой, был настолько силен, что в первые дни наступления фашистам удалось на некоторых участках потеснить нас, и в течение суток нам приходилось менять огневые позиции и командные пункты по нескольку раз.

Особенно напряженные бои развернулись на третий-четвертый день наступления гитлеровцев. От непрерывной многочасовой стрельбы стволы минометов так раскалялись, что выходили из строя. За несколько суток напряженной дуэли бойцам и командирам не удавалось поспать. Бойца, свалившегося от усталости и задремавшего в капонире около миномета, тут же поднимала команда: «Батарея, к бою!» Связь командных пунктов с огневыми позициями батарей то и дело прерывалась, и смельчаки-связисты под ураганным огнем противника вновь и вновь соединяли провода, порванные осколками снарядов.

14 или 15 июля (точно уж не помню) наша авиация разбросала над линией фронта листовки — обращение Верховного Главнокомандования к защитникам Курско-Орловского плацдарма с призывом продержаться еще несколько дней, в течение которых будет сломлено наступление гитлеровцев. Вскоре бои на всем протяжении Воронежского фронта начали постепенно стихать. Верховное Главнокомандование объявило благодарность всем участникам Курско-Орловской битвы и сообщило, что план гитлеровского командования в новом летнем наступлении окончательно сорван.

Несколько дней относительной передышки были использованы для восполнения потерь, для приведения полка в полную боевую готовность. А на заре 3 августа артиллерийская канонада возвестила: Советская Армия перешла в наступление.

И. ПЛАТОНОВ,
подполковник в отставке

СТАЛЬ ПРОТИВ СТАЛИ

Память моя навсегда сохранила жаркие бои лета 1943 года. В этих боях отличились и воины нашего 18-го танкового корпуса.

...Наступление началось ранним августовским утром. Танковой бригаде подполковника Хлюпина была поставлена задача: перерезать шоссейную и железную дороги, идущие из Белгорода на Томаровку. Взмыли сигнальные ракеты, и танки устремились к населенному пункту Стрелецкому. Вражеские солдаты не выдержали натиска и стали отступать. И в такой панике, что не успели снять свои обозначения проходов в минных полях. Этими проходами незамедлительно воспользовались наши танкисты, поддержанные артиллерией и авиацией. Танковые роты с автоматчиками на броне перерезали дорогу Белгород — Томаровка, по которой шли колонны противника.

Быстроходные «тридцатьчетверки», используя всю свою огневую мощь, а многие и удар брони, атаковали врага. До сих пор помню эту картину — от шквального огня советских танков на дороге творилось что-то невероятное. Горели, взрывались вражеские машины, в черном дыму метались охваченные паникой гитлеровцы. Одни гибли от пуль, другие — под гусеницами советских танков. До сих пор помню наших героев тех дней: и лейтенанта Калинина — его рота сожгла два тяжелых немецких танка и 120 вражеских автомашин; и лейтенанта Кирилова — головной дозор под его командованием отрезал колонну вражеских автомашин с пехотой и уничтожил 100 гитлеровцев, 40 автомашин, 3 шестиствольных миномета; и командира танка младшего лейтенанта Полянова — он со своим экипажем подбил 9 машин с пехотой врага.

На Харьковском направлении противник попытался было нанести контрудар и остановить наше наступление севернее города. Но план этот был сорван. Темной августовской ночью танкисты подполковника Пузырева, совершив дерзкий 30-километровый бросок, ворвались в город Золочев и с ходу открыли шквальный огонь. Наши танки продолжали развивать наступление и днем и ночью, стараясь охватить харьковскую группировку врага с запада. На участке 18-го танкового корпуса оборона противника была прорвана на всю оперативную глубину до рубежа реки Уды.

Гитлеровцы, опасаясь прорыва советских войск к Полтаве и окружения их дивизии, сколотили здесь крупную танковую группировку и 12 августа попытались нанести контрудар в направлении Максимовка, Крысино, Богодухов. Леса и степи потряс грохот моторов. 200 немецких танков, покачиваясь с боку на бок, шли в атаку. Одновременно 60 вражеских танков и полк пехоты ринулись вдоль железной дороги на Богодухов. Но и эта контратака захлебнулась. Танкисты подполковника Чунихина, мотострелки полковника Хватова, артиллеристы майора Котова достойно встретили врага. Наступление советских войск продолжалось...

А. ЕГОРОВ,
генерал-майор танковых войск запаса, бывший командир 18-го танкового корпуса

ДВА РАССКАЗА САНИНСТРУКТОРА

КАПИТАН ТИМОФЕЙ ЛАПТЕВ

Летом 1943 года я служила в 47-м гвардейском стрелковом полку 15-й гвардейской стрелковой дивизии. Была санинструктором. Примерно 7—8 июля мы вступили в бой в районе села Никольское. Наша рота оказалась отрезанной противником, и тогда капитан Тимофей Иванович Лаптев организовал круговую оборону. Сначала в атаку пошла немецкая пехота, а потом и их танки — «тигры». Тогда уже всякие разговоры о «тиграх» ходили, а мы встретились с ними впервые.

Признаюсь, что многим из нас стало страшно. Но капитан Лаптев не растерялся. «Хлопцы, кто хочет опалить этим кошкам носы?» — крикнул он. Солдаты засмеялись. Желающие нашлись. Капитан отобрал 15 добровольцев, приказал приготовить гранаты к бою и уползти с бойцами в глубокие окопы, которые находились впереди нашей обороны.

А «тигры», их было более десятка, уже приближались. За ними — пехота. Мы открыли огонь, и вражеская пехота залегла. Но танки продолжали двигаться к группе Лаптева. Мы видели, как капитан первым бросил гранату под вражеский танк и тот остановился. И в другие танки полетели гранаты, бутылки. Десять танков было тогда уничтожено, а остальные повернули обратно.

В этом бою капитан Лаптев лично поджег два танка, а один подорвал. Вскоре он получил смертельное ранение и был похоронен в братской могиле в селе Таврово, Белгородской области.

СВЯЗИСТКА ТОНЯ ЧУПИНА

Тоня родилась в Барнауле и служила со мной в одном батальоне связисткой. Служба у нее была тяжелая. Иной раз головы из окопа не высунешь, а она бежит под жестоким огнем и ищет обрыв на линии.

Так было и во время боя в районе села Никольское. Тоня исправляла обрыв линии, и ее тяжело контузило. Я ее отправила в медсанбат. А вскоре и меня ранило: осколок попал в руку. Ранение было легкое, но все же пришлось на следующий день после боя пойти в медсанбат.

Там я встретила Тоню. Лицо у нее было серое, отекшее, голова дергалась. Тоню ночью должны были эвакуировать в тыловой госпиталь, и она расспрашивала меня о наших делах. Я говорю ей: «Медики все ранены или убиты. Остался лишь один командир санвзвода Лисюра, а бои продолжаются, отдыха нет, как там он один управится...»

Утром я стала искать Тоню и не нашла ее. Кто-то сказал: «Ее, вероятно, эвакуировали». Ну что же, подумала я, это правильно: девушку тяжело контузило.

Вскоре я вернулась в батальон. Бои продолжались. Где ползком, где бегом пробиралась в свою роту. И вдруг лицом к лицу столкнулась с Тоней. Едва живая, ползком тащила она на себе раненого. Оказывается, она отказалась от эвакуации и вернулась в батальон, чтобы помочь командиру санвзвода. Двое суток, пока меня не было, Тоня, контуженная, спасала жизнь наших солдат. А они и не знали, да и те, кто жив теперь, не знают, в каком состоянии была их спасительница.

Тоня погибла под Харьковом в ночь на 23 августа 1943 года, у хутора Шевченко, куда она пошла с нашей разведкой.

Нет у старшего сержанта Чупиной могилы, нет наград, есть только где-то на нашей земле солдаты, которым она спасла жизнь, да матери, которым она вернула сыновей. Есть наша светлая память о ней и скорбь об утрате.

Зина СМИРНОВА

ОДНОМ ПЛАЦДАРМЕ

ПОЧЕМУ НЕ РВАЛИСЬ МИНЫ?

Для меня это был первый бой, и так уж получилось, что крещение огнем я прошел в одном из самых грандиозных сражений. К исходу 3 июля мы заняли боевые позиции на Курской дуге. Нашему отделению была поставлена задача — обеспечить непрерывную телефонную связь между наблюдательными и командными пунктами. Восточнее станции Прохоровка мы установили в окопе полевой коммутатор и натянули от него две параллельные дублирующие линии. Работы эти проводились ночью, под минометным обстрелом.

Вскоре разразилась артиллерийская дуэль. Словом, была довольно шумная обстановка. В гул разрывов вплелся грохот гусениц. Занимали исходные позиции наши танки.

На рассвете началась ожесточенная бомбежка с воздуха и артиллерийская подготовка, предпринятая немцами, а затем завязался танковый бой. Через несколько минут все потонуло в сплошном дыму.

Связь непрерывно рвалась, и мы метались от воронки к воронке, затягивая и исправляя обрывы линий. Фашисты заметили нашу беготню, и мины стали рваться чаще.

Моего напарника Михаила Гурбанова оглушило снарядом. И у меня шум в ушах, ничего не пойму, может быть, мы оба оглохли и только по губам читаем слова?

Бьют тяжелые минометы. Михаил бежит по огневой линии. Бегу к нему, тоже проверяю провод. А мины сыплются все плотней. Но что это — падающие рядом вражеские мины не рвутся. В чем дело?

Пользуемся секундной паузой и бросаемся к своему расположению. А впереди ураганный бой, от дыма кажется, что наступили сумерки. Потом чуть-чуть стихло. И вдруг разрыв: сверху стали падать какие-то листки. Михаил поймал один. Читаем: «Чем можем, тем поможем!» Мы сразу подумали: вот почему не все мины рвались! Кто ж это написал? Наши пленные или немецкие товарищи?.. Но кто бы ни написал это, на душе было радостно: значит, и там, в тылу противника, действуют наши друзья.

К. КЛИМЕНТОВ

ВЕСТИ ТЕХ ВРЕМЕН



В дни боев на Орловско-Курской дуге я командовал пулеметным расчетом 843-го стрелкового полка. Прошло много лет, но не могу забыть, да и, наверное, никогда не забуду тех ожесточенных сражений. Казалось, все горело: металл, земля, даже воздух. А от грохота канонады мы были просто глухими.

Не забыли мы и друзей-товарищей, которые там полегли. Навсегда сохраню память о своем однокашнике по Архангельскому военному училищу, лейтенанте Шубине. Сложил он голову при освобождении от фашистских захватчиков Карачева.

За освобождение этого города нашей стрелковой дивизии было присвоено наименование «Карачевская».

Посылаю вам фотографию — я с Шубиным (слева) фотографировались, когда были курсантами военного училища.

А. Янченко

Наша 112-я стрелковая дивизия стояла на самом выступе Курской дуги — между городами Севск и Рыльск. Шли здесь бои местного значения: отбивали атаки немцев, сами контратаковали, ходили в разведку, но никак не смогли взять языка. Оборона тут была очень крепкая как у нас, так и у противника. Когда фашисты ринулись в наступление от Орла и Белгорода, то и на нашем сравнительно спокойном участке фронта гитлеровцы с самолета бросали листовки, предлагая сдаваться в плен. В ответ мы, минометчики, сделали чучела Гитлера, Гиммлера, Геббельса, Геринга и ночью на нейтральной зоне, между нашей и немецкой обороной, повесили их. И плакат прикрепили: «Фашистам капут».

В начале августа 1943 года, прорвав глубоко эшелонированную оборону немцев, мы погнали их до Днепра и с ходу форсировали его выше Киева.

В память о тех днях я храню листовку с картой «Итоги зимней кампании Красной Армии». Нет-нет да и загляну в нее и вспомню своих боевых товарищей. Посылаю вам фотокопию этой листовки.

В. ЗАБОТИН

ДА, БЫЛ ДЕНЕК!

Перед началом боевых действий на Курской дуге наша 16-я танковая бригада, которой командовал замечательный командир коммунист, Герой Советского Союза, полковник Николай Михайлович Филиппенко, дислоцировалась в лесу около населенного пункта Чернь и отрабатывала взаимодействия экипажей. В то время мы получили с Урала новые боевые машины «Т-34».

Июльской ночью 1943 года бригада вышла на марш. Тогда мы еще не знали, что идем на исходные позиции, что будем участвовать в одном из грандиознейших сражений Великой Отечественной войны.

...Бригада форсировала водную преграду и устремилась в направлении поселка Веселый, уничтожая на своем пути артиллерийские и минометные батареи. Немцы сильно укрепили этот поселок и встретили нас плотным огнем орудий, минометов, а с рассвета начали бомбить.

В тот жаркий солнечный день мы не видели солнца, так как все было покрыто дымом, пылью.

Да, это был денек!

В довершение всего враг пустил в контратаку несколько танков типа «тигр» и самоходки «фердинанд». Наша противотанковая батарея, танки и рота противотанковых ружей открыли сильный огонь по «тиграм» и «фердинандам», и немецкая контратака захлебнулась.

В ночь с 13 на 14 июля 1943 года нашу бригаду передислоцировали на участок освобожденного нами населенного пункта Грачи. Несмотря на сильный артобстрел и бомбежку, бригада двигалась вперед и подошла к деревне Желебуг. Потери у нас были большие. Перед Желебугом фашисты прямой наводкой из орудий подбили несколько танков и на некоторое время остановили наше наступление.

И тут особенно ярко проявились боевые качества командира бригады полковника Н. М. Филиппенко. Он принял весьма рискованное, но правильное решение: повел бригаду через крутой лесистый овраг, по болоту. Советские танки смяли батарею противника и вошли в горящий Желебуг, проскочили его и стали преследовать удиравшего противника. Бригада уничтожила несколько огневых точек, в том числе и передвижной дот.

После Орловско-Курской битвы нашей бригаде было присвоено звание гвардейской. Я посылаю вам сохранившуюся у меня фотографию: зачитывается радостный для нас приказ — 16-й танковой бригаде присваивается звание гвардейской.



Майор запаса А. ФРОЛОВ


Фото М. Савина.

ЖЕЛЕЗНАЯ СЕЧА

Репортаж специального корреспондента «Огонька» Н. Быкова с Прохоровского поля победы — июль, 1968 год.

В общем-то, они совсем рядом — Орел, Курск и Белгород. Для летней поездки самый праздничный путь: разнотравье, сенокосы, спеющие хлеба серединной России!.. Но короткий в нынешнее мирное время, этот путь необыкновенно долог и тяжел, если мерить его, как четверть века назад, меркой того страшного июля; если не катить бездумно по стремительной и тенистой глади автострады Москва — Симферополь, а успевать замечать холмики солдатских могил, останавливаться у священных мест братских захоронений героев и каждый раз найти в себе силы выслушать каждого, кто не забыл о той войне,— ее участников и свидетелей, матерей... Мы не проехали по всей «дуге», мы сумели побывать лишь на одном поле русской славы — на Прохоровском. Одно поле, десяток встреч, сотни могил... «Под Яковлевом и под Ивней, где хлеб дымился на корню...» — так пишет сегодня местный поэт. И еще: «Мне шел тогда девятнадцатый год...»

Девятнадцать лет, неполных... Александр Петрович Беликов — сейчас директор нефтебазы в Томаровке. Ветераны Воронежского фронта, ветераны 6-й гвардейской армии и 5-й гвардейской танковой армии помнят Томаровку до сих пор! А шел тогда многим из них девятнадцатый год. Только что из резерва, из училища. Обстрелянных совсем мало. Александр Беликов был командиром танка. Вальдемар Шаландин, тоже командир танка, его ровесник, посмертно награжден Золотой звездой Героя. Почти все павшие смертью храбрых на окраине Яковлева тоже с 1924 года...

Крапивинские Дворы. Был здесь хутор, в который тогда свезли тела погибших. Теперь дети рядом рвут ягоды. На могильных плитах имена: «Гв. красноармеец Сапогов Козьма, гв. красноармеец Кадиров Атохан — слава богатырям...»

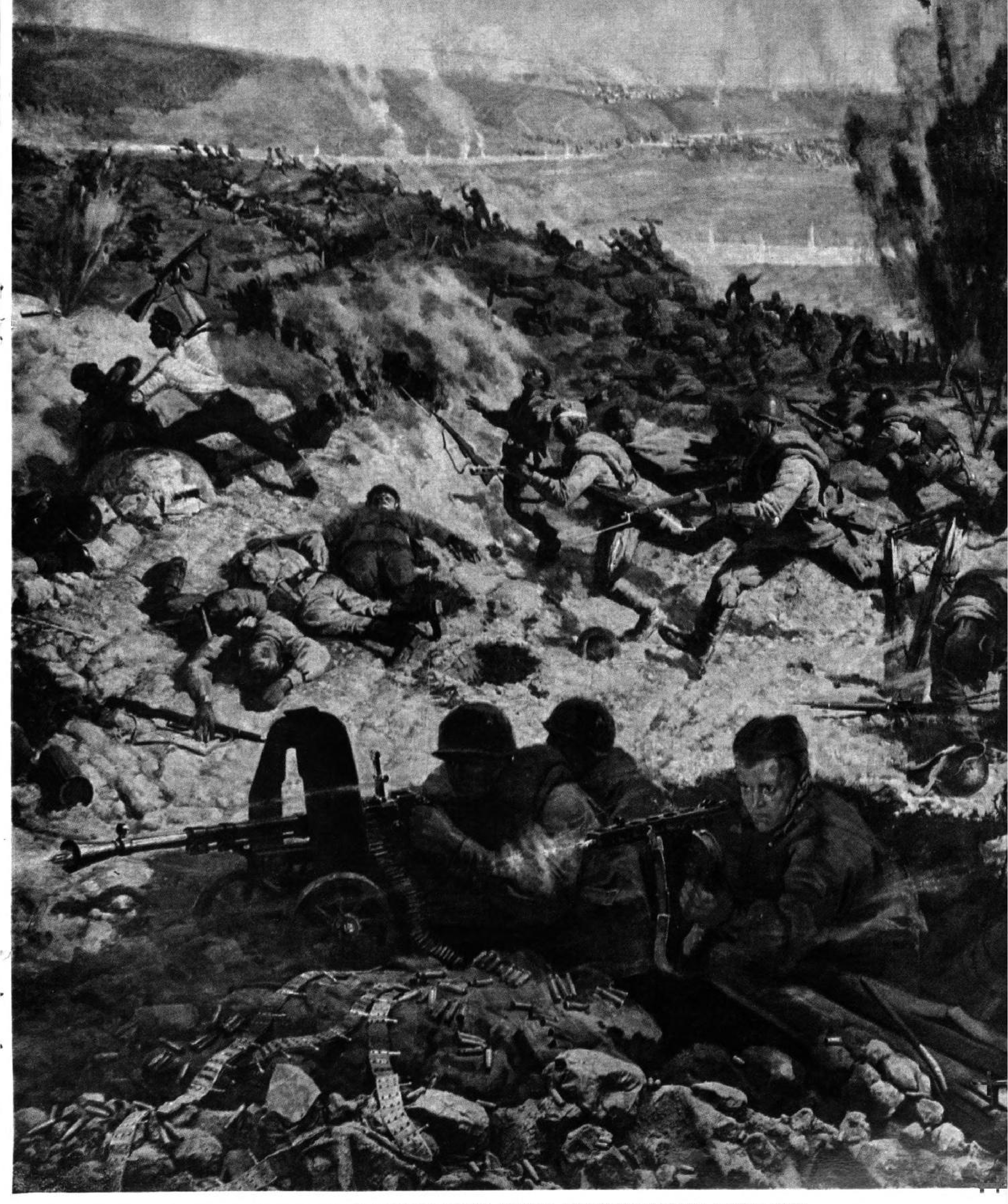
Богатыри? Да. Богатыри? Нет. Были худенькие юноши, солдаты третьего года войны. Они знали, что немец скоро снова полезет и что до сих пор летнее поле войны оставалось за ним... И еще они знали, что больше так не будет, не должно быть. Почему? Может быть, потому, что они не видели, как отступала Красная Армия в 41-м и в 42-м? Или потому, что многие из пополнения уже узнали, что такое оккупация? А главное, конечно, потому, что в руках новичков были новенькие винтовки и автоматы, тяжелые «ПТР». Юные танкисты сидели в новеньких — только что из Челябинска — танках. А закапывался фронт вот уже три месяца, и выросла, а точнее в р о с л а здесь в белгородскую землю настоящая земляная крепость! А над нею наши истребители — теперь уже хозяева неба...

Вот, наверное, почему они не дрогнули на рассвете 5 июля 1943 года.

Там, где остановили немцев,— памятник танкистам. Сам памятник — история. Это танк из броневой колонны, построенной на сбережения крестьян Вологодской области. Он, говорят, дошел до Берлина. У танка всегда людно: здесь пионеры произносят слова своих торжественных обещаний, здесь молодые солдаты преклоняют знамена. За памятником — осевшие, заросшие окопы, а чуть дальше — хлебное поле. Сюда недавно приезжала Пелагея Васильевна Седухина из города-кузни Челябинска. Ее пригласили яковлевские пионеры. Отряд красных следопытов нашел место гибели ее сына Ивана. Вот это поле... Ваня 5 и 6 июля сжег здесь шесть черных танков. Они шли через симферопольскую дорогу, старались обойти высотку. Он их встречал огнем и жег, жег, пока... Пелагея Васильевна, казалось, давно уже выплакала все слезы, но они снова льются и льются. Пионеры, очень серьезные, салютуют Ивану и его старенькой маме. А земля вспоминает. Когда-то здесь был просто холм. С цветами и пыльной, горькой травой. На стеблях качались птицы. Потом холм обозначили на картах и назвали «высотой». Высота 245-я. На нее и полезли немцы из-за хутора Ерик, снизу. А здесь стояли танки лейтенанта Бочковского (будущего Героя Советского Союза, легендарного В. Бочковского). Десять танков. А тех, черных, ползло восемьдесят. Но у Бочковского ребята один к одному, все из одного училища. Все с 1924 года. Среди них будущий Герой Вальдемар Шаландин. Им с высоты уходить нельзя было — господствующая. В первый день, 5 июля, отбили четыре атаки. Вальдемар сгорел... И Ваня Седухин погиб. Но немец не прошел.

Был холм, была высота. Теперь мемориальный курган. Священный курган. Курган славы. В стволе танка поселились степные птахи. Здесь всегда тихо, даже тогда, когда толпой приходят дети. Здесь навсегда молчание...

Потом встреча с Андреем Борисовичем Поповым. Он председатель



А. и Л. Курнаковы, Г. Дышленко. ОРЛОВСКАЯ БИТВА. ПРОРЫВ ОБОРОНЫ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК У ДЕРЕВНИ ВЯЖИ.

Фрагмент диорамы.
Орловский областной Краеведческий музей.



П. Кривоногов. НА КУРСКОЙ ДУГЕ.



Центральный музей Вооруженных Сил СССР.

А. и Л. Курнаковы, Г. Дышленко. ОРЛОВСКАЯ БИТВА. ПРОРЫВ ОБОРОНЫ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК У ДЕРЕВНИ ВЯЖИ.

Фрагмент диорамы.
Орловский областной Краеведческий музей.

колхоза имени Ленина, того же Яковлевского района. Очень хороший председатель, настоящий хозяин, но интересен еще и тем, что судьба его воистину необыкновенна! Андрей Попов — председатель колхоза, в который входят Озеровка, Гостищево и село Сажное, откуда он сам родом, то самое село, через которое рвались немецкие танки 5 и 6 июля 1943 года. А держал здесь оборону артдивизион капитана Андрея Попова, его, Андрея Борисовича! Ну, не удивительно ли?

— У меня и год рождения славный — девятьсот семнадцатый! Так что знал, за что дерусь... Меня из этого Сажного взяли на действительную. Служил на Днестре, около границы. В июне поехал было в отпуск, но в Одессе меня и других военнослужащих задержал военный комендант: началась война. Мы вернулись в свои части. Начал движение на восток... Всякое было... Но пушек не бросали! А в начале лета сорок третьего оказался на родине — в Сажном. Чистая случайность...

Мы поехали на позицию дивизиона. Дорогу обступил великолепный ячмень. Тишина. Справа кустарник вдоль овражка. Впереди село.

— Гостищево, бывший наш райцентр. Вон там был райисполком, милиция, райвоенкомат, откуда уходил в армию... Я занял закрытую позицию. А здесь дворов этих тогда не было, на высотке оборудовал свой НП. Немцы уже заняли соседнее село Вислое, занимают и Гостищево, мне их видно хорошо, мог бы... Но зданий жалко! Потом пошли танки, и мы открыли огонь. Стали отсекать пехоту. Отбились. Два танка сожгли. Они, когда одну-две гадины подпалишь, сразу убираются. Вот в Щелокове, тут рядом, на границе с нашим колхозом, мы подбили шесть танков. Жарко нам пришлось, когда немец бросил на этот вот лесок четыре сотни самолетов, он думал, что на Баран-горе сосредоточилась наша 89-я дивизия. А я стоял в тот раз на прямой наводке у моста, знаете, где сейчас МТФ? Тогда ее не было... Так он нас засыпал бомбами, так уж бомбил, так...

Андрей Борисович замолчал. Тихо шелестели колосья.

И другой бой был. Озеровка, где сейчас правление колхоза, оставалась у нас за спиной. Там, справа, Сажное, откуда я родом. Танки идут вот отсюда — в лоб, цепью растянулись. До них двести... сто пятьдесят метров... Все-таки нервы крепкие надо. И наши красноармейцы выдержали... Вот так и воевали. Ничего, через неделю вперед пошли — до Берлина.

Поле русской победы! Их много, полей наших побед. И под Москвой, и в степи на подступах к Волге, и здесь, на земле белгородской. Участок фронта у Крутого Лога, под Шебекином, который занимал 3-й батальон 214-го стрелкового полка под командованием Андрея Антоновича Бельгина, называли вспомогательным. Но именно сюда враг бросил 120 танков, из них 35 «тигров». Бельгинцы на своем «вспомогательном» участке отразили 12 атак! Здесь стальной клин вышибали таким же клином — сталь на сталь...

И вот нашли большое поле... Здесь и сошлись, на виду у Прохоровки. Местные говорят, что «сплошь одно железо было», а в газетах писали, что сошлись на Прохоровском поле около 2 тысяч танков, а в Музее Вооруженных Сил СССР цифра, наверное, точная — 1 200 танков с обеих сторон. И этого хватит, чтобы помнить века! Сошлись танки 5-й гвардейской танковой армии с танками 3-го танкового корпуса из опергруппы «Кампф». Клин клином! Гвардия против бронированных дивизий СС...

Мы на бывшем КП П. А. Ротмистрова, ныне Главного маршала бронетанковых войск. В амбразуру видно низко выкошенное поле. Метрах в двухстах от нас — там, где были немцы,— человек пять с помощью стогометателя вершат большой стог красноватого на закате сена. Положили последние копешки, уехали, теперь никого. Теперь расскажи, земля!..

Как тут все было, рассказал первый секретарь Прохоровского райкома комсомола Николай Шевелев:

— Тут тоже дуга образовалась. Смотрите, видите село? Это — Береговое, а там — Прелестное, а там — Беленихино. Это фронт, отсюда 5-я гвардейская танковая армия пошла на запад, на город Золочев. Ей очень тяжело пришлось. Армия сюда была переброшена в самый последний момент из Острогожска и вступила в бой прямо с колес, не дожидаясь тылов, по сути, не разворачиваясь. К исходу недели наши уже не везде сдерживали бешеный натиск врага, кое-где оборона проминалась. И тогда-то прибыли танкисты Ротмистрова. С ходу в бой. Даже без авиаприкрытия! Это дорого обошлось армии, но танкисты дрались отчаянно, нередко шли танк в танк, на таран. Говорят, был солнечный день — 12 июля, но солнца не было! Чад, копоть, дым, выхлопные газы! Небо закрылось...

Железная сеча, не когда-то — в нашем веке. Бой не ради славы, ради жизни на земле.

Жизнь прожить—не поле перейти, говорят. Смотря какое поле. Перейти Прохоровское поле 12—13 июля — означало жить! Жить всем нам, и нашим детям, и детям наших детей. Танкисты Ротмистрова перешли Прохоровское поле! Не все... Тысячам победа стоила жизни.

— Ребята, что за село?

— Кочетовка.

Та самая. Здесь был КП нашей 6-й армии. И здесь были немцы — недолго, быть может, считанные часы, но были. Парни рассказывают, что из этой церкви бил немецкий пулемет. Вражеские цепи шли от Долгого леса и на окраине села, вот здесь, в Мальцевом логе (в Кочетовке живет много Мальцевых!), сошлись с нашими гвардейцами врукопашную.

— У нас тут до сих пор война клыки показывает, до сих пор мины рвутся.— Это рассказывает председатель колхоза «Красное знамя», мудрейший человек, старожил и старый солдат Роман Викторович Свитченко. Его послушать — словно гусляра былинного. Знание жизни, законов мира и войны — всего, что ждет земля от человека, чувствуется в каждом слове председателя. Колхоз «Красное знамя» — это село Прелестное, неподалеку от Прохоровки. Здесь эпицентр Прохоровского сражения. Он так и сказал — «эпицентр», старый председатель.

— Мины у нас до сих пор тут рвутся. То плугом кто зацепит, то комбайн хедером подхватит. Бугры недавно распахали для трав — кости, ремни с медальонами выпахали. В медальонах — адреса. Школьники собирают, сообщают о новых могилах родственникам в Казахстан и Сибирь, в разные уголки России...

...Гитлер 4 июля 1943 года в обращении к своим солдатам заклинал: «С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну... И вы должны знать, что от успеха этого сражения зависит все».

Разогнув Курскую дугу, Советская Армия лишила гитлеровцев возможности устроить нам курский котел. Зато, выиграв Прохоровское сражение, одолев немцев в железной сече с центром в Прелестном, русская армия устроила котлы в Томаровке и в самом Белгороде!

Путь наш из Прохоровки через Прелестное и Кочетовку лежал в Ивню — к В. Я. Стороженко. Василий Яковлевич искренне смущен, что снова и снова обращаются за воспоминаниями к нему. Вокруг столько ветеранов войны — участников боев на Курской дуге! В соседнем, Яковлевском, районе их более восьмидесяти! В Ивнянском не меньше: председатель лучшего здешнего колхоза, аспирант Георгий Федорович Мухин, учитель Петр Михайлович Шатохин, кавалер трех орденов Славы Алексей Галушкин, диспетчер автобазы Мария Федотовна Калкутина — она всю войну за «баранкой». Солдаты, орденоносцы, герои минувшей войны. Их много. И Василию Яковлевичу Стороженко не очень ловко давать в эти дни интервью одному за всех ивнянцев. И все-таки неудержимо тянет нашего брата к этому обаятельному и скромному человеку. Василий Стороженко — точный слепок, сколок своего поколения! Он ровесник комсомола и сын комсомола, встретил войну в танковых частях. Это и о нем, о его друзьях пели мы все до войны: «Три танкиста, три веселых друга...» Первое крещение в июне сорок первого на западной границе. В лихие те дни наши армии с боями, огрызаясь, откатывались назад, но уже тогда за бои летом 1941 года сержант Стороженко был награжден орденом Красного Знамени. Потом оборона Москвы. Здесь родилась первая наша танковая гвардия! 11 ноября, помнит Василий Яковлевич. А в декабре за победу под Москвой сержанту — второй орден Красного Знамени!

— Ну, а потом,— улыбается Василий Яковлевич,— до Берлина. На танке, конечно! Метров восемьсот до рейхстага не доехал — и конец войне... Но дорога к рейхстагу лежала через Ивню, через Белгород, Днепр, Белую Церковь, через бывший Станислав, где началась война 22 июня... Это все была дорога к победе.

Стороженко суховато замечает:

— Девять танков подбил мой экипаж. Да, девять. Из них два «тигра». Но все это сделал экипаж! Я тогда, в июле, уже не за орудием сидел, а был командиром роты. У меня на личном счету двадцать шесть фашистских танков за время боев на Украине, а главное, под Москвой... Здесь, в Ивне, мы стояли долго. Готовились к обороне и к предстоящему контрудару тщательно. Меня из сержантов в офицеры произвели, дали мне роту...

Мы поднялись за ивнянскую больницу, в лес.

— Больница тут же была, где и сейчас, в ней штаб нашего полка расположился... Вот здесь мы вырыли капониры, поставили танки... Лес был тогда старый, еще графа Клейнмихеля, сосны чуть не вековые. Позже их срезали, из них сделали сборный мост и везли его с собой до Днепра — там он нам очень пригодился. А теперь дуб растет...

Нет, удивительна все-таки судьба этого человека! Тысячу раз летел в стальной коробке навстречу смерти, шесть машин сгорело у него за войну, вот здесь закапывал машины своей знаменитой «железной роты», отсюда ушел в смертельный бой. И снова здесь, на солнечной поляне, среди теплых стволов дубков, среди земляники, совсем еще не старый (без единой царапины вернулся с войны!). Наверное, это и есть счастье. Наверное, потому и не дозволяет Василий Яковлевич ни капли особого внимания к своей персоне. Слишком многих товарищей потерял, слишком о многих ранах знает и сейчас: он заведует районным отделом социального обеспечения. Ему, не старому и здоровому, неприятно, когда лезут с расспросами о наградах. Награда — жизнь, счастье людей его Родины, вот это село, в которое он вернулся двадцать лет назад из Германии.

— Зачем?

— Тут целый роман! Дело было в те дни, когда к обороне готовились. Молодые мы все были, сидели здесь на опушке и смотрели на мирную жизнь прифронтового села. На девушек тоже смотрели, почти у каждого была своя, чем-то ему приглянувшаяся... Когда я уходил с ротой в бой пятого июля, то... ну, в общем, я обещал моей остаться живым и вернуться... Жену мою Анной Афанасьевной зовут...

Две клятвы дал солдат: вернуться на границу, которую взломал сильный враг, и вернуться к девушке прифронтового села Ивня, Белгородской области. Обе клятвы Василий Яковлевич Стороженко сдержал.

— Нас подняли по тревоге пятого июля. Шестого мы были в резерве. Сижу я на танке, поглядываю туда-сюда в бинокль — ползут!.. Земля от танков прогибалась!.. И впервые «тигры»... Пятнадцать атак отбили. Это было у хуторка возле села Сырцова. Семьдесят пять шли на нас. Отбились. Ни одной своей машины не потеряли. Тут никакого чуда нет. Мы три месяца по всей округе готовились. Куда ни бросишься, всюду наши капониры, укрытия. А седьмого июля вот случай был! Моя первая рота, а немцы с утра наскочили сослепу на соседа — на вторую роту. Там высотка, они и полезли. Мне выйти вперед овраги мешают. Тогда я свою роту развернул да фрицам во фланг ударил. Как на ладошке! Ну, мы им дали — тридцать шесть танков сожгли... Восьмого и девятого июля дрались двумя ротами. А десятого июля мою роту передали из нашего восьмого мехкорпуса в другую часть и бросили в район села Верхопенье. Тут недалеко, там сейчас тракторная будка как раз стоит. У меня десять моих танков, а немцы вышли — не поверите — сто восемьдесят. А тут еще одна наша машина на подходе подорвалась... Но выдержали. Гвардия... Три атаки выдержали. Потом подоспела артиллерия, а тут «катюши» ударили. В общем, продержались, задачу выполнили. Тогда-то мой экипаж и подбил девять их-них танков, из них два «тигра». Я получил орден Отечественной войны. Танк наш сгорел. Отбивал четвертую атаку — и тут мотор у нас навылет пробило. Я оставил стрелка, механик гранаты готовил — остальных высадил. Танк как вкопанный. Мишень. Весь комплект расстреляли. «Заводи!» Не заводится. До матюков дошло... Смотрим, дыра в моторе. Тогда механику приказал открыть краники, полилось горючее, мы выбрались. Вокруг ад... Машину подорвали. Мой экипаж: механик Иван Пудов, командир орудия Федор Косых, радист Сашка Торбин, он же и заряжающий. Так вот, те девять танков — их работа...

...Пшеница, пшеница, ячмень, страда в деревнях. Мы празднуем день большой победы: 5 августа Орел и Белгород освободили. А люди, те, кто знает и не забыл, что такое война, говорят и о днях 5—6—7 июля, о днях жестокой обороны. Великое противостояние на Прохоровском плацдарме! О нем помнят. Здесь, на русской земле, отцы наши, русские богатыри, сыны всех народов страны советской учинили побоище врагу. Дальше он не прошел. Здесь люди одолели нелюдей. Мы сумели побывать только на Прохоровском плацдарме, а еще есть многострадальная и многославная русская земля Курска, Обояни, Понырей, Мценска и Орла... И еще есть тысячи славных, живых и павших, в честь которых снова, двадцать пять лет спустя, прогремит августовский салют. Потому что ратный подвиг не знает забвения.



ОГНЕ

Николай АСАНОВ

Повесть

2.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

«Несколько дней назад наши войска начали решительный штурм города РЖЕВА. Немцы давно уже превратили город и подступы к нему в сильно укрепленный район. Сегодня, 3 марта, после длительного и ожесточенного боя наши войска овладели РЖЕВОМ».

Совинформбюро.
3 марта 1943 года.

Когда он проснулся, Виты не было в комнате. Но на столике стояло блюдо с гренками, дымился кофе. Рядом лежала записка: «Позавтракай один. Я пошла к друзьям».

«Пошла,— подумал он.— Значит, эти друзья живут где-то рядом».

И удивился своим мыслям. Он думал не как влюбленный о возлюбленной, которую встретил после долгой разлуки, а как разведчик. И подумал так же, как вчера об отце Виты: «Удивительно меняет людей жизнь!» И сам рассмеялся своим мыслям.

Да. Он разведчик, и это главное в его жизни. Все другое пока — преходящая радость или преходящая печаль. И думать ему надо о том задании, которое ему поручено.

Одевшись, выпив кофе, он медленно пошел из комнаты в комнату.

Все окна были закрыты плотными шторами, и это наводило на мысль, что обитатели маленькой усадьбы не напрасно прибегают к таким предосторожностям. Очень может быть, что в эту минуту кто-нибудь рассматривает усадьбу и двор в бинокль и ждет, не шевельнется ли штора на окне.

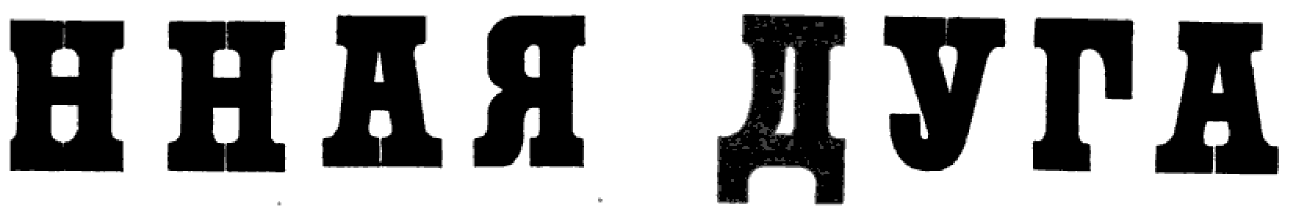
Продолжение. См. «Огонек» №№ 30, 31.

Но любопытство оказалось выше осторожности. Обойдя комнаты внизу, Толубеев поднялся на второй этаж. И еще с лестницы, ведущей из нижнего холла в верхний, увидел не столько свет, сколько сияние. Перед ним была заснеженная равнина, окаймленная с одной стороны невысокими горами, утекавшая так далеко на север, что недоставало зрения и высоты, чтобы заметить ее границы, и только на самом горизонте темнело что-то похожее на воду. Толубеев стоял поодаль от окна и все глядел и не мог насытиться этим беспредельным сиянием, пока наконец не прорезалась мысль: «Я знаю это место! Это озеро Треунген!»

Теперь он словно бы определился в пространстве: он находился в центре южнонорвежского полуострова, недалеко от городка Треунген, на озере, где у господина Масона, отца Виты, была усадьба. Когда-то господин Масон, принимавший работников торгпредства по поводу заключения весьма выгодного контракта на поставку руды, показывал фотографии озера и его крутых, похожих на бараньи лбы скал. Сейчас там, где снег был сдут ветрами, скалы и впрямь походили на бараньи лбы. Были среди этих фотографий и снимки усадьбы и пляжа с купающимися,— эти фотографии привлекли его больше, на них он увидел Виту. Были там и фотографии других усадеб или вилл, домиков для отдыха, ярко окрашенных, с широкими квадратными окнами; это была зона отдыха для привилегированных лиц...

Он сел в низкое кресло у стены и осмотрелся. Холл был прорезан широкими окнами с трех сторон. Со своего наблюдательного поста Толубеев видел и озеро через среднее окно — с севера на юг, судя по низкому зимнему солнцу, и крутую дугу побережья — сначала в восточное окно, потом в западное. На побережье были редко-редко разбросаны такие же усадьбы, окаймленные живыми изгородями из можжевельника и вереска. Конечно, где еще могла отдыхать семья Виты? Только там, где отдыхают члены стортинга и правительства, промышленная и дворянская знать страны. Пожалуй, если здесь и есть шпионы, то они не прячутся за живыми изгородями в снегу, они приходят на рауты, на вечерний чай, на балы и там вершат свои дела, тем более, что многие из этих знатных людей, из этих государственных деятелей преданы гитлеровскому райху душой и телом и, уж конечно, собираются принять участие в разделе завоеванного фашистами мира. В то, что фашизм может быть разгромлен, они еще не верят и поверят разве что в тот день, когда союзные армии ворвутся в пределы Германии. Но когда это будет? Еще и второго фронта нет, еще лучшие земли России находятся под пятой фашизма,— что им беспокоиться, этим функционерам и шпионам Гитлера!

Он каким-то вторым зрением увидел Виту. Девушка шла на лыжах вдоль березовой рощи, похожей на привычные подмосковные, по самому берегу озера, шла быстро, легко. И хотя на таком расстоянии нельзя было рассмотреть ни лица, ни походки,



Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

хотя это могла быть и любая из миллиона женщин и девушек страны, он з н а л: идет Вита! И ждал ее приближения с той почти молитвенной страстью, с какой вчера увидел ее.

Он спустился задолго до того, как услышал стук отставленных лыж и палок, удары веника по сапогам. И тут распахнул дверь.

От нее пахло свежим снегом и морозцем. Раскрасневшееся лицо сразу окрасилось радостью, как будто она перед этим боялась, что уже не увидит его в доме. Но теперь, когда он был перед нею, она мягко выскользнула из объятий.

— Я должна переодеться и приготовить завтрак!

— Ты ждешь гостей?

— Но ведь ты тоже гость, и такой долгожданный!

— Где ты была?

— У наших друзей. Я должна была посоветоваться об убежище для тебя. Завтра я должна быть на работе...

— Ты работаешь? — В голосе его прозвучало такое изумление, что она рассмеялась. Лукаво ответила:

— Все лояльные женщины Норвегии должны оказывать помощь великому германскому соседу...

— Военную?

— Ну, я до этого еще не дошла. Просто отец устроил меня секретарем в один из отделов своего акционерного общества. Ты ведь знаешь, он один из членов правления...

— Да, да,— машинально подтвердил он.— Еще в тридцать восьмом ты прочитала мне лекцию о том, что полсотни членов правлений главных банков Норвегии занимают в общей сложности почти триста важнейших постов в зависимых акционерных обществах и фирмах...

— Высший балл по экономике! Ты прекрасный слушатель!

Но так как он все еще не желал отпустить ее, она вынула из кармана лыжной куртки небольшой бумажник и протянула ему:

— Это друзья просили передать тебе!

Он открыл бумажник и увидел под целлофановой подкладкой личное удостоверение с собственной фотографией. Да и все удостоверение было его собственным: его имя и фамилия, только именовался он Вольдемар Толубеев, и было в удостоверении указано, что родился он в Нарвике, отец — русский, моряк, владелец судна, мать — из общины Нарвика, дочь владельца рыбного завода, произошло это событие в 1913 году, отец и мать скончались...

Трудно было оторваться от созерцания собственного перевоплощения. Он решительно спросил:

— Но почему русский?

— Надо же чем-то оправдать твой акцент? — улыбнулась Вита.— А в Нарвике, в Ставангере всегда жило много русских норвежцев. Их там так и называли. И это были не эмигранты с нансеновскими паспортами, а давние поселенцы. Сейчас немцы выселили этих русских на Лофотенские острова, но их не интернировали, не загнали в лагерь. С таким паспортом ты вполне можешь жить в Осло... Хотя я совсем не понимаю, почему тебе хочется лезть в это осиное гнездо! — жалобно добавила она.— И друзья моих друзей, передавшие этот документ, тоже молчат.

— Я уже сказал тебе, Вита, что обязан продолжать войну,— мягко напомнил он.

— Хорошо,— грустно согласилась она.— А пока посмотри эти газеты! — Она разложила веером на столе пачку газет.— Тут нет только советских. Но есть шведские, есть немецкие, французские, правда, только из оккупированной зоны. Есть и наши, но только квислинговские. Держать другие норвежские газеты здесь опасно.

— А такие тоже есть?

— Не меньше трех сотен, и половина из них выходит в Осло! — строго ответила она.— В четверть листа, в половинку; напечатанные на гектографе и написанные от руки; сделанные и в настоящих типографиях и за обеденным столом. И их становится все больше! Мы ведь продолжаем нашу борьбу! — Она выглядела очень гордой.— И восстанови свой норвежский! Ты теперь говоришь не лучше лапландца! — Она помахала рукой и исчезла.

А он еще долго разглядывал свой «вид на жительство». Да, друзья, которым поручили заботу о нем, подумали обо всем. А еще больше его поразило, что во внутреннем кармане бумажника оказалась пачка крон — как он понял, приданое на первые дни новой жизни...

Только после того, как он запомнил все даты, сообщенные в его удостоверении, все знаки, цифры и подписи, он перешел к газетам.

Норвежская «Дагбладет» оказалась значительно тоньше прежней. Сводка с русско-немецкого фронта была трехдневной давности. В ней было выделено крупным шрифтом сообщение о наступлении гитлеровцев в районе Харькова. А вот об освобождении Демянска и ликвидации опасного демянского плацдарма, на котором немцы сидели целый год, ни слова. О советском наступлении на Кубани и на Украине — тоже. Но еще отвратительней выглядела лживая сводка немцев от двадцать третьего февраля о том, что русские якобы потеряли за двадцать месяцев войны восемнадцать миллионов солдат и офицеров, сорок восемь тысяч орудий и тридцать четыре тысячи танков,— эта ложь была опубликована без каких-либо примечаний! А кто же тогда гонит немцев? Кто разгромил их армии под Москвой и под Сталинградом? Кто выгнал их из четырнадцати областей? По-видимому, квислинговцы все еще не понимают, что перелом в войне уже наступил.

Он сердито отшвырнул газеты, даже не заглянув в сводки из Африки и Азии. Невольно подумалось: как же трудно пробивается правда о войне через немецкую цензуру!

Шведские газеты не изменились: такие же пухлые. Нейтралам хватало целлюлозы. Чувствовалось, что в стране кипит деловое возбуждение. Продавались и покупались имения, фабрики, заводы. Требовались служащие и рабочие. Морякам торговых судов сулили крупные премии за своевременную доставку грузов. Появилось множество каких-то смешанных немецко-шведских фирм: судоходных, торговых, промышленных. Гитлер не жалел марок и золота. Швеция стала его подлинным тылом. Тут бомбы не падали, промышленность и торговля развивались бурно.

Толубеев усиленно просвещался, раздумывая в то же время, как действовать. Вита сказала: «Наши друзья!» Но «наши друзья» помогают просто из человеколюбия и ненависти к захватчикам. А как быть дальше? Пробираться в Осло самостоятельно? Этот город стал главной перевалочной базой на пути в Германию. Или, может быть, пробраться в Финмарк, к Сёр-Варангеру? Там главный центр по добыче железной руды. Но это тысяча километров пути! И там больше всего немцев, которые, несомненно, интересуются всеми приезжими. Городское самоуправление и вся полиция области, конечно, у них в руках. Человек, говорящий по-норвежски, как лапландец, вызовет опасные подозрения, как бы ни были хороши его документы...

Было о чем подумать.

А где-то на кухне резвилась Вита. Вот она прогремела сковородками. Вот запела. Вот оборвала песню, наверно, завтрак поспел.

И верно, Вита распахнула дверь, склонилась в книксене и певуче произнесла:

— Прошу господина Вольдёмара к столу!

Да, ее не следует огорчать. Пусть хоть день будет принадлежать ей!

Он торжественно предложил ей руку и проследовал в столовую.

Завтрак был приготовлен царский: форель, кофе со сливками, плоские рюмки для коньяка, плоская коньячная фляга. Вита в ответ на изумленный возглас Толубеева церемонно произнесла:

— Не удивляйтесь, милый господин: контрабанда военного времени! Коньяк привозят немцы из Парижа и продают на черном рынке...

3.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

«1. 4 марта западнее РЖЕВА наши войска, продолжая развивать наступление, овладели городом и железнодорожной станцией ОЛЕНИНО, а также заняли крупную железнодорожную станцию ЧЕРТОЛИНО. Железная дорога МОСКВА — РЖЕВ — ВЕЛИКИЕ ЛУКИ на всем протяжении очищена от противника.

2. В Орловской области наши войска после упорного боя заняли город СЕВСК.

3. В Курской области наши войска в результате решительной атаки овладели городом и железнодорожной станцией СУДЖА».

Совинформбюро.
4 марта 1943 года.

После завтрака они немного погуляли. Вита заставила его стать на лыжи. В доме было много лыж, башмаков, костюмов — на любой вкус. Значит, хозяева навещают дачу и зимой, хотя прислуги не было. Угольную печь, находившуюся в подвале под домом, Вита топила сама. В камине и перед печами во всех комнатах дома лежали вязанки дров.

Толубеев спросил о прислуге.

— В доме есть истопник и его жена. Но они отпущены до вторника. Предполагалось, что человек, которого сюда доставят, будет стесняться лишних свидетелей...— Все это она проговорила в обычном своем шутливом тоне, а тут вдруг воскликнула, как молитву: — Но, боже, какое это чудо, что из небытия возник ты! — И заплакала совсем не счастливыми слезами, горько, навзрыд.

Только теперь он понял, как много страсти таилось за ее всегдашними ироническими шутками, которыми она поддразнивала его, «русского медведя», с самой первой встречи и до той трагической минуты прощания, когда ему пришлось мешать правду с ложью, чтобы убедить ее, заставить ее понять: он не может взять ее с собой!

Теперь, на себе испытав, что такое война в Советском Союзе, увидев голод, холод, тысячи смертей, он бы, наверно, нашел более убедительные слова. Но тогда он был вынужден больше лгать, чем говорить правду.

Эти воспоминания были так непереносимы, что, едва вернувшись с прогулки и еще не сбив снег с башмаков, просто вытянув их перед вновь запылавшим камином, он спросил:

— Могут ли твои друзья отвезти меня сегодня вечером в Осло?

— Так быстро? — грустно спросила она.

— Я не имею права подвергать тебя опасности.

— Так же, как я не имела права подвергать тебя опасности тогда! — глухо сказала она. Заметив, как дрогнуло его лицо, она сжалилась над ним и заговорила медленно, как будто повторяла давно затверженный урок: — Я понимаю, ты прибыл тогда сюда из суровой страны, которая уже готовилась к смертельной схватке. Я понимаю, что многие люди твоей страны считали всех нас, живущих в благополучном, сытом мире, чуть ли не врагами. Но неужели ты не мог убедить их, что я люблю тебя! И ведь ты знал, что любовь не способна на предательство!

Голова ее опускалась все ниже, и она уже глядела только на огонь. Может быть, боялась увидеть его страдание? Он осторожно приподнял ее лицо за подбородок, взглянул в глаза.

Да, дорого обошлось ей то прощание. Отблеск муки, как отблеск огня, прорывался из глаз, словно в них билась ее живая душа. Он осторожно прижался губами к ее щеке.

— Как же ты собираешься устроиться в Осло? — более спокойно спросила она.

— Может быть, твои друзья помогут мне?

— Наши друзья, — подчеркнула она, — постараются это сделать. Но они должны знать твои планы.

— Ну, что же, я охотно поделюсь ими и с тобой и с ними, хотя, видит бог, сам еще не очень хорошо представляю свое будущее. Но я помню, что норвежцы в душе очень консервативны, не любят перемены мест, живут гнездами, из которых редко выбираются в полет. Хотя война добралась до вас даже раньше, чем до нас, можно все же надеяться, что многие из тех, с кем я был когда-то знаком, по-прежнему работают на своих местах, живут в своих квартирках. Я бы поискал мастера Андреена с шарикоподшипникового завода, — он жил на левом берегу Акерс-эльв, в Эстканте...

Эта небольшая речка, рассекающая Осло, была как бы негласной границей между городом богатых — Западным, и городом тружеников — Восточным.

— Но это же ужасный район! — со всей непосредственностью хорошо устроенного человека воскликнула Вита.

— А где еще может приютиться беглый пленный? В районе бульваров, в Вестканте, где расположен особняк твоего отца? Вряд ли мне сдадут там комнату... А мастер Андреен не только работал в нашей конторе «Совэкспорт», но и по убеждениям примыкал к коммунистам. Я думаю, он поможет мне устроиться на работу.

— На работу?

— Но вот ты же устроилась? — усмехнулся он. — Будем вместе помогать великому германскому соседу...

— Но какую работу может предложить тебе мастер? Ведь ты же инженер!

— Сомнительно, чтобы кто-нибудь предложил мне пост инженера, — сурово заговорил он, пытаясь заставить ее оторваться от прошлых представлений. — Но, кроме того, я еще и термист и механик, и, говорят, хороший. Вот исходя из этого я и стану строить свою новую жизнь.

— И я не увижу тебя? — жалобно проговорила она.

— Почему же? Когда у меня заведутся кроны, я приглашу тебя на танцы. Там, на левом берегу Акерс-эльв, были недурные дансинги для рабочих парней и их подружек, если немцы их не закрыли.

— Перестань! — воскликнула она. И вдруг заплакала, опустив голову на руки. Слезинки скатывались меж тонких пальцев. Вот уж этого он не мог вынести. Прижав ее голову к груди и целуя плачущие глаза, он поклялся:

— Я всегда буду рядом с тобой! Если ты чуть-чуть посвистишь, я сразу прибегу...

И добился своего: она снова заулыбалась. Теперь уже разлука не казалась такой страшной.

— Но этот день и завтрашний ты отдашь мне? — только и попросила она. И сама же успокоила: — А завтра вечером наши друзья отвезут тебя в Эсткант. И у тебя будут мой служебный телефон, и мой домашний телефон, и будут еще телефоны наших друзей.

— Отлично! — весело воскликнул он. — По крайней мере мне не грозит безработица. У дядюшки Андреена тоже есть телефон, и я буду сутками сидеть возле него.

— Не шути так жестоко! — попросила она.

И он сам испугался, увидев ее такой, как в самый последний день в Осло, когда было совершенно ясно, что он вот-вот исчезнет навсегда из ее жизни, хотя было совершенно неясно, удастся ли ему добраться до Родины. Немцы, невзирая на свои торговые договоры с Россией, к русским, оказавшимся в Норвегии, отнеслись очень враждебно. Вот такой же растерянной была Вита в те последние дни. Все было неясно: позволят ли немцы вывезти из норвежских портов советские корабли с рудой и машинами, с отъезжающими советскими работниками из торгпредства и нескольких закупочных комиссий, — все границы ощетинились, мир оказался разделенным воюющими армиями...

И вот сейчас он снова показался ей солдатом, а не возлюбленным, и это опять потрясло ее, уже поверившую, что счастье вернулось к ней.

И он поклялся, что не станет огорчать ее. И два дня держал свою клятву.

А в понедельник, перед самыми сумерками, приехали гости.

Толубеев, наблюдавший из окна, сразу узнал и машину и людей. Те, что встречали его на взморье.

Вита побледнела, услышав шум подъезжающей машины. Теперь она не боялась, просто представляла еще одно прощание.

Молодой человек, который помогал тогда Толубееву выйти из машины, сейчас, в отлично сшитом костюме и мягких зимних башмаках, мог оказаться и профессиональным спортсменом и профессиональным политиком или адвокатом. Старший, широкоплечий, массивный, с тяжелой челюстью, был похож на боксера.

— А вы прекрасно выглядите! — воскликнул младший по-английски.

— Рад поблагодарить вас, господа, за помощь! — приветствовал их Толубеев на норвежском.

— Как, вы знаете наш язык? — растерянно спросил старший.

— Господин Толубеев два года работал в нашей стране торговым представителем по импортно-экспортным операциям. Он известный русский инженер, специалист по черным рудам и металлам... — пояснила Вита. Об этой рекомендации они договорились заранее.

— Приветствую коллегу! — воскликнул старший. И поспешил представиться: — Свенссон, инженер-металлург. Сейчас руковожу небольшим опытным цехом, работаю на немцев! Впрочем, вы, вероятно, знаете наши шарикоподшипниковые заводы?

— Да, конечно, — ответил Толубеев, пожимая протянутую руку. — В сороковом году я заказал у вас довольно много вашей отличной продукции.

— Немцы потребовали от руководителей концерна ликвидации этого заказа на следующий день после захвата Осло! — хмуро сказал Свенссон.

Младший все смотрел на Толубеева, как на говорящую лошадь. Только после того, как Толубеев пожал руку и ему, он растерянно пролепетал:

— Севед Свенссон, магистр литературы...

— Мой сын! — гордо объявил старший.

— Мы были здесь в отпуске, когда нам передали приказ нашей группы Сопротивления встретить вас, — сказал младший.

— Не подумайте, что у нас действительно крупная группа. — Старший Свенссон улыбнулся. — Основные силы Сопротивления базируются в горах.

Толубеев понял, что от него ждут такого же доверия. Вита пригласила гостей к столу, и Толубеев добросовестно пересказал все, что должен был рассказать беглец из лагеря. Не забыл он сообщить и о том, что принял его рыбак Рон Иверсен.

По живому вниманию гостей, по улыбкам, которыми они обменялись при имени Иверсена, Толубеев понял, что они ждали именно такого рассказа.

— Что же вы намерены делать дальше? — спросил Свенссон-старший.

Толубеев рассказал о своем плане: разыскать старого знакомого Андреена, мастера одного из шарикоподшипниковых заводов, и попробовать устроиться при его помощи на работу.

— Я бы посоветовал вам продолжить отдых! — строго сказал Свенссон-старший. — Хотя эти два дня и пошли вам на пользу, но условия работы на подшипниковом заводе далеко не санаторные.

— Я должен как можно скорее встать на ноги! — твердо сказал Толубеев. — Вы сделали столько же, сколько мог бы сделать сам бог, если бы попытался спасти меня. Но теперь богу лучше заняться своими делами. Длительное знакомство с нашим братом опасно, особенно из-за гестапо. А при помощи Андреена я вполне смогу выдать себя за русского норвежца.

— Может быть... — задумчиво произнес старший.

Выехали поздно вечером. Свенссоны сидели впереди, Вита и Толубеев — позади. Старший Свенссон сам вел машину. Он предупредил, что на шоссе расположено несколько полицейских постов. Хотя его машина и известна постовым, но лучше будет, если гость притворится, будто занят разговором с фрекен Витой.

Глава третья: ЕСТЬ ЕЩЕ СМЕЛЫЕ ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ...

1.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

«12 марта войска Западного фронта под командованием генерал-полковника тов. Соколовского В. Д. после решительного штурма овладели городом и железнодорожным узлом ВЯЗЬМА».

Совинформбюро.
12 марта 1943 года.

Все получилось даже лучше, чем Толубеев мог надеяться. Свенссон-старший признался, что когда-то знавал мастера Андреена, хотя давно уже не встречался с ним. Сказал он об этом довольно сухо: инженер и мастер — категории в обществе совершенно разные! — но Толубеева в разведку не пустил. Инженер может зайти к мастеру и без приглашения, это мастер к инженеру без приглашения зайти не может...

Толубеев улыбнулся этому объяснению, но возражать не стал. В конце концов надежда на Андреена могла оказаться несбыточной...

Свенссон-старший, оставив машину в переулке недалеко от домика дядюшки Андреена, ушел. Через полчаса неторопливого разговора с Андрееном он упомянул имя старого знакомого дядюшки — русского инженера. А через десять минут сказал, что Толубеев, бежавший из плена, сидит в его машине и ему надо бы помочь. После этого старый мастер выскочил из дома, оставив растерянного Свенссона за чашкой кофе, а еще через минуту, не дав Толубееву даже проститься с остальными спутниками, увлек его в свой крохотный домик.

И вот он живет у дядюшки Андреена.

Целую неделю он не звонил Вите.

Он знал, что первые дни на чужой земле будут самыми трудными, и не хотел, чтобы его случайная неудача коснулась Виты. А шаги, которые он предпринимал, были достаточно опасны.

Прежде всего надо было выйти на связь, то есть дать знать, что он добрался благополучно. Полковник Кристианс сообщил Толубееву самый простой код: зайти в любую народную библиотеку, взять «Саги» на норвежском, издания тысяча девятьсот двенадцатого года, и просмотреть седьмую, семнадцатую и двадцать седьмую страницы. На седьмой странице он найдет имя искомого человека, на семнадцатой — название улицы, на двадцать седьмой — номер дома. Толубеев тогда подивился: зачем такие сложности, когда он мог просто запомнить адрес,— но полковник Кристианс довольно сухо заметил, что то, что просто запоминается, так же просто и забывается, а то и выговаривается... Больше того, «Саги» было запрещено даже покупать. Именно — зайти в библиотеку, именно прочитать и тут же сдать, не делая никаких пометок...

И вот он сидел в народной библиотеке неподалеку от домика мастера Андреена и перелистывал толстую книгу...

На первой же указанной странице он с чувством какого-то острого предвидения нашел сагу, в которой упоминался рыжий великан, передвигавший горы и пробивавший новые русла для рек, и звали его... Ранссон!

Толубеев надолго застыл над страницей.

Он предполагал, мог, наконец, надеяться, что имя будет ему знакомо. Сопротивление всегда собирает под свои знамена самых лучших людей. Но Ранссон лежит сейчас в больнице для рыбаков с пулевым ранением. И, уж конечно, он на подозрении у полиции...

Но, может быть, шкипер просто однофамилец того, кого Толубеев должен разыскать? Хотя в такой маленькой организации, как Сопротивление, чудес быть не может.

Он внимательно просмотрел семнадцатую и двадцать седьмую страницы. На семнадцатой речь шла о волшебной мельнице. Повидимому, название улицы Мельничная, а на двадцать седьмой никаких цифр, кроме обозначения страницы, не было, значит, дом имеет номер 27.

Подойдя к висевшему тут же на стене плану Осло, Толубеев довольно быстро нашел Мельничную улицу в одном из закоулков на берегу Акерс-эльв, разрезающей город. Все тот же район бедноты — рыбаков, моряков, докеров, рабочих. От домика мастера Андреена рукой подать. Надо идти.

На Мельничной, 27, Толубеева встретила немолодая женщина. Лицо у нее было страдающее, глаза заплаканные. Услышав «лапландское» произношение посетителя, она чуть не бросилась на него с кулаками. Хорошо еще, что ее гневную речь никто не слышал, они стояли двое на лестничной площадке второго этажа.

— Это из-за вас, из-за вас, подлых иностранцев, мой муж получил пулю в бок! — кричала она, тесня посетителя с лестницы.

Толубеев надвинул шляпу поглубже на глаза и отступил.

Дома, когда дядюшка Андреен, придя с работы, поднялся в его каморку, чтобы пригласить к ужину, Толубеев осторожно спросил, не знает ли он рыбака Ранссона...

— Какой он рыбак! — насмешливо сказал Андреен.— Хвастун он, и больше ничего! Он работает у нас на подшипниковом, а рыболовством пытается прирабатывать, только у него никогда ничего не получалось. А в прошлый раз не успел вовремя зажечь топовые огни, а на его суденышке заглох мотор, вынесло его в Скагеррак, и тут, на беду, немецкий сторожевик шарахнул по нему из пулемета. Немцы, они вежливости не признают. Правда, потом они сами же подтащили Ранссона к берегу, но ему-то это стоило пули в бок. Хорошо, что главный инженер недолюбливает немцев, приказал записать, что у Ранссона прогул по болезни, а могли бы и выгнать за милую душу...

Толубеев мрачно думал: Ранссон выходил в море, чтобы заранее отыскать точку рандеву с подлодкой. Значит, в этой беде виноват именно Толубеев!

— А я считаю, что это храбрый человек! — сдержанно сказал он.— И если бы вы, дядюшка Андреен, решили навестить Ранссона в больнице, с удовольствием пошел бы с вами.

— А ведь, пожалуй, вы правы, Владимир! — задумчиво признал мастер, поглядывая на своего гостя с какой-то хитринкой.— Что ж, завтра среда, в больнице открытый день. Можно и навестить.

Больше они об этом не говорили, но в среду Толубеев заранее приготовил пачку хороших сигарет и маленькую бутылочку рома. Он сам так долго валялся в госпитале, что помнил: самой главной бедой считалось отсутствие курева и выпивки. Ему-то ни того, ни другого не полагалось, но если ранение нетяжелое, нет лучше лекарства!

Мастер ушел с работы пораньше, и в четыре часа они уже были в рыбацкой больнице. Здание было мрачное, старинное, похожее на дом призрения, но во дворе стояли и новые корпуса, в том числе и хирургический. Мастер Андреен действовал напористо, и их довольно быстро пропустили к больному.

Ранссон действительно оказался рыжим великаном. Правда, теперь он горы не передвигал, реки не поворачивал, лежал скучный, но при виде гостей оживился. В палате было еще двое, но Ранссона, видно, уважали,— те двое поднялись со своих коек, один на костылях, другой с переломанной ключицей,— и вышли. Толубеев молча выложил на столик свои подарки. Андреен иронически подзуживал:

— Ну, как, рыбак, твой улов?

— Еще будет улов! — хмуро ответил Ранссон, с любопытством поглядывая на молчаливого второго посетителя.

— Какую же рыбку ты собирался поймать в Скагерраке?

— Перестань, Андреен, мне уже полицейские с этими вопросами надоели, да и немцы всю снасть переворошили.

— А им-то что до наших рыбаков? — нахмурился и Андреен.

— Мы для них давно не люди! — отрезал Ранссон.— А что, твой дружок немой?

— Говорит, но плохо. Это русский норвежец, господин Толубеев. Будет работать на нашем заводе. Услыхал, что ты с немцами поцапался, решил: герой! Вот и попросил взять с собою...

— Русский? — Ранссон приподнялся было, охнул и снова опустился на подушку.— Что же вы здесь делаете, господин русский? — Он так и впился пристальными глазами в худое лицо Толубеева.

— Пока изучаю язык,— ответил Толубеев.— Только что прочитал «Саги», седьмую, семнадцатую и двадцать седьмую...

— Да! — протянул Ранссон.— Хорошая литература! Особенно двадцать седьмая!

— Женщина там очень печальная, все тоскует о муже.

— Как, вы сказали, вас зовут?

— Владимир Толубеев.

— Ну, благодарю вас за визит. Думаю, Андреен поможет вам с устройством.

— А я у него и живу. Завтра иду первый раз в цех. В общем-то друзей у меня довольно много.

Ранссон повернулся к Андреену:

— Прости, мастер, устал я что-то. Да еще письмо надо написать, чтобы страховая касса перевела мои кроны старухе. Заходите еще!

Рука у него как-то ослабла, стала вялой. Толубеев, пожимая эту вялую руку, подумал: «Переволновался! Да и как иначе? Он же думал, что из-за этой дурацкой встречи с немцами вся операция провалилась!» Но глаза Ранссона улыбались.

Когда они вышли из больницы, Андреен сухо сказал:

— Ну что вы с ним о сагах говорили? Надо было сказать что-нибудь о себе! Он храбрых людей любит...

Продолжение следует.



ПЕВЕЦ РАБОЧЕГО КЛАССА

В каталоге личной библиотеки В. И. Ленина значится книга стихов «Рабочий май». Автору ее — одному из зачинателей советской поэзии, Василию Васильевичу Казину,— в августе этого года исполнилось 70 лет.

В начале 20-х годов, когда стали популярными стихи Василия Казина, Владимир Ильич прочитал его жизнерадостные, напоенные солнцем, звонкие строки:

Кусаю ножницами я
Железа жесткую краюшку,
И ловит подо мной струя
За стружкою другую стружку.
А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка.
Ой, сколько, сколько майских
луж —
Обрезков голубого цинка!

Сын водопроводчика, коренной москвич, молодой Василий Казин сразу ощутил себя певцом рабочего класса. Он учится в литературной студии московского Пролеткульта, становится одним из организаторов общества пролетарских писателей «Кузница», работает в «Красной нови» и по совместительству — заведующим литературным отделом «Комсомольской правды».

В истоках советской поэзии Василий Васильевич Казин обращает на себя внимание как автор рабочей темы, органично связанной с революционным пробуждением России.

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

Метафоричные стихи воспринимались как воодушевляющий призыв к рабочему классу горячее браться за дело социализма, «снимать стружку» со старого мира, радоваться труду обновления.

Вслед за «Рабочим маем», который выдержал шесть изданий, выходят в свет книги поэта «Лисья шуба и любовь», «Признания», «Стихи, лирика, эпиграммы, поэмы», «Избранные стихотворения». После войны значительным произведением Василия Казина явилась поэма «Великий почин», посвященная первому коммунистическому субботнику. Образ Ильича, нарисованный поэтом, был замечен нашей литературной критикой как новый яркий штрих в поэтической Лениниане. Сам В. Казин дважды видел В. И. Ленина, о чем рассказал в книге «Ленин всегда с нами».

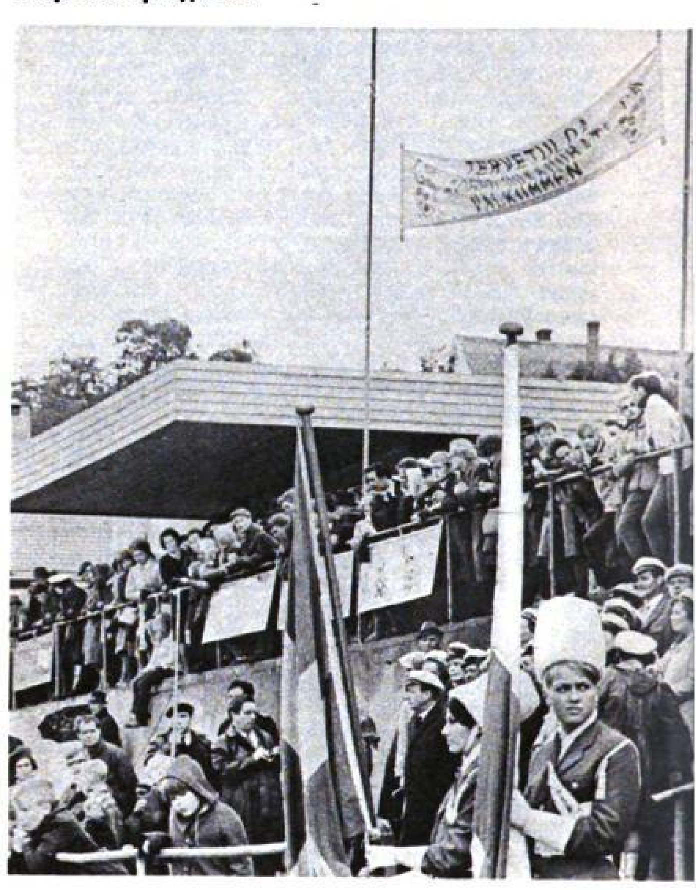
Мы от души поздравляем старейшего советского поэта, одного из основоположников советской лирики, певца рабочего класса Василия Васильевича Казина. Орден Трудового Красного Знамени, который вручила ему Родина,— знак высокого уважения и признания тех страниц поэзии труда, которые поэт посвятил своему народу.

Геннадий СЕРЕБРЯКОВ

В. НИКОЛАЕВ, М. САВИН,
специальные корреспонденты «Огонька»


Город Тромсе.

ФЛАГИ НАД ТРОМСЕ

Открытие праздника.


Наконец-то среди безбрежной водной стихии, к тому же не на шутку разыгравшейся, показалась земля. Теплоход спешит к ней, давя и разбивая волны. Стал различим гористый берег, снежные языки спускаются по скалам чуть ли не до самой воды. Это в июле месяце! Да, суровый край. Северная Норвегия.

А вот и первые признаки человека: две причудливые башни с куполами, похожие на иллюстрации к современным научно-фантастическим романам. Но, увы, они вполне реальны. Это электронные глаза и уши северного фланга НАТО. Глаза и уши, которые могут не только предупреждать об опасности, но и наводить ракеты на цель. О какой опасности и о какой цели может идти здесь речь?

Неподалеку от этой базы НАТО проходит наша граница с Норвегией. Она тянется почти на двести километров. Это единственный район в Европе, где соприкасаются сухопутные границы страны НАТО и Советского Союза. Чем грозит эта граница Норвегии?

История свидетельствует, что Норвегия более тысячи лет жила в дружбе со своим русским соседом. История свидетельствует, что в 1905 году, когда норвежский народ вновь обрел национальную независимость, первой великой державой, признавшей норвежское государство, была Россия. История свидетельствует, что в годы войны с немецким фашизмом советские и норвежские люди бились плечом к плечу, тогда наши солдаты пришли освободителями в Норвегию. Во многих городах Норвегии есть могилы павших в боях советских воинов. На одной из них, на кладбище в Осло, написано: «Норвегия благодарит вас».

Так зачем же нужны устрашающие натовские башни здесь, на норвежской земле? Отвечает на этот вопрос специалист своего дела, бывший командующий вооруженными силами НАТО в северной зоне Европы генерал Мэррей. Он назвал Северную Норвегию «жизненно важной областью» общей военной стратегии НАТО и заявил, что именно в этом районе должны быть сконцентрированы «ударные силы Североатлантического блока». Проводившиеся здесь этим летом натовские маневры превзошли по своим масштабам все предыдущие, и их осчастливил своим присутствием сам верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе американский генерал Лемнитцер.

Наш теплоход подходит к берегу все ближе и ближе. Видны уже разбросанные на побережье дома. Город Варде.

Теплоход бросает якорь на рейде. Вскоре к его борту подходит паром. Он доставляет нас на берег. И вот уже вместо шаткой палубы под ногами скалистая норвежская земля.

Тут же, на берегу, еще одно военное сооружение, но уже не натовское, а норвежское — старая крепость.

Старомодные пушки на колесах, замшелые стены из камня, за ними — приземистые строения. Несут службу молодые парни в морской форме, по двору степенно прохаживается их пожилой начальник с тремя золотыми нашивками на рукаве. Все это выглядит довольно живописно, но нисколько не угрожающе. Своеобразный военный музей на открытом воздухе. А над ним, как и над всем городом, торчат натовские башни.

Их видно отовсюду. И из окна городской ратуши. В ее главном зале висит такая картина: на переднем плане — женщины с перекошенными от горя лицами склонились над убитым мужчиной, за ними — город, охваченный огнем. Это горит город Варде, подожженный отступающими немецко-фашистскими войсками. Со слов мэра города я записал в свой блокнот, что тогда в Варде было уничтожено 70 процентов домов.

— Это их последнее преступление в наших краях,— говорит мэр, показывая картину.

Последнее? Близ норвежской столицы расположен штаб командования северной зоны НАТО. Немало важных постов занимают в нем офицеры западногерманского бундесвера. После недавно принятых бундестагом чрезвычайных законов еще больше укрепилась тенденция к превращению ФРГ в военно-полицейское государство. Картина в ратуше Варде напоминает, какую опасность такое государство может представлять людям, в том числе и норвежцам.

Варде был первым норвежским городом, в который зашел наш теплоход «Вацлав Воровский». Мэр города, члены муниципалитета, жители Варде радушно встретили советский теплоход, его пассажиров и экипаж. В крупнейшем зале города состоялся концерт художественной самодеятельности Мурманска. Местные организаторы концерта устроили платный вход, но зал все равно был переполнен. Мурманские ребята и девчата, моряки и продавщицы, шоферы и медсестры, студенты и строители пели и танцевали от души, с русским размахом и удалью. Кое-что пели по-норвежски, чем окончательно покорили зрителей. После каждого номера программы норвежцы, с виду суровые и сдержанные северяне, не жалели своих ладоней.

В тот же день на местном стадионе состоялся международный футбольный матч. Играла мурманская команда с местной. Зрителей было много. Фоторепортеров, наших и норвежских, тоже было достаточно, как на всамделишном большом футболе. Из-за фоторепортеров и произошло недоразумение, снова напомнившее о натовских башнях.

Вскоре после окончания футбольной встречи к нам обратились с претензией от местной полиции: почему наши фоторепортеры снимали эти башни? Дело в том, что стадион расположен на окраине города, прямо у подножия горы, на которой находится натовская база. И как ни крути, когда снимаешь футбол, в кадр невольно лезет эта гора. Но не для ее съемок приехали мы в город Варде. И после непродолжительного разговора эта претензия к нашим фоторепортерам показалась абсурдной даже полиции. Тем не менее остался на душе какой-то неприятный осадок. Мы-то восприняли эту историю с должным юмором, а нашим норвежским хозяевам, как мне показалось, было неловко. То ли за свою полицию, то ли за натовскую базу на норвежской земле.

На борту теплохода «Вацлав Воровский» было 250 посланцев нашей страны, направлявшихся на ставшую уже традиционной встречу представителей заполярных районов Финляндии, Швеции, Норвегии и Советского Союза. Предыдущая такая встреча успешно прошла в Мурманске. Именно из этого северного города и было большинство членов нашей делегации. Были также представители Петрозаводска, Ленинграда, Прибалтики, Армении. Многие из них — активисты Советского комитета защиты мира.

Встречи посланцев четырех стран являются составной частью общественного движения, которое носит название Северный Калотт. Это движение объединяет сторонников мира и дружбы между народами Заполярья. Во встрече этого года участвовало более 250 человек из Финляндии, в том числе вице-губернатор Лапландии, ряд депутатов сейма, представители почти всех политических партий Финляндии. Около 140 человек прибыло на встречу из Швеции, среди них — несколько депутатов парламента. От Норвегии в празднике участвовало более 150 человек.

Норвежские, финские, шведские и советские государственные флаги несколько дней реяли над Тромсе. В этом крупном центре Северной Норвегии собрались посланцы четырех наций. Мэр города торжественно открыл встречу на стадионе. После выступлений представителей стран-участниц была зачитана приветственная телеграмма Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, адресованная участникам встречи.

Место для праздника дружбы было выбрано удачно. Сравнительно небольшой по нашим масштабам город выглядит в Заполярье более чем внушительно. Он очень хорош. Наверное, в этих широтах





Выступают танцоры из Мурманска.

это самый красивый город мира. Недаром его называют северным Парижем.

Как и большинство городов Северной Норвегии, Тромсе вырос на берегах фиорда, по которым город от воды поднимается с годами все выше и выше. У Тромсе таких лет прошло немало — свыше семисот.

Обе части города соединены легким, как мечта, мостом. И в то же время под его средней аркой проходят океанские суда. Прошел под ней и наш «Вацлав Воровский» и стал у стенки прямо в центре города. Сходишь с трапа, и вот уже перед тобой центральная улица города Стургата. Как и положено Парижу, пусть и северному, вся она являет собой парад витрин. Параллельно ей идут еще две-три улицы, а выше скалистые стены фиорда делаются еще круче, и дальше уже не до улиц. Поэтому город вытянут вдоль берегов. Неподалеку от его центра начинается живописнейший пригород. По обе стороны извилистого шоссе причудливо разбросаны разноцветные и нарядные, похожие на игрушки дома.

В дни встречи многие лучшие здания города были отданы посланцам Заполярья. В них проходили конференции, семинары, лекции, концерты, приемы. В кинотеатре демонстрировались фильмы четырех стран.

Самый оживленный обмен мнениями был, пожалуй, на семинаре по вопросам защиты мира. У стран — участниц встречи много общих проблем в заполярных районах и в то же время столько различных подходов к решению одних и тех же вопросов. Натовская Норвегия, нейтральная Швеция, добрососедские советско-финские отношения. Было о чем поговорить, подискутировать. Участники встречи говорили о том, что север Европы можно и должно сделать зоной прочного мира. В частности, одобрялось предложение президента Финляндии У. Кекконена создать на Севере безъядерную зону.

Но участники дискуссии по вопросам защиты мира не ограничивались обсуждением одних только проблем Северной Европы. Они справедливо рассматривали себя как часть всенародного движения за мир, и это нашло отражение в принятом на встрече коммюнике, в котором, в частности, говорится:

«Сейчас, когда в различных районах земного шара имеют место конфликты, когда продолжается война во Вьетнаме, создающая серьезную угрозу всеобщему миру, решающее значение приобретает достижение взаимопонимания и доверия между народами. В этих условиях на нас ложится большая ответственность в достижении этих благородных целей, в превращении Заполярья в зону мира и сотрудничества народов наших стран».

Много участников привлекли профсоюзная конференция, обсуждавшая вопросы сотрудничества профсоюзов четырех стран, а также встреча по вопросам торговли в Заполярье. Без расписания, в часы, никем не установленные и не предусмотренные, вспыхивали, угасали и снова вспыхивали споры в просторном помещении педагогического училища, где находилась выставка живописи, прикладного искусства и фоторабот. Сотни полотен и рисунков, десятки имен художников из четырех стран. Если судить по этой выставке, то в суровом, но здоровом климате Севера вирус так называемого абстракционизма жизнеспособностью не отличается. Несколько такого рода произведений не заполнили даже одну стену экспозиции, занявшей три этажа. Люди и природа Севера в их конкретной, осязаемой форме, согретые сердечным теплом и талантом художников-реалистов, были на этой выставке главными героями.

Ярким праздником жизнерадостных, здоровых духом и телом людей воспринималась выставка прикладного искусства. Нарядная и добротная одежда, ювелирные изделия, орудия охоты и рыбной ловли, предметы домашнего обихода — все это говорило о щедром таланте и чутком сердце народов Заполярья.

Одним из самых впечатляющих моментов праздника в Тромсе стал концерт нашей художественной самодеятельности на центральной городской площади. Ее заполнили сотни зрителей — мамы с колясками, моряки, рыбаки, рабочие, служащие, школьники... Вся площадь расцветилась яркими нарядами молодежи. Аудитория была более чем благодарной, каждый номер программы принимался с восторгом.

Внимание многих любителей спорта привлек футбольный турнир четырех стран. И здесь, даже во время такой темпераментной и резкой спортивной игры, как футбол, царил дух дружбы и взаимного уважения.

Рассказывая о встрече в Тромсе, нельзя не упомянуть и о том, что, по нашим привычным представлениям, такой праздник мог быть и более массовым, представительным. Наверное, Норвегия, входящая в НАТО, для такой встречи — самое трудное место из всех четырех стран-участниц. Но в то же время уже сам факт такой встречи в натовской стране говорит о многом.

Чувствовалось, что праздничная атмосфера этих дней в Тромсе радовала далеко не всех. Чувствовалось, что накануне праздника определенные круги проделали большую работу среди населения, чтобы оно бойкотировало встречу. Тем не менее она состоялась, и ее участники договорились о проведении следующего такого же праздника в 1970 году.

Можно перечислить десятки мероприятий, проведенных по четко организованной программе, но никто не сможет подсчитать сотни незапланированных групповых и личных встреч, бесед, разговоров, которые и составляют суть, делают погоду праздников дружбы. Много таких встреч происходило уже у трапа нашего теплохода и на его борту. У трапа теплохода произошла и моя встреча с Енсом Хаукей.

Пожилой норвежец, высокий и седой, обратился ко мне на довольно сносном русском языке. Уже само это обращение не могло не привлечь моего внимания: норвежец, говорящий по-русски,— явление редкое. Мы познакомились. Он оказался преподавателем университета в Осло. Сейчас на летние каникулы приехал в Тромсе помочь составить программу для местной школы. И дело полезное сделать и подработать.

Мы разговорились и отправились выпить по кружке пива в знаменитый городской погребок. Там Енс Хаукей с большим чувством и гордостью за свои познания в русском языке спел мне от начала до конца песню о Стеньке Разине. Но не в этом главное. Мой новый знакомый оказался человеком интересной судьбы. В конце войны он был офицером норвежской армии и вместе с советскими войсками участвовал в освобождении Северной Норвегии от немецко-фашистских оккупантов. Очень сдружился с нашими офицерами и солдатами, а также с нашими бывшими военнопленными. С их помощью и выучил язык. До сих пор много читает по-русски, а вот говорить, к сожалению, приходится редко. Ездил туристом в Москву, но ведь это всего лишь несколько дней.

Енс Хаукей рассказывает о том, как фашисты зверски уничтожали норвежских и советских военнопленных. Он сам видел, как разрывали могилы, в которых были наспех засыпаны землей и камнями жертвы фашистского террора. На его глазах погибали в бою за свободу Норвегии советские солдаты и офицеры.

Он помнит об этом. Об этом же напоминают сегодня людям могилы советских и норвежских воинов на городском кладбище. К их памятникам участники встречи в Тромсе возложили венки. Почтив их память, они взяли на себя ответственность за то будущее, ради которого воины отдали свои жизни. За мирное будущее. Заботой о нем и была проникнута эта теплая встреча на самом севере Европы.

Завещание исполнено

К. ЧЕРЕВКОВ

Прибрежная дорога вдоль Финского залива... У самого Приморского шоссе проглядывает сквозь зелень сложенный из бревен узорчатый дом со стеклянными скатами крыши. В начале нашего века здесь стоял одноэтажный деревянный дом, не привлекая к себе внимания. Но вдруг враз застучали топоры, запели пилы. Дом стал обрастать пристройками. В девятьсот шестом году вырос второй этаж с необычными скатами кровли, остекленным куполом мастерской.

Ни один архитектор не вмешивался в замыслы нового владельца. В усадьбе все строилось и перестраивалось по рисункам Ильи Ефимовича Репина. Хозяин создавал свои Пенаты не сразу, по частям, и поэтому, быть может, дом выглядит так причудливо. Однако каждая пристройка, каждое помещение удобно и уютно.

Полянка, холмик, рощица получили свое название. Аллея Пушкина. Огибая небольшой пруд, она пересекает площадь Гомера. Беседка с колоннами на пригорке названа храмом Озириса и Изиды. Где-то в конце аллеи Пушкина — кружевная башенка Шехерезады. Отсюда в те времена открывался вид на залив. В парке, недалеко от дома,— артезианский колодец Посейдон. Вдали от него, в глубине усадьбы,— Чугуевская гора. Этот маленький любимый холмик Репин, назвав по имени родного города Чугуева, избрал местом для своей могилы. «Теперь из моего окна...— писал Илья Ефимович незадолго до смерти,— я всегда могу видеть мою будущую могилу между двух можжевельников, так похожих на кипарисы».

Разукрашенные деревянные ворота с надписью «Пенаты». Этим именем Репин назвал свою усадьбу. По верованиям древних римлян, Пенаты — боги домашнего очага, семейного благополучия. Позднее это имя стало нарицательным для обозначения родного дома.

В распахнутую настежь калитку посетители входят в музей-усадьбу.

От ворот в глубь парка уходит березовая аллея, посаженная при жизни Репина. По ней ходили Репин, Горький, Шаляпин, Стасов, Морозов, Глазунов, Маяковский, Павлов, Есенин, Бехтерев. В доме были свои обычаи и порядки, которым гости должны были следовать. В прихожей медный гонг — там-там. Над ним плакат, написанный от руки: «Самопомощь. Сами снимайте пальто, калоши... Бейте весело, крепче в там-там». Каждый входивший в дом ударом в гонг извещал о своем появлении. Самопомощь — правило репинского домашнего уклада.

У входа — стертый, совсем выцветший, некогда голубой флаг. Обычно он вывешивался на доме в день приезда гостей, оповещая, что их здесь ждут. Тут же в прихожей подлинные вещи — репинская крылатка, шляпа, берет. В углу трость, небольшой кожаный саквояж. Отправляясь в путешествие, он складывал в него необходимые для работы принадлежности. И рядом железный заступ. Им художник пользовался, работая в своем саду. Илья Ефимович любил физический труд: копал пруды, сажал деревья, подметал опавшие на аллеях листья, очищал дорожки от снега. Много ходил пешком, сам убирал свою комнату, сам топил печь, сам чистил палитру и очень раздражался, когда кто-либо пытался ему помочь. Он уверовал, что, если дозволит себе какую-либо житейскую роскошь, его творческая сила захиреет.

В первом этаже — залитая светом комната. Она сделана в виде стеклянного фонарика по чертежам Репина. Светлая, прозрачная, с прекрасным широким видом на парк. Здесь был рабочий кабинет, где художник проводил время после мастерской; читал, рисовал, слушал радиопередачи, узнавая все больше радостных новостей из обновленной России. «Слушая по радио лекции пролетариата,— писал Илья Ефимович,— я много раз был восхищен теми истинами, которыми живет уже его лучшая часть (особенно молодые писатели), так высоко поднялись они в последних произведениях...»

Вдоль стен кабинета внизу, на полках книги — научные, философские труды, литература. На титульных листах дарственные надписи А. П. Чехова, Д. И. Менделеева, В. Г. Короленко, Н. А. Морозова, Н. С. Лескова... Под стеклом — сочинения Владимира Ильича Ленина. Их по просьбе Репина прислал в Пенаты поэт и дипломат Павел Безруких. «Ах, большое спасибо за книги о Ленине,— отвечал поэту Репин,— я читаю все и добираюсь до понимания этого человека». В кабинете художник написал «Далекое близкое». За этим столом Репин делился своей радостью с друзьями в связи с получением письма от К. Е. Ворошилова.

«Вчера я получил письмо от товарища Ворошилова,— пишет он И. И. Бродскому.— Дивное письмо! Я считаю себя счастливым, получив автограф высокой ценности и признание моих заслуг представителем величайшей страны, имеющей такие заслуги перед человечеством. Другие страны никогда не поднимались на такую высоту»...

Репин много работал, целые дни он проводил в мастерской. И только один раз в неделю, в среду, он, да и то во второй половине дня, оставляет кисть, чтобы провести несколько часов среди своих друзей, художников, писателей, артистов, ученых, музыкантов.

В гостиной рояль, раскрыты ноты. Здесь пел Ф. И. Шаляпин. Ни одна среда в Пенатах не обходилась без музыки. Играли А. Глазунов, Б. Асафьев, выступали виолончелисты, скрипачи, звучали произведения Скрябина, Рахманинова. Приезжали в Пенаты художники В. Поленов, А. Куинджи, Б. Кустодиев, И. Бродский. Они вместе с Репиным рисовали гостей, собиравшихся в среду. Гости должны были оставлять свои автографы, а многие сопровождали их короткими фразами или рисунками. Один из листов альбома лежит на крышке рояля. В правом верхнем углу надпись: «Красота и искусство — вот религия будущего. Мария Андреева. 1905 — 8 июня». И рядом: «Человек — вот правда» — записал А. Тихонов фразу горьковского Сатина из пьесы на «Дне». В середине листа — карикатура, сделанная В. Каррик на Николая II. Под ней Горький, будто не зная, кто изображен, написал: «Кто сей урод?» На этом же листе, в уголке,— нотные строки и автограф композитора Б. Асафьева.

Из гостиной идем в столовую, где происходили знаменитые репинские обеды, за которыми собирались близкие знакомые художника. Посредине — круглый стол на 20 человек. Средняя часть его вращалась на винте, и каждый брал любое кушанье, не ожидая помощи прислуги. Под удар гонга и звуки органчика входили в столовую. Места занимались по жребию. Кто вытаскивал первый номер, садился в председательский деревянный резной стул и снимал крышки с кастрюль, тот, кто нарушал правила самопомощи, наказывался. Он должен был экспромтом произнести речь с трибуны, которая и сейчас стоит в углу столовой, на том же месте.

За этим круглым столом, стоя во весь рост, вдохновенно читал поэму «Война и мир» Владимир Маяковский, заслужив горячее репинское «Браво! Браво!». Этот момент запечатлен на фотографии, она лежит на столе. Владимир Маяковский познакомился с Репиным еще раньше, на даче у Корнея Чуковского, во время чтения «Облака в штанах», сразу покорив своим талантом великого художника.

По воспоминаниям Корнея Ивановича Чуковского, Репин слушал поэта жадно, не пропуская ни одной интонации, сопровождая часто словами: «Браво!»

«И после каждой строфы повторяет:

— Вот так так! Вот так так!

«Облако в штанах» дочитано... Репин просит: «Еще». Маяковский читает.

Репин восхищается: «Темперамент! Какой темперамент!

— Уж вы на меня не сердитесь, но, честное слово, какой же вы, к чертям, футурист».

Позже, увидев рисунки Маяковского, Илья Ефимович сказал: «Самый матерый реалист. От натуры ни на шаг, и... чертовски уловлен характер».

На средах в Пенатах знакомили со своими произведениями многие писатели. Леонид Андреев читал свою пьесу, Максим Горький — «Дети солнца». Шлиссельбуржец Н. Морозов делился своими воспоминаниями о заточении в крепости. Сергеев-Ценский выносил на суд художника свои первые рассказы.

Нам остается еще подняться по узенькой лесенке на второй этаж — в мастерскую, где Репин проводил лучшие часы своей жизни. Просторный зал. Бревенчатые стены. Резные наличники на окнах и дверях. Обилие света, он освещает мастерскую через стеклянную крышу, большие окна. У камина, на стене, висит старинное оружие — турецкая сабля, ружье, кожаная фляга для вина, бандура, верхняя одежда запорожцев и другие предметы их быта, собранные художником, когда он писал своих знаменитых запорожцев, сочиняющих письмо турецкому султану. У окна — диван. На нем Шаляпин позировал художнику. В центре мастерской — на мольберте — автопортрет Репина. На столике в вазе — его кисти, на табуретке — подвесная палитра, которую вешал на пояс, когда от долгой, напряженной работы атрофировались пальцы правой руки и он вынужден был писать левой. Мобилизуя все силы и волю, художник стал работать левой рукой не хуже, чем правой, написав полотно «Заседание Государственного Совета». Врачи велели художнику отдыхать хотя бы по воскресеньям. Но он не соблюдал даже этого предписания. На восклицание: «Как вы талантливы, Илья Ефимович!» — он отвечал: «Не талантлив, а трудолюбив». Восемьдесят лет И. Е. Репин не выпускал из рук кисть. Когда, казалось, силы окончательно покидают, ноги не держат, художник, держась за стену или шкаф, подползал к начатой новой работе «Гопак» и писал. Буквально за несколько месяцев до смерти он работал над эскизом «Римский воин». Доспехи, в которые облачился позирующий сосед В. М. Максимов, находятся сейчас в мастерской вместе с неоконченным этюдом.

С волнением покидаем мастерскую. Поднимаемся на крохотную лестницу. Перед нами дверь, которая ведет в соседнюю комнату. Здесь нам предстоит пережить огромную радость: мы увидим Репина. Открываем дверь. На полу, поджав ноги, сидят школьники — так удобнее смотреть на маленький экран, на котором живой, веселый, шутливый дедушка Репин гуляет зимой по заснеженным аллеям парка со своими гостями. Вот Илья Ефимович угощает гостей «целебной» водой из артезианского колодца. У дома все останавливаются; хозяин подходит к козе, кто-то закуривает; а вот Репин очищает аллею от снега. Еще секунда — и мы видим жизнерадостного, улыбающегося Репина за круглым столом... Маленький хроникальный фильм «Репин в Пенатах», составленный из кадров, отснятых французской фирмой, был привезен И. И. Бродским из Финляндии в 1926 году.

Свои любимые Пенаты Репин завещал Академии художеств. Он мечтал о том, чтобы этот дом, где он провел последние 30 лет своей жизни, после его смерти был открыт для художников и любителей искусства. Воля великого живописца исполнена. Пенаты переданы Академии художеств СССР. Имя Репина носит поселок и железнодорожная станция.

Нелегко было возродить Пенаты в первозданном виде. Война оставила один каменный фундамент, дом сгорел в пламени пожара. Не осталось чертежей, рисунков. Дом восстанавливали искусные мастера по фотографиям. С огромной любовью научные сотрудники отыскивали, возвращали обстановку мемориальных комнат.

Десятки тысяч людей, посетивших музей-усадьбу И. Е. Репина, с благодарностью вспоминают тех, кто не пожалел сил, возрождая великий памятник русской культуры.

Пенаты. В мастерской И. Е. Репина.



Стеклянная терраса-башня.



Уголок передней.

Дом-усадьба И. Е. Репина — Пенаты.

Фото Г. Колосова.

Рабочий стол художника.



Василий АРДАМАТСКИЙ

История с неожиданным концом

1

Работа следователя, по-моему, одна из самых интересных на земле. Интересных и очень трудных.

Дело, о котором я хочу рассказать, любопытно тем, что оно под занавес как бы обмануло следователей. Вместе с тем оно дает возможность показать, каким кропотливым является повседневный труд следователя...

«Герои» этого дела впервые встретились в южном городе. Асе Петровой было тогда восемнадцать лет, она еще училась в школе, а Борис Евгеньевич Ступаков был значительно старше и собирался продолжить прерванное войной педагогическое образование. Их роман был так скоротечен, что описать его невозможно. Однако у Аси хватило предусмотрительности заставить Ступакова сходить в загс.

Прошло несколько месяцев. Ступакова должна была стать матерью. И тогда Борис Евгеньевич поставил вопрос ребром: «Вот тебе деньги — делай аборт. Мои непреклонные родители, узнав о ребенке, попросту выгонят меня из дому. А если ребенка не будет, то я еще попытаюсь их сломить». Горько плачет восемнадцатилетняя женщина, плачет, но соглашается на все.

Ступаков отбыл к своим родителям в Новосибирск и считал, что из южной романтической истории вывернулся блестяще. На нежные письма с юга он не отвечал: Борис уже любил другую. Этот новый роман тоже был бурным и скоротечным. И снова Ступаков миновать загса не смог. Сыграли свадьбу. Родился ребенок...

И вдруг — о женское коварство! — с юга приходит письмо, из которого Ступаков узнает о «подлом» обмане. Оказывается, Ася аборта тогда не сделала и родила мальчика, которому сейчас пошел уже второй годик. А деньги она «нахально проела». Невероятное коварство! Хотелось не верить письму, но, увы, вскоре с юга пришла и повестка, приглашавшая Бориса Евгеньевича Ступакова явиться в суд в качестве ответчика. Он в страшном смятении — ему бы жить, да поживать, да во вверенной ему школе (диплом педагога уже в кармане) воспитывать в строгости подрастающее поколение. А тут нá тебе, пожалуйста...

Спустя трое суток он был уже у Аси... Да, он плохой, он чертовски скверный человек, но он любит правду и потому говорит Асе все как оно есть, абсолютно все! Он там, в Новосибирске, пытаясь забыть Асю, женился. Но в браке этом несчастлив, и Ася все время у него перед глазами. Однако новосибирская жена развода ему не даст. Единственное, что может ее пошатнуть,— это если он ей предъявит Асиного ребенка и скажет, что это его сын. Вот какая сложная штука жизнь, черт бы ее побрал!

Петрова ничтоже сумняшеся отдает Ступакову полуторагодовалого сына, и он увозит его в Новосибирск. С дороги Ася получила от него веселенькое письмецо о том, что их Бориска ведет себя в поезде образцово, что он любимец всех обитателей вагона и поэтому нянек у него хоть отбавляй...

2

В Новосибирскую милицию поступило заявление от Аси Петровой о том, что у нее пропал ребенок. Ее пригласили зайти, чтобы уточнить некоторые подробности. Во-первых, почему она подает заявление спустя полтора года после пропажи ребенка?

Оказывается, она сначала решила искать ребенка сама и для этого завербовалась на работу в Новосибирск. Но произошло какое-то недоразумение, и Ася оказалась в Ленинграде, а там тяжело заболела и несколько месяцев пролежала в больнице. И вот только теперь смогла добраться до Новосибирска и устроиться здесь на работу.

На работника милиции Ася произвела такое впечатление, какое она должна была произвести на проницательного человека,— перед ним сидело существо весьма легкомысленное. И вдобавок трудно понять, чего она добивается: то ли ребенка хочет найти, то ли вернуть себе непутевого мужа. Петрова уже побывала у родителей Бориса Евгеньевича. Они сказали, что ее они знать не знают. Где живет их сын, они тоже не знают: он работает в железнодорожных школах и часто переезжает с места на место...

Так или иначе, а следователю надо действовать. Соответствующая бумага была послана в милицию поселка, где Ступаков работал директором школы. Борис Евгеньевич тотчас же примчался в Новосибирск. Он разыскал Асю и мастерски разыграл перед ней трагический спектакль,— у него, оказывается, так сложились обстоятельства, что в самое ближайшее время он отделается от своей нелюбимой жены, но для этого, если Ася еще любит его, она должна сходить в милицию и сказать, что с ребенком все выяснилось и уладилось... Он водит ее по ресторанам и магазинам, покупает ей подарки, потчует сладким вином. И безответственная мамаша, позабыв о ребенке, пошла в милицию, и по ее заявлению дело было прекращено...

Прошло немного времени, и Ася убедилась, что она опять обманута. И она снова подает заявление о пропаже ребенка. Теперь это дело попадает в руки опытнейшего работника милиции Павла Васильевича Ткачукова. Он беседует с заявительницей и видит в ней то же, что видели его коллеги. Но Ткачуков прежде всего озабочен судьбой ребенка — где он, пропал или попросту брошен легкомысленными родителями? И, наконец, не убит ли он?

Ася рассказывает, что Ступаков на все вопросы о сыне ответил, что ребенка нет и она никогда его не найдет, и притом грозит: «Если будешь бегать по милициям, потеряешь последнюю возможность стать моей женой...»

Павел Васильевич Ткачуков возбуждает уголовное дело и вызывает на допрос Ступакова.

Перед ним сидит еще довольно молодой мужчина с открытым, приветливым лицом, с живыми, острыми глазами. Держится он спокойно, свободно, говорит легко, убедительно...

Да, он тогда на юге ребенка забрал, но совсем не по той причине, которую рассказала в милиции Ася. Согласитесь сами — глупо везти ребенка к новой жене в качестве средства облегчения развода. Он взял ребенка, когда узнал, насколько аморальна его мать. «Я думал только об одном: как спасти ребенка? Хотя, откровенно признаться, острых отцовских чувств к нему не испытывал...» До предела расстроенный, совершенно не зная, как с этим ребенком поступит в дальнейшем, он сел в поезд и уехал. В поезде в одном с ним купе ехала очень милая женщина, которая все время играла с его сыном. Она поведала ему свою драму — у нее не может быть детей. В свою очередь, он рассказал женщине историю ребенка, которого вез в Сибирь. В Ростове он побежал на рынок, а когда вернулся в вагон, там не было ни той женщины, ни ребенка. Сгоряча Ступаков хотел обратиться в железнодорожную милицию, но вовремя понял, что расследование может затянуться, а он очень спешил попасть в Новосибирск к началу учебного года в школе. И тогда он ограничился только объявлением по станционному радио о пропаже мальчика, но это ни к чему не привело. А втайне он понимал, что ребенок попал в надежные руки...

Ткачуков записал все это и дал Ступакову понять, что вполне удовлетворен его показаниями. А на самом деле Ступакову не поверил. Он был еще далек от мысли, что перед ним убийца ребенка, но все-таки не настолько далек, чтобы об этом вовсе не думать.

Работник милиции знал, что установление истины потребует громадной и совсем не увлекательной работы,— что интересного в писании бесконечных запросов, на которые последуют ничего не дающие ответы? Между тем, обладая минимальным умением сочинять «юридические формулировки», он мог бы без особого труда избавиться от этого дела...

Он не пошел по этому пути.

Стиль работы Павла Васильевича Ткачукова — тщательность. Абсолютно во всем — и в большом и в самом малом. Вот и сейчас, отпустив Ступакова, он пододвигает к себе железнодорожный справочник, стопку бумаги и начинает писать запросы на все железнодорожные станции от того южного города до Новосибирска: не было ли у них тогда-то какой-нибудь истории с пропавшим ребенком или, не дай бог, не находили ли у них труп полуторагодовалого мальчика? Вскоре приходят ответы: нет, нет и нет, ничего не было. Павел Васильевич запрашивает радиоузел на станции Ростов — давал ли кто-нибудь в такой-то день и в такое-то время объявление о пропаже полуторагодовалого мальчика? Пришел ответ: нет, не давал.

И вот снова перед Ткачуковым сидит Борис Евгеньевич... Он крайне огорчен, что милиция ему не верит, треплет нервы и мешает нормально жить и работать. Павел Васильевич извиняется за доставляемое беспокойство и задает совсем неожиданный для Ступакова вопрос. Дело в том, что в его хронологии путешествия от того южного города до Новосибирска Павел Васильевич обнаружил несуразность: он ехал на три дня больше, чем следовало. Где он был эти три дня?

Борис Евгеньевич, морща лоб, долго, напряженно думает и говорит, что, очевидно, в хронологию вкралась ошибка. И вдруг взорвался:

— Почему вы меня дергаете и третируете? В конце концов факт состоит в том, что у меня украли ребенка, и за это надо судить и таскать на допросы не меня, а кого-то другого!

Павел Васильевич спокойно советует Борису Евгеньевичу попусту не нервничать и понять, что у него, следователя, есть обязанности — стремиться все выяснить...

Павел Васильевич не поверил Ступакову и на этот раз. Он доложил обо всем случившемся начальнику, но, поскольку никаких прямых улик не было, решили дело против Ступакова прекратить. А поиск ребенка продолжать...

3

Между тем Ася Петрова окончательно изуверилась в надежде стать женой Бориса Евгеньевича и решила получить хотя бы сына. Она к этому времени (прошло еще полтора года) снова жила в том южном городе, где встретилась со Ступаковым. И оттуда в Прокуратуру РСФСР и одновременно в Министерство охраны общественного порядка поступают ее заявления. Опять о пропавшем ребенке, увезенном от нее ее мужем. Теперь к заявлению она приложила копии писем Ступакова. В одном из них он писал ей: «Даже если я убил ребенка, все равно никто его не найдет. Я буду звенеть кандалами, но что это даст тебе? А я мог бы всегда помочь тебе в трудную минуту...» Кроме того, она сообщала, что однажды, когда жила в Новосибирске, Ступаков, пьяный, явился к ней в общежитие и сказал: «Да, я убил нашего ребенка, и делу конец». Когда он ушел, она рассказала об этом подругам по общежитию. Сообща они решили: мало ли что пьяный болтает...

Теперь этим делом в Новосибирске занимаются уже знакомый нам работник милиции Павел Васильевич Ткачуков и тогда совсем молодой следователь прокуратуры Владимир Статкус. Они действуют вместе. Много, очень много часов Владимир Статкус и Павел Васильевич Ткачуков порознь и вместе обдумывали и обсуждали все детали дела и как бы издали присматривались к Борису Евгеньевичу Ступакову. Каждый преступник, необъяснимо почему, надеется, что именно его наказание минует. Ступаков в этом отношении вел себя абсолютно уверенно. Но, как и все преступники, он недооценивал искусство и упорство тех, чьей обязанностью является раскрывать преступления.

Статкус и Ткачуков пришли к выводу, что они имеют дело с явным преступником. Ребенок исчез. А то, что его труп не найден, ничего не значит: в судебной практике бывали случаи, когда преступникам удавалось скрыть труп. Перед областным прокурором Беляевым ставится вопрос об аресте Ступакова. Прокурор созвал консилиум. Взвешивалось все, что касалось личности Ступакова. Оказывается, наш герой во время войны бежал с фронта и полгода скрывался в подвале у родителей, был обнаружен, судим и приговорен за дезертирство к расстрелу. Его спасло только то, что два его брата были на фронте; смерть ему заменили штрафным батальоном, в котором он и закончил войну. И вдруг этот позорный факт в биографии Ступакова теперь срабатывает в его пользу,— один из участников консилиума, опытнейший работник милиции, высказал сомнение: а мог ли трусливый Ступаков убить ребенка?

И все-таки решено было предъявить Ступакову обвинение в убийстве сына. По-прежнему уязвимым местом обвинения оставался ненайденный труп мальчика. В связи с этим все остальные улики должны быть абсолютно неопровержимыми. Каких это стоило трудов работникам милиции и прокуратуры! Вот как была получена только одна из улик. Помните, Ася Петрова сообщила в последнем заявлении, что пьяный Ступаков заявил ей, что он убил ребенка и она тогда рассказала об этом подругам по общежитию? Было решено допросить подруг. Но оказалось, что они, закончив работу на стройке в Новосибирске, давно разъехались по другим стройкам страны. Все они были найдены, допрошены и все подтвердили этот

фант. С не меньшим трудом добывались и другие улики...

И вот принимается решение — арестовать Ступакова. Операцию проводят Ткачуков и Статкус. Увидев уже знакомого ему работника милиции, Ступаков достает из стола пухлую переплетенную рукопись и говорит:

— Смотрите, что я написал, пока вы мне не мешали...

Это была его кандидатская диссертация на тему «Критика и самокритика как метод коммунистического воспитания в советской школе».

Обыск ничего не дал. Ступакова доставили в прокуратуру и начали допрашивать.

— Итак, мальчик пропал в Ростове? А почему вы матери ребенка пишете с дороги: «Мы с сыном проехали Ростов, следуем к Москве, он ведет себя джентльменски...»?

Ступаков пристально смотрит на письмо в руках следователя — не берут ли его на пушку? Увы, нет: он видит собственный почерк.

— Я раньше сказал неправду,— говорит он.— Ребенок пропал под Москвой.

— Значит, под Москвой? А своим родителям вы сказали, что ребенок пропал под Воронежем. Где же он все-таки пропал?

Замешательство. Молчание.

— А ваша вторая жена говорит, что вы сказали ей, будто мальчик был украден у вас уже здесь, в Новосибирске. Где же правда?

Молчание.

— Зачем вы взяли у Аси все фотографии мальчика и свидетельство о его рождении? Где всё это?

— Уничтожил, чтобы ничего не напоминало о нем лишний раз...

— Нами точно установлен день вашего отъезда с мальчиком с юга и день вашего прибытия в Новосибирск. Где вы были три дня?

Молчание.

Проводится очная ставка между Ступаковым и Асей Петровой. Она убедительно обличает его, показывает ему его письма, но он твердит одно: не верьте ей, она человек аморальный...

4

Картина была достаточно ясной, и Ступакову было предъявлено обвинение в убийстве ребенка.

Он виновным себя не признал. Заявил, что является жертвой нелепого случая и привлекать к ответственности надо не его, а тех, кто украл у него ребенка. Держался он совершенно спокойно и даже нагло.

На другой день после вручения ему обвинительного заключения следователю Статкусу позвонили из тюрьмы — его срочно требовал к себе Ступаков. В тюрьму поехали начальник следственного отдела и Владимир Статкус.

— Если я скажу вам, где ребенок, вы меня выпустите? — спросил Ступаков.

Ему сказали, что его выпустят, когда станет ясным, что он ни в чем не виноват. Тогда он заявил:

— Я действительно довез ребенка до Новосибирска и три дня жил на вокзале, не зная, что с ним делать. А затем пошел на центральную площадь, вошел в хороший дом и оставил там спящего ребенка на лестнице. Что с ним было дальше, не знаю.

Следователь считает это его заявление не больше как уловкой, попыткой оттянуть суд. Ведь еще давно и в этом городе были опрошены работники всех детских комнат милиции. Теперь опросили всех жильцов названного Ступаковым дома. Никто ничего о ребенке не знал. И все-таки следователи решили проверить все Дома ребенка — вдруг мальчик попал туда, минуя милицию? И представьте себе, в одном из них они находят запись о мальчике, которого именно в те дни доставил с улицы постовой милиционер. Описание одежды ребенка сходится с тем, которое сделала Ася. Нашли милиционера, и тот припомнил, как несколько лет назад, находясь однажды на посту, увидел шагавшего по середине улицы мальчугана. Родители не объявились, и милиционер отвел мальчика в ближайший Дом ребенка. Там тоже подождали запроса родителей, а потом зарегистрировали его на общих основаниях.

Но все это было уже несколько лет назад. Сейчас этого мальчика в Доме ребенка уже не было; его усыновили бездетные муж и жена, которые, боясь, что найдутся мать или отец ребенка, уехали из Новосибирска в город Н. А здесь возникла форменная трагедия: супруги полюбили мальчика, как родного...

Нелегко было говорить с ними следователю Статкусу, но он ничего иного сделать не мог — он обязан установить, что усыновленный ими мальчик и пропавший ребенок — одно и то же лицо. Эксперты на основе фотографий ответили на запрос следователя утвердительно, и тогда Асю Петрову вызвали с юга, чтобы она сама опознала сына.

В одной из школ в пионерской комнате была собрана группа ребят, и среди них сын Аси. Ее ввели в комнату, она быстро оглядела ребят и сразу же узнала сына: «Вот он! Мой!» И упала в обморок.

Спустя час в кабинете Статкуса творилось невообразимое: три взрослых человека — новые родители мальчика и Ася — плакали навзрыд. Да и у следователя нервы тоже не железные...

Не плакал только Борис Евгеньевич Ступаков. Он требовал, чтобы его немедленно освободили, как ни в чем не повинного человека. Но на свободу он не вышел: суд приговорил его к двум годам тюрьмы за оставление человека в беспомощном состоянии.

Так закончилось это дело, отнявшее у следователя Владимира Статкуса почти полгода, а у Павла Васильевича Ткачунова еще больше. Это было одно из обычных дел, какими занимаются следователи милиции и прокуратуры. И все же необычное. Как необычно в жизни любое преступление.

Валентин КАТАЕВ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Пряха

Поет красавица за прядкой
У неумытого окна,
И день сбегает нитью гладкой
Из рук в мотки веретена.

Покорен сладкому безделью
Под мягкий стук и скрип колес,
Слежу, как тает над куделью
Девичьих пальцев желтый воск.

Завороженный и усталый,
Сижу, к овчине прислонясь.
Последний луч струною алой
Трепещет в сумраке, томясь.

И вижу вдруг — под шум напевный
Не в силах дрему превозмочь —
Простоволосою царевной
Уже сидит за пряжей ночь.

И голова седой колдуньи
Над ней, как облако, бледна.
И тонкий ноготь новолунья
Грозит из синего окна.

Балта. 1920

Месяцеслов

На титульном листе месяцеслова,
Тисненного сто лет тому назад,
Бог Саваоф из туч глядит сурово,
И на коленях ангелы стоят.

Меж крупных звезд, рассеянных широко,
Круг Зодиака выведен — и в нем
Начертано всевидящее око
В соседстве с древом, гроздью и снопом.

В сей древней книге с чайными листами,
Где грубый шрифт и четкая печать,
Под сельскими простыми образáми
Я прочитал, что Анна — благодать.

Балта. 1920

Огонь

Нас в детстве качала одна колыбель,
Одна нас лелеяла песня,
Но я никогда не любил голубей,
Мой хитрый и слабый ровесник.

Мечтой не удил на прибоя сирен,
А больше бычков на креветку
И крал не для милой сырую сирень,
Ломая душистую ветку.

Сирень хороша для рогатки была,
Чтоб, вытянув в струнку резинку,
Нацелившись, выбить звезду из стекла
И с лету по голубю дзынкнуть.

Что голуби? Аспидных досок глупей,
Ну, пышный трубач или турман!..
С собою в набег не возьмешь голубей —
На скалы прибрежные штурмом.

И там, где японский игрушечный флаг
Трепало под взрывы прибоя,
Мальчишки учились атакам во фланг
И тактике пешего боя.

А дома, склонясь над шершавым листом,
Чертили не конус, а крейсер,
Борты «Ретвизана», открытый кингстон
И крен знаменитый «Корейца».

Язык горловой голубиной поры
Был в пятом не многим понятен.
Весна в этот год соблазняла дворы
Не сизым пушком голубятен.

Она, как в малинник, манила меня
К витринам аптекарских лавок,
Кидая пакеты сухого огня
На лаковый, скользкий прилавок.

Она, пиротехники первую треть
Пройдя по рецептам, сначала
Просеивать серу, селитру тереть
И уголь толочь обучала.

И, высыпав темную смесь на ладонь,
Подарок глазам протянула.
Сказала: — Вот это бенгальский огонь! —
И в ярком дыму потонула.

К плите. С порошком. Торопясь. Не дыша.
— Глядите, глядите, как ухнет! —
И вверх из кастрюль полетела лапша
В дыму погибающей кухни.

Но веку шел пятый, и он перерос
Террор, угрожающий плитам:
Не в кухню щепотку — он в город понес
Компактный пакет с динамитом.

Я помню: подводы везли на вокзал
Какую-то кладь мимо школы,
И пятый метнулся... (О, эти глаза,
Студенческий этот околыш!)

Спешил террорист, прижимая к бедру
Гранату в газете. Вдруг — пристав,
И ящиков триста посыпалось вдруг
На пристава и на террориста.

А пятый уже грохотал за углом
В рабочем квартале, и эхо
Хлестало ракетами, как помелом,
Из рельсопрокатного цеха.

А пятый, спасаясь от вражьих погонь,
Уже, непомерно огромный,
Вставал, как багровый бенгальский огонь,
Из устья разгневанной домны.

И нá ухо сдвинув рабочий картуз,
Пройдя сквозь казачьи разъезды,
Губил эстакады в оглохшем порту
И жег, задыхаясь, уезды...

Москва. 1925

ЛЕТ

Один из крупнейших советских русских писателей, Валентин Катаев, начинал свой творческий путь как поэт. Он и сейчас остается верен поэзии.

В сегодняшнем номере публикуются стихи Валентина Катаева, написанные им в разные годы и предоставленные журналу «Огонек».

* * *

Давайте говорить серьезно.
Что остается делать нам?
Бежать — постыдно. Думать — поздно.
Одно: гадать по штемпелям.

А где-то финские шаланды
Зимуют на снегу глухом,
И хрупкий лед звенит, как ландыш,
Под осторожным каблуком.

И ночь горит за Носом Лисьим,
Разлукой сердце пепеля.
И по конвертам наших писем
Бегут, как версты, штемпеля.

Москва, 1930

Девушка

Степная девушка в берете
Стояла с дынею в руке,
В зеленом плюшевом жакете
И ярко-розовом платке.

Ее глаза блестели косо,
Арбузных семечек черней,
И фиолетовые косы
Свободно падали с плечей.

Пройдя нарочно очень близко,
Я увидал, замедлив шаг,
Лицо скуластое, как миска,
И бирюзу в больших ушах.

С усмешкой жадной и неверной
Она смотрела на людей,
А тень бензиновой цистерны,
Как время, двигалась по ней.

Куйбышев—Ташкент. Поезд.
1942

* * *

Когда я буду умирать,
О жизни сожалеть не буду.
Я просто лягу на кровать
И всем прощу. И все забуду.

Переделкино. 1944

Сугробы

Ах, какие сугробы
За окном намело!
Стало в комнатах тихо,
И темно, и тепло.

Я люблю этот снежный,
Этот вечный покой,
Темноватый и нежный,
Голубой-голубой.

И стоит над сугробом
Под окном тишина...
Если так же за гробом —
Мне и смерть не страшна.

Переделкино. 1944

Бесприданница

Когда, печальна и бела,
Она плыла перед кулисой,
Не знаю, кем она была:
Сама собой или Ларисой.

Над старой русскою рекой
Она у рампы умирала
И ослабевшею рукой
Нам поцелуи посылала.

Пока разбитая душа
Еще с беспамятством боролась,
«Я всех люблю вас»,— чуть дыша,
Нам повторял хрустальный голос.

Как одержимые, в райке
Стонали нищие студенты,
И в остывающей руке
Дрожали палевые ленты.

Не знаю, силою какой
Она таинственной владела.
Она была моей душой,
Впервые покидавшей тело.

Она была моей сестрой,
Она ко мне тянула руки,
Она была судьбой и той,
С которой я всю жизнь в разлуке.

Переделкино. 1944—1945

* * *

В снегу блестящем даль бела,
Нарядная, блестящая,
Но эта красота была
Совсем не настоящая.

Ты только раз моей была,
Не лгала, не лукавила,
И, как ноябрьский снег, прошла,
Один туман оставила.

Переделкино. 1954



ХУДОЖНИК-БОЕЦ

— Моими учителями были... Репин и Суриков.— Эти слова сказаны художником Иогансоном.

Пожалуй, мало кто в нашем современном искусстве может с таким правом назвать своими учителями великих русских живописцев. И ведь не только назваться учеником, но и стать продолжателем традиций русской реалистической школы.

Трудно представить себе путь развития и становления нашей живописи без картин Б. В. Иогансона. Они подобны вехам на сложной и прекрасной стезе советского изобразительного искусства.

Борис Владимирович Иогансон родился в 1893 году в Москве. Мальчиком столкнулся с жизнью московской бедноты. «Картины мрачной действительности,— рассказывает художник,— заставляли меня всматриваться в людей и искать разгадки — почему одни живут хорошо, весело, богато, а другие вынуждены влачить жалкое существование. Разгадка эта пришла ко мне значительно позднее».

Накануне первой мировой войны Иогансон поступает в Московское училище живописи. Его учителя — Архипов, Касаткин и К. Коровин... Константин Коровин оказал большое влияние на талантливого юношу. «Коровин поставил мне глаз, привил любовь к цвету, но не заполнил целиком...» — вспоминает художник. Конечно, Коровин не мог помочь молодому человеку разгадать загадку, почему одни люди живут богато, а другие влачат жалкое существование. На этот вопрос ответ дала революция.

В начале двадцатых годов молодой живописец сталкивается с засильем формалистов в молодом советском искусстве.

Вот что писалось в письме ЦК РКП(б) о «левом искусстве»: «Футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму идеалистической философии и, наконец, просто неудачники, выходцы из рядов буржуазной публицистики и философии стали кое-где заправлять всеми делами в Пролеткультах. Под видом «пролетарской культуры» рабочим преподносили буржуазные взгляды в философии (махизм). А в области искусства рабочим прививали нелепые, извращенные вкусы (футуризм)».

...Иогансон с первых своих шагов вступает в непримиримую борьбу со всевозможными «измами».

Его картины «Рабфак идет», «Советский суд» своей полнокровной живописью, глубоким проникновением в психологию человека-современника представляют разительный контраст с абстрактными, бездушными творениями «левых».

Иогансон в своих первых крупных выступлениях как бы принимает эстафету от мастеров русской реалистической живописной школы. И каждое его последующее произведение все более глубоко отражает победу в нашем искусстве этих великих традиций.

«Допрос коммунистов», «На старом уральском заводе» — золотые страницы истории советской школы живописи. Они так же знакомы и близки сердцу любого ценителя искусства, как шедевры русской классики.

Навсегда останутся в памяти яркие, проникнутые пафосом борьбы образы его картин, равнозначные героям А. Толстого, Фадеева, Шолохова.

Иогансон — художник-боец. Его многогранная и плодотворная общественная деятельность, его талант педагога привлекают к нему самые широкие круги творческой молодежи...

«Народ — герой и творец истории,— говорит Иогансон.— Показать деяния нашего народа во всей их исторической значимости, величии и красоте — почетный долг художников, от которых советский зритель ждет не только волнующих и эмоциональных картин на бытовые темы, но и полотен, поднимающих темы общенародные, темы большого общественного звучания».

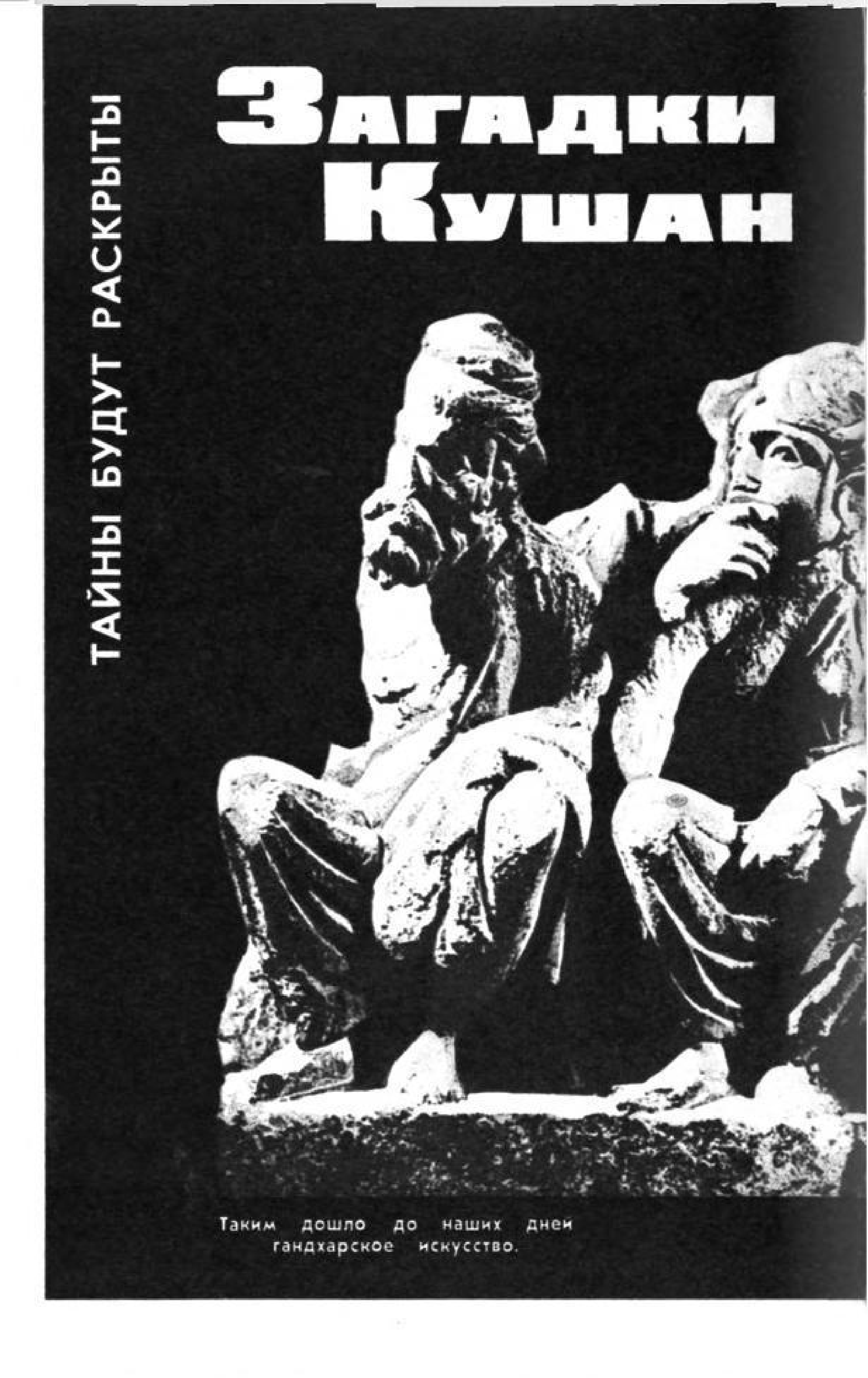
И этот долг художника-патриота выполняет народный художник СССР Борис Владимирович Иогансон.

В день славного 75-летия пожелаем ему здоровья и творческих успехов.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ТАЙНЫ БУДУТ РАСКРЫТЫ

Загадки Кушан



Таким дошло до наших дней гандхарское искусство.

Б. Г. ГАФУРОВ,
член-корреспондент АН СССР

В 30-х годах прошлого века археологи вели раскопки одного из древних городищ недалеко от Кабула. Они были поражены необычными находками. Несколько обнаруженных статуй не увязывались с привычными образцами ни античного, ни восточного искусства. Так, например, перед археологами предстали головы Будды восточного образца, но с явными чертами античной греческой скульптуры. Среди ученых начались оживленные споры. Археологи и историки, знатоки античного и восточного искусства, пытались разгадать тайну загадочных скульптур: кем и когда были созданы эти великолепные образцы, каково их происхождение и характер?

Некоторые ученые полагали, что это образцы чисто индийского искусства, выполненные буддийскими мастерами, жившими и учившимися в странах Средиземноморья. Другие отрицали буддийский характер скульптур и создателями их считали греческих ремесленников. Иные специалисты приписывали авторство древнеримским скульпторам.

Число загадочных скульптур и рельефов увеличивалось необычайно быстро. Только раскопки в Хадде (Афганистан) принесли более 22 тысяч новых экземпляров этого искусства, условно названного гандхарским — по имени области Гандхара (сейчас — Западный Пакистан), где было найдено наибольшее число памятников.

Споры продолжают разгораться, хотя ученым уже удалось кое-что твердо установить и, в частности, то, что памятники гандхарского искусства относятся к первым векам нашей эры, когда существовала могущественная империя Кушанов, охватывавшая области Индии и Средней Азии.

Несколько лет назад известный французский ученый Д. Шлюмберже высказал убедительную гипотезу о том, что гандхарское искусство представляло лишь одну, преимущественно буддийскую струю в искусстве кушанской эпохи и что наряду с ним процветало другое направление — светское, представленное памятниками из другой области Кушанской империи. Вероятно, к ним следует отнести изображающий музыкантов и гирляндоносцев Айртамский фриз, обнаруженный вблизи Термеза (Южный Узбекистан).

Новый этап в разгадке тайн кушанского искусства связан с работами советских археологов в Средней Азии. Особый интерес представляют раскопки, которые велись под руководством профессора Г. А. Пугаченковой в Халчаяне и Дальверзинтепе (Южный Узбекистан). Эти исследования, бесспорно, доказали, что самостоятельную и своеобразную страницу в истории кушанского искусства занимала среднеазиатская бактрийская школа, которая во многом определила формирование важнейших черт кушанской изобразительной культуры в целом. Бактрия включала в себя в основном территорию южных районов Узбекистана и Таджикистана и северный Афганистан.

Халчаянская скульптура показала, насколько оригинальной и яркой была художественная школа древней Бактрии. Изображения воинов, царевича, женская головка имеют портретный характер и лишены религиозного буддийского содержания. Бактрийские скульпторы творили, следуя собственным художественным традициям и эстетическим вкусам.

Вопрос о местной, среднеазиатской традиции заслуживает особого внимания. Иные западные ученые, идеализируя завоевания Александра Македонского, вторгшегося в IV веке до н. э. с войсками в Среднюю Азию, склонны объяснять развитие культуры в дальнейшем только греческим, эллинским влиянием. Это — искажение исторической картины. Решительное сопротивление, оказанное Александру среднеазиатскими народами, особенно в Согдиане (в равнинах и горах Зеравшана), уже само по себе свидетельствует, что эти народы имели сложившуюся высокую культуру, свои обычаи и верования, которые они активно защищали. Сопротивление иноземным захватчикам, народные восстания против них не прекращались в течение десятилетий и веков.

Археологические раскопки также говорят о развитой высокой цивилизации, о существовании широкой ирригационной сети, организованной добыче полезных ископаемых — золота, железа, меди, олова, об искусном ремесле, о наличии большого количества древних городов. Все это содействовало формированию местного стиля в искусстве, который сохранялся, совершенствовался и воспринимал влияние греческого искусства творчески, а вовсе не растворился в нем.

В местном государстве с господствующей эллинизированной верхушкой — так называемом Греко-бактрийском (III—II вв. до н. э.) процветало производство серебряных художественных изделий, которые сочетали античные (эллинские) и местные особенности. Рядом с местным божеством воды и плодородия Анахитой, например, изображался греческий бог Дионис. То же самое наблюдалось и в скульптуре. При раскопках Старой Нисы на территории другого среднеазиатского древнего государства — Парфии — археологи, например, обнаружили статую полуобнаженной молодой женщины со слегка склоненной головой. Ее волосы, разделенные на прямой пробор, облегали голову крупными, словно влажными, прядями. Полагают, что это — изображение Родогуны, дочери парфянского царя Митридата I (171—138 годы до н. э.); рассказывают, что из-за неожиданного появления врага царевна не успела домыть и уложить волосы. В этой скульптуре характерны, с одной стороны, античная каноническая поза полураздетой богини Афродиты, отжимающей волосы, а с другой — прекрасное восточное лицо, «негреческий нос», очертания властного рта и глубоко посаженные глаза, то есть опять-таки сочетание местной и античной традиций.

И в произведениях искусства последующих веков, в частности Пенджикента (Таджикистан), особенно в работах местных мастеров, изображавших ремесленников, воинов и бытовые предметы, все больше наблюдается не простое греческое влияние, а органический сплав, синтез двух культур — Востока и Запада.

Много подобных произведений советские археологи обнаружили за последние годы в раскопках вблизи Душанбе, где были в свое время поселения древней Бактрии. Именно в Бактрии сложилось ядро будущей Кушанской державы, но история ее создания известна пока очень плохо.

Монеты, немногочисленные надписи и отрывочные сведения китайских летописей рассказывают, что основатель Кушанского царства — великий правитель Кудзула Кадфиз — не ограничивался Бактрией, а двинул войска на юг и завоевал области Афганистана и Северной Индии. Самым известным из кушанских царей был Канишка, при котором эта империя достигла особого расцвета. Смелый воин и мудрый политик, Канишка был последователем и распространителем буддизма. В период расцвета Кушанская империя охватывала огромную территорию, включая нынешнюю Северную Индию, Западный Пакистан, Афганистан, многие районы Средней Азии. Раскопки в Средней Азии показали, что в империю входили не только центральные и южные районы Таджикистана и юг Узбекистана, но, возможно, Хорезм, Согд и даже Фергана.

Кушанская империя стояла в одном ряду с тремя другими могущественными империями — Римом, Парфией и ханьским Китаем. Китайский лазутчик, проникший в 250 году до н. э. в Индокитай, сообщал императору, что весь мир поделен между тремя самыми сильными государями: римским, кушанским и китайским.

В Китае опасались усиления могущества Кушанов и предпринимали частые попытки захватить их восточные владения. Однако Кушаны располагали значительной армией, и многие их области, в частности Кангюй (северная часть Средней Азии), сохраняли в отношениях с Китаем независимую позицию. Один из китайских чиновников с явным неудовольствием писал, что правитель Кангюя «горд и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками».

Защищая свою независимость, Средняя Азия вместе с тем щедро одаривала соседей своими культурными достижениями. Именно отсюда заимствовали китайцы многие культурные растения, в том числе люцерну, виноградную лозу, а возможно, и хлопок. Именно через посредничество купцов и ремесленников Средней Азии Китай знакомился и с достижениями греко-римского мира.

Торговые и культурные связи Кушанской империи были огромны. С немалым удивлением находят археологи монеты кушанских царей в лесных районах Урала, около Перми, Киева и в древних городах Восточной Африки. Искусно выполненная индийская статуэтка из слоновой кости украшала дом римского богача в Помпеях, а среднеазиатский мастер в Душанбе изготовлял фалары с изображением юного Диониса. Кушанские купцы привозили товары в египетскую Александрию, а римские торговцы приезжали во многие города Кушанской империи, в Индию, Среднюю Азию, Афганистан. Раскопки царского дворца в Беграме (Афганистан) свидетельствуют, что кушанские правители предпочитали пользоваться стеклянными бокалами, изготовленными в Риме, а женщины Таксилы (на территории современного Пакистана) кушанской эпохи с удовольствием носили золотые серьги с подве-



Живопись Пенджикента. VII век н. э.

Айртамский фриз. I век н. э. Термез.

сками, которыми задолго до этого гордились модницы древней Эллады.

Особенно тесными стали связи Кушан с Римской державой в эпоху императоров I—III веков н. э. Монеты Августа, Траяна, Нерона, Антонина Пия и других императоров найдены в Индии, Средней Азии, Афганистане. В этот период римская знать закупала индийские пряности и драгоценные камни. Из Римского Египта на Восток также шли различные товары. На Афрасиабе (древнем городище Самарканда) советские археологи обнаружили египетский флакон римского времени, в Термезе — глиняную фигурку римского воина. Постоянные морские трассы соединяли Кушанскую империю с Западом и Востоком. Страбон сохранил рассказ о прибытии купцов из Индии к Цезарю Августу. В 99 году почетными гостями Рима были кушанские послы, которые участвовали в победных празднествах императора Траяна. За полторы тысячи лет до Васко да Гамы смелые мореходы установили связь между морскими воротами Кушан — портами Западной Индии и Египтом.

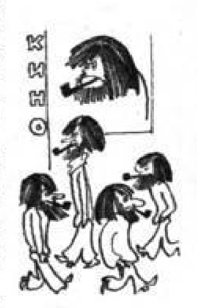
Именно в кушанскую эпоху был проложен первый в истории межконтинентальный «Великий шелковый путь», который протянулся из империи Хань в Китае через земли кушан и парфян к римскому Средиземноморью. Монеты кушанских царей Канишки и Хувишки ярко отражают этническую и культурную пестроту огромной империи, говорят о сближении и сосуществовании различных культур, идей, верований и традиций. Здесь и иранский бог Солнца и огня Митра и могущественный бог Кумара, среднеазиатская богиня плодородия Ардохшо и греческий бог Солнца Гелиос, греческая богиня Луны Селена и бог эллинистического Египта Серапис. Надписи на монетах называют имя Будды и одновременно Ахурамазды — верховного бога иранского пантеона, а также Охшо — божества реки Вахш (в Таджикистане).

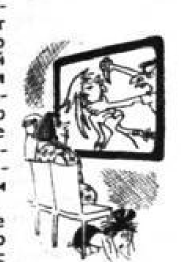
В эпоху Кушан достигли наивысшего развития в древности культурные связи народов Индии и Средней Азии с областями Средиземноморья. Однако в истории этой эпохи больше темных страниц, чем прочитанных. Нам многое еще неясно о происхождении Кушан, их хронологии (местные цари датировали надписи по неизвестной нам эре), точных границах империи и о многом другом.

Советский Союз предложил провести по линии ЮНЕСКО международную конференцию, посвященную истории, археологии и искусству кушанской эпохи. Она состоится осенью этого года в городе Душанбе, в окрестностях которого обнаружено так много кушанских памятников. Крупнейшие ученые многих стран мира обсудят сложные проблемы, связанные с загадочным государством, обменяются мнениями, ознакомятся с новыми памятниками, открытыми советскими археологами в Средней Азии.

МЫСЛЯМИ О «ЯДОВИТОЙ КИНОПИЩЕ» ДЕЛЯТСЯ
заместитель министра охраны общественного порядка СССР, и учитель из Карабулака

Какие мы смотрим фильмы









ЗАРУБЕЖНЫЙ «ИДЕАЛ» И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Письмо тов. Строганова в № 21 «Огонька», которое обсуждают читатели, затрагивает одну из наиболее острых проблем практической деятельности органов охраны общественного порядка, борьбу с преступностью несовершеннолетних.

Выявилась зависимость между противоправным поведением подростков и вредным влиянием на них кинофильмов, содержащих в себе элементы насилия, секса, жестокости, садизма. Эта зависимость проявляется в преступлениях, носящих прямо подражательный характер.

Выборочное социологическое обследование позволило установить, что есть такие несовершеннолетние правонарушители, которые совершили преступление под непосредственным воздействием иностранных фильмов, просмотренных ими. В их сознании фильмы сформировали «идею» подавления слабого сильным, культа физической силы, нетоварищеское отношение к женщине, утвердили и многие другие отрицательные черты.

Психологической особенностью несовершеннолетнего является его стремление найти объект для подражания — «идеал». Таким «идеалом» часто и становятся герои фильмов, проповедующих мораль капиталистического общества. После просмотра кинокартины «Под черной маской» группа учащихся Карагандинского техникума, закрыв лица шарфами — как герои фильма! — в один вечер совершили семь ограблений. Студенты строительного техникума в Семипалатинске после демонстрации кинокартины «Шайка бритоголовых» тоже стали копировать поступки «героев». Подобную же реакцию вызывали фильмы «Фантомас», «Великолепная семерка», «Брак по-итальянски», «Ограбление по-итальянски» и другие.

Даже те кинокартины, которые обладают несомненными художественными достоинствами и глубоким содержанием, неправильно воспринимаются подростками, если не рассчитаны на их возраст. Помимо всего прочего, это говорит о необходимости крайне строгого соблюдения возрастных ограничений, устанавливаемых для проката некоторых фильмов, а также об ограничении показа подобных кинокартин по телевидению.

Министерство охраны общественного порядка СССР считало бы весьма полезным разговор обо всем этом непосредственно в редакции журнала «Огонек».

Б. ВИКТОРОВ,
заместитель министра охраны общественного порядка СССР

НУЖЕН ПОРЯДОК В «ХОЗЯЙСТВЕ» КИНО

Дорогой «Огонек»! Прошу извинить за некоторую резкость тона, но уж очень трудно сохранять «джентльменскую» учтивость, когда участвуешь в разговоре о «ядовитой кинопище».

Глубоко прав тов. Строганов: за последние годы нашего зрителя изрядно подкармливают тухлой «кинопищей», преимущественно зарубежного образца. И эта гниль, к сожалению, не убывает. Скорее, наоборот. Смотришь на «героев» этих фильмов и думаешь: господи, до чего же дожили мы, создатели «Чапаева», коли уж стали все это потреблять! А с какой радости?!. От какой нужды?.. За рубежом есть талантливые фильмы, их-то и следовало бы покупать!

Видимо, дело отбора и покупки фильмов за рубежом находится в руках не весьма разборчивых. Вот бы подключить к этому делу мастеров кино, таких, как Бондарчук, Гарин, Быстрицкая... Наверное, зеленая улица для пошлости и мещанства была бы закрыта!

К тому же дурной пример заразителен: «создавать» нечто «ходкое» и легкое по протоптанному стандарту куда легче, чем работать над большой и сложной темой. И так уж в ряде наших отечественных фильмов намечаются подобные мещанские стандарты.

Мы против тех «новаторов», которые, подражая западным образцам, сдабривают свои творения изрядными порциями пошленького секса, а после этого начинают жаловаться на зрителя за то, что он, дескать, не понимает «Теней забытых предков»... Упрекаем зрителя в примитивной всеядности и склонности к пошлятине, но кто же в этом виноват, если не мы сами, когда исподволь приобщаем людей, не всегда еще искушенных, к мещанским идеалам и взглядам.

Не буду повторять того, что уже сказано читателями «Огонька» о дурном влиянии кинофильмов с убийствами, ограблениями, сексом на нежную, почти не защищенную психику нашего юношества, часто и детей, особенно в условиях сельского кинопроката. Вспомним-ка лучше, товарищи взрослые, свое детство и свою юность. На каких же прекрасных фильмах мы-то с вами воспитывались! А теперь поставим себя на место нашего сегодняшнего юного поколения... Да от такого зрелищного «месива», которое мы обрушиваем на молодежь, очуметь недолго!.. В печати мы иной раз здорово критикуем господ американцев с их порнографией, комиксами и гангстерскими кинобоевиками, но самим-то нам зачем приобщать наших юнцов к этому?

И зачем представлять кинозрителю, как это делает журнал «Советский экран», сомнительных американских и прочих «кинозвезд»?

Лино Вентура, например, «не признает сложных симфонических произведений и любит только хороший джаз и вестерны», а об искусстве мыслит «довольно узко».

Может, стоит зрителю больше рассказывать о своих киноталантах? О том, что они сделали и еще сделают для нас?..

Подытоживая, скажу: «Огонек» весьма своевременно вызывает нас на дискуссию «О ядовитой «кинопище». Настала, видимо, пора навести порядок в хозяйстве социалистического кино! Пора избавить его от мелкобуржуазной халтуры, как зарубежной, так и своей. Ибо часто эта халтура граничит с идеологической диверсией, пусть не всегда злоумышленной, но кому от этого легче?!

С искренним уважением
учитель В. АНТОНЕНКО.

Астраханская область,
с. Карабулак.





Вс. МАЛАШЕНКО

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ

УДАЧА

На обсуждении спектакля меня хвалили. Один очень известный критик сказал так: «Успех прежде всего в бережном, трепетном отношении к авторскому замыслу, а это такая редкость на театральных подмостках. Актер понял драматурга. Поразительное проникновение во внутренний мир своего героя. Сначала тихий, я бы сказал, застенчивый, он лишь наблюдает, как бы прислушиваясь к интонациям окружающей среды. Актер передает эмоции скупыми пластическими средствами. Согнутые колени, испуганные глаза, прерывистое дыхание... Но вот легкое нарушение ритма, и мы видим иной пластический рисунок, полный динамики и экспрессии. Актер наделяет своего героя раздумьем, страстным желанием преодолеть преграды, так неожиданно предложенные автором произведения. Образ становится значительней, глубже. Герой уже способен к самообороне, он понимает: в норе не отсидишься, бегством не спасешься. Да и куда бежать? Кругом темный лес! Актер логически точно приводит своего героя к решению идти вместе с новыми друзьями вперед, навстречу опасностям. В финале, когда враги вот-вот растерзают смельчака, актер очень оригинально использует голосовые модуляции, в них радость, веселье, вера в победу. Это очень серьезная актерская работа, это настоящая творческая удача».

Я играл в этом спектакле для детей дошкольного возраста главную роль — Зайца.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Обсуждение новой пьесы окончилось. Автора увели в кабинет главного режиссера, члены художественного совета разошлись... И лишь двое продолжали спорить.

Один говорил:

— Да, да, да, мы счастливы, что такой знаменитый, такой талантливый писатель принес свое новое произведение именно в наш театр. Хотя он больше прозаик, чем драматург, но надо, надо привлекать. Со временем он может стать настоящим драматургом. Есть знание современной жизни, намечены характеры, но уж очень неумело, вяло строит сюжет.. И слишком много публицистики. Никто не спорит, новые формы необходимы! Я приветствую его рассказ о настоящем через прошлое и затем прыжок из прошлого в будущее. Пусть будут сны, превращения! Все пусть необычно, не как у других. Смело? Не знаю. Хорошо ли? Сомневаюсь. Между нами говоря, все это (тут он оглянулся) уже было. Особенно там, во Франции, в Англии. Я знаю, я видел! Опять же насупротив, в соседнем драматическом, второй год на афише подобная феерия. Положим, нам на это наплевать, мы академический. Но давайте хоть раз в жизни будем откровенны: что нового прибавит эта пьеса к нашим традициям? Что нового, я спрашиваю. И отвечаю: ничего. А если пьеса ничего не прибавляет, не развивает, не продолжает, то (небрежный взгляд по сторонам, так, на всякий случай) пусть ее другие играют. Я уж не говорю, что в пьесе ни одной, ни вот такусенькой сколько-нибудь приличной роли для (нет, он не указал на себя) наших корифеев. Кто играть-то будет? Мальчишки. Они биомеханики и не нюхали, они с Качаловым только по портретам знакомы. Вот рассуждать, дискуссии разводить на репетициях — этому все научились. А играть-то, играть-то кто будет? Какая бы пьеса ни была, ее играть надо! (Достав большой клетчатый носовой платок, вытер лоб, потом шею — устал.)

И тогда заговорил другой:

— И сыграем! Еще как сыграем! Автор-то талантлив. Ведь это счастье, что прозаик пришел в драматургию. Прозаик всегда лучше знает жизнь, он наблюдает явления, он обобщает, он даже, черт его побери, пишет статьи в газетах. Я знаю, я читал! А то, что новичок на театре, так это даже хорошо. Радоваться надо. Он и не ведал, что эти формы уже давно известны. Ему-то кажется, что он их выдумал сам, впервые. А нам нужны новые формы! Пусть зритель увидит сегодняшний день через будущее, обращенное в прошлое. Конечно, это было. В искусстве все было. И что же, спрашиваю я, из-за этого надо отказаться от пьесы? Нет, никогда, ни за что. Для нашего, академического, это, если уж на то пошло, освежающая струя! Мы и Западу нос утрем. Подумаешь — Англия, Франция! Еще на поклон придут. А уж обращать внимание на разные драматические, городского подчинения, нам ни к чему. У нас свой путь, своя линия, и не первый десяток лет. Впрочем, думаю, что режиссер все же будет опираться на традиции, отталкиваться от них. Я уверен, что новый (это сказано громко, многие могли услышать) главный уже вынашивает решение. Не случайно такое распределение ролей, все продумано, все взвешено. И я, кажется (опять громко, от души, искренне), понимаю его замысел! Меня это греет. Биомеханика при таком прочтении совершенно не нужна, более того, она вредна. Это будет интеллектуальная комедия. Новый жанр!.. (И, достав из кармана, кажется, театральный календарь, что-то записал.)

Оба они удивительно похожи друг на друга. Разница лишь в том, что одному дали роль в новой пьесе, а другому — нет, не дали.

МОЙ ДЕД И ТЕАТР

Дед появился неожиданно. Еще в передней, прежде чем расцеловаться с мамой, он оглядел меня так пристально, что стало ясно: дед приехал специально разузнать, какой такой я артист. Мама ему написала о моем успехе в новой роли. Мама оповестила о столь важном событии чуть ли не всех родственников и знакомых.

И вот примчался дед.

— Вечером погляжу, как ты людей изображаешь... Доставай мне билет сию минуту.— И торопливо стал разворачивать гостинцы.

С большим трудом удалось мне достать пропуск на откидное место. Проводил я деда к театральному подъезду и побежал гримироваться. После третьего звонка я заглянул в щелочку занавеса и увидел деда, деловито и серьезно рассматривающего зрителей.

Спектакль показывал студенческую жизнь. Мой герой, деревенский парень, честный, прямой, упорный в учебе, предлагает отправиться всем курсом в далекую Сибирь. Меня хвалили за эту роль, да и играл я ее уверенно, потому что, в общем, играл самого себя.

Спектакль прошел хорошо. По окончании, как мы и договорились, дед ждал меня на улице. Ни о чем не расспрашивая, он сочувственно похлопал меня по плечу.

— Пошли, пошли, а то дома, небось, заждались.

— Ну, дедушка, рассказывай, понравился ли тебе спектакль.

— Понравился. Особливо твое предложение, чтобы молодежь возвращалась в родные места. А то все норовят по столицам приткнуться. А ведь и в деревнях люди живут... и неплохо.

— Ну, я-то как «изобразил»? — припомнил я его же выражение.

— А что тебе там изображать-то? Я отвечу сей миг, а ты уж дома меня не выпытывай. Конечно, я в вашем театре не разбираюсь, что там у вас за декорации, но одно мне ясно, как божий день: до настоящего артиста тебе еще далеко. Я настоящий театр в кино видел! Меня не обманешь. Ты что мне изобразил? Ничего! Вот такой, как ты есть, и явился перед публикой. А кому ты такой нужен? Ты артист, должен представлять, чего я не знаю. Ты удивить меня должен на всю жизнь! А то вышел сам собой. Видать, плохо учили тебя. Но ты не унывай, парень ты упорный. Старайся, и все наладится.

Я не знал, что ответить. В его воображении перепутались театр и жизнь. Мне казалось бесполезным объяснять ему, что это был не я, а другой человек, образ, придуманный писателем.

На другой день, сославшись на трудности деревенской жизни, дед уехал.

Прошло полгода. Наступило время отпуска, и мы, как всегда, поехали отдыхать в деревню.

По тому, как встретили меня соседи и знакомые, я понял, что дед не очень распространялся о моей артистической карьере. Раза два соседские девчата попросили почитать им стихи Сергея Есенина, да и то в узком семейном кругу. Дед на этих вечерах стоял обычно поодаль и глядел не на меня, а куда-то в сторону, тяжко вздыхая.

Однажды утром я играл у дома с сестренкой. Сочинял ей всякие небылицы про Кощея, про Иванушку и Серого волка — такие игры были для меня веселым отдыхом. И вот, изображая петуха, на радость сестренке, я громко прокукарекал:

— Ку-ка-ре-кууу!

(Еще в театральном институте я увлекался звукоподражанием.)

— Ку-ка-ре-кууу!

И вдруг распахнулось окно, и я услышал дедов голос:

— Запел! Запел, разбойник! Я уж собрался его порубать.— Он выбежал и засеменил к курятнику.

— Ку-ка-ре-кууу! — еще громче запел я по-петушиному.

Дед остановился.

— Где это он, окаянный, мается?

Но только он повернулся спиной, я, подражая щенку, стал лаять:

— Гав-гав-гав!

Дед завертелся на месте. Тогда я жалобно заскулил, будто щенку наступили на лапу. Дед поднял ногу, другую, боясь раздавить скулящую собачонку. Сестренка не выдержала и захохотала.

Дед стоял посередине двора, растерянный, непонимающий... И вдруг лицо его потянулось в улыбку, он радостно вздохнул, словно с его плеч свалилась огромная ноша.

— Артист! Да ты самый, самый настоящий артист!!!

Вот как пришло ко мне дедово признание.

ПРЕМЬЕРА

Сегодня премьера. Я иду мимо широких стеклянных витрин, блестящих лакированных автомобилей, мимо вечной суеты прохожих. Что мне до них! Что им до меня! Я не чувствую на себе жадных, любопытных глаз. Они не подозревают даже, что я артист. Какой-то паренек с рюкзаком за спиной задел меня. Знай он, что случится через каких-нибудь два-три часа, он бы остановился, скинул бы свою ношу и долго-долго смотрел бы мне вслед. Или эта толстуха с авоськами, знает ли она? Впрочем, ее, вероятно, не интересует искусство... Вот и девушки даже головы не повернули. Уж они-то горько пожалеют об этом, когда часами будут простаивать у театрального подъезда в ожидании моего выхода. Они еще будут коллекционировать мои портреты и автографы. Так устроен мир! Вче-



РАССКАЗЫ

ра — неизвестный артист, исполнитель эпизодических ролей, а сегодня...

Сегодня премьера! У меня главная роль. Я — музыкант, чуть не погибаю во время пожара. Мои музыкальные руки обожжены... Если бы со мной такое приключилось в жизни, на самом деле? Вот уж забегали бы! Мама в слезах, друзья не отходят от постели, дед примчался из деревни. А я лежу на диване с перебинтованными руками и всех успокаиваю. Гордый, бесстрашный. Мне не нужна жалость!.. Я смотрю на часы — через каких-нибудь полтора часа...

Премьера прошла, что называется, на ура. Когда из горящего дома сквозь красные языки пламени меня вынес капитан дальнего плавания — эту роль исполнял недавно вступивший в труппу популярный киноартист,— в зрительном зале послышались рыдания... Восемь раз давали занавес. Зрители стоя аплодировали, вызывая нас на поклон. Меня все поздравляли с удачей: режиссер, актеры, гримеры, рабочие сцены...

Усталый, но счастливый выхожу из театра, и вдруг навстречу девушки с цветами, улыбками... Я смутился, растерялся, хотя в общем-то предчувствовал, что именно так все и случится, я был готов уже отдать себя на съедение поклонницам. Но они почему-то пробежали куда-то мимо меня. Я обернулся и увидел за своей спиной нашего популярного киноактера... Они бежали к нему.

А роль у него незначительная, почти без слов.

ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

Роль — на страничку. Но как ее сыграть? Все кажется непонятным... вопросы, вопросы...

Вновь и вновь перечитываю пьесу. Вопросов все больше. Почему я, бригадир, торчу в рабочее время в кабинете директора? Зачем надо стране столько шестеренок? Что вообще выпускает завод? В конце сцены ни с того ни с сего угрожаю директору и, уходя, хлопаю дверью. Непонятно.

Читаю подряд все газеты о заводской жизни, не пропускаю ни одной телепередачи, хожу в кино на документальные фильмы, одолел даже толстую книгу о строителях химкомбината... А пользы никакой.

Плохо сплю, стал раздражителен...

Режиссер вовсе не останавливается на нашей сцене. Или ему нравится, или не нравится? Ни единого замечания. А я-то чувствую, что все фальшиво, все неправда. Вконец измученный, решительно подхожу к нему после репетиции.

— Не выходит роль, не чувствую ее. Не могу найти верную логику поведения. Кричу много, потому что надо перекричать стук молотков за кулисами. Что это, шум завода? В чем сверхзадача роли? — умоляю я режиссера.

— Сверхзадача?— Он смотрит на меня странными, усталыми глазами.— Все очень просто. Пока идет ваша сцена — на втором плане устанавливают храм Василия Блаженного...

ВТОРОЙ СОСТАВ

В «Грозе» я получил две роли: купеческого сынка в толпе гуляющих и Тихона во втором составе. Купеческий сынок меня не привлекал, а вот Тихон... Роль потрясающая!

Прочитал все о «Грозе», изучил фотографии, еще раз посмотрел известную кинокартину... Не пропустил ни одной репетиции — надеялся: вдруг первый исполнитель заболеет, или уедет на съемки, или еще случится что-нибудь такое. Но ничего такого не случилось, и на премьере я играл купеческого сынка в толпе гуляющих.

А месяца через три начались репетиции по вводу меня на роль Тихона. Ассистент режиссера, усталый, недовольный, пробежал со мной всю пьесу, и однажды утром был назначен прогон всего спектакля. Я загримировался, оделся, еще и еще раз повторил текст, мысленно проверил мизансцены. Репетиция началась! Все шло как по маслу. Не было только Кудряша (почему-то не явился исполнитель), но за него проговаривал текст все тот же ассистент режиссера.

Неожиданно в зрительном зале появились директор, главный режиссер, управляющий труппой, зав. литературной частью, музыкальной, администратор...

— Стоп! — кричит главный, поднимается на подмостки — и прямо ко мне.— Так,— говорит он, взбивая мои прилизанные волосы.— Отлично! — Он оглядывает меня с головы до ног, расстегивает на мне поддевку, щурится.— Так, так. А голос звучит?

— Звучит! — радостно сообщаю я.

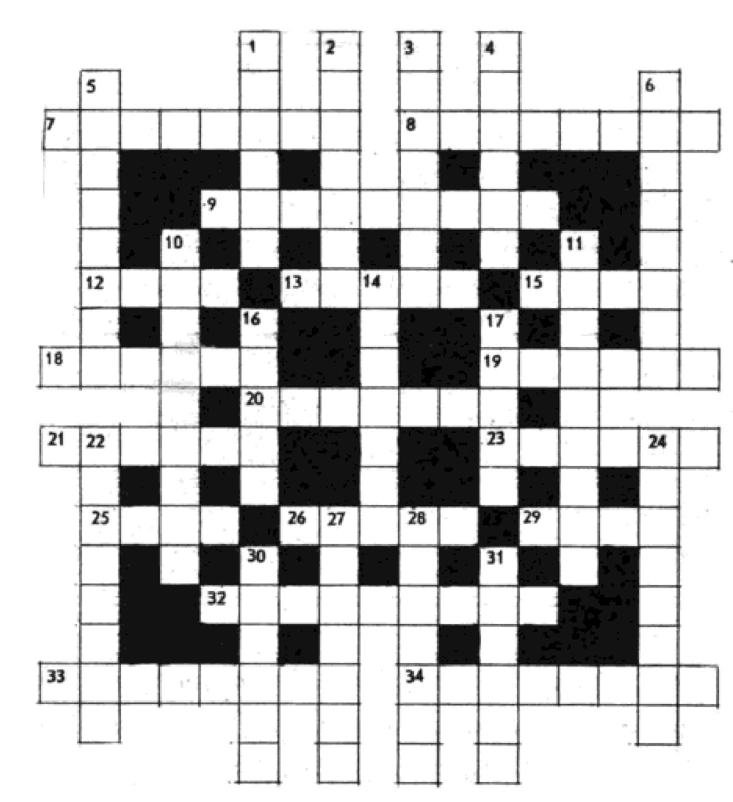
— И отлично. Вечером у тебя премьера: в первый раз играешь Кудряша!

— Тихона,— робко поправляю я его.— Ти-хо-на!..

— Ку-дря-ша! — говорит он мне в тон.— Разве тебя не известили?— И он грозно поворачивается в сторону управляющего труппой.— Оба Кудряша больны. Выручай, голуба! Заменять спектакль не имеем права! — Взгляд в сторону директора.— Я в тебя верю! — Вздохнул и, похлопав меня по плечу, удалился.

Вечером я играл не Тихона во втором составе, а Кудряша в третьем. А как играл, не помню.

КРОССВОРД



По горизонтали:

7. Курорт на берегу Балтийского моря. 8. Хищный зверек семейства куньих. 9. Точка пересечения трех высот треугольника. 12. Жанр народного поэтического творчества. 13. Река в Забайкалье. 15. Лошадь малорослой породы. 18. Советская писательница. 19. Головной убор. 20. Автор комической оперы «Виндзорские проказницы». 21. Название некоторых видов ив. 23. Водоплавающая птица. 25. Музыкальный ансамбль. 26. Твердое топливо. 29. Сорт картофеля. 32. Пьеса Л. М. Леонова. 33. Вид керамики. 34. Учение об ораторском искусстве, красноречии.

По вертикали:

1. Осветительный прибор. 2. Город в Северной Италии. 3. Классификация предметов, явлений. 4. Европейское государство. 5. Столярный инструмент. 6. Наружная оболочка глаза. 10. Химический элемент. 11. Роман Ф. М. Достоевского. 14. Корзинка для грибов и ягод. 16. Искусственное русло. 17. Затишье, безветрие. 22. Собственноручная надпись. 24. Травянистое растение, медонос. 27. Остров в Атлантическом океане. 28. Розыгрыш вещей и денежных сумм. 30. Персонаж романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 31. Метод научного исследования.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

4. Лексикология. 7. Кантилена. 8. Дарвин. 10. Талька. 12. Радищев. 14. Самарий. 16. «Парнас». 18. Белокуриха. 21. Мурена. 23. Мазурка. 24. Пигмент. 25. Купава. 27. Ядрица. 28. Ротапринт. 29. Пржевальский.

По вертикали:

1. Асфальт. 2. Почтальон. 3. Солодка. 5. Пластика. 6. Пристань. 9. Белобочка. 11. Направник. 13. Антенна. 15. Ильюшин. 16. Пелым. 17. Спица. 19. Трубадур. 20. Гуменник. 22. Репертуар. 25. Кларнет. 26. Аральск.

●

На первой и последней страницах обложки: Под Курском, Орлом, Белгородом горы разбитой и сожженной боевой техники врага остались на поле боя. А вот и герои боев: артиллеристы поддерживают огнем атакующую пехоту; разведчик старший сержант Василий Сметанин.

Фото М. Савина и Г. Санько, 1943 год.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

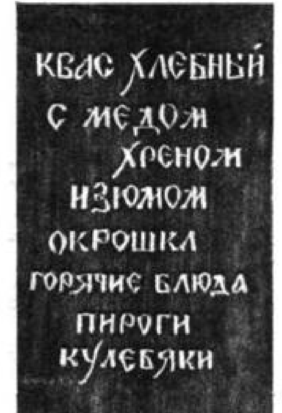
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00454. Сдано в набор 16/VII-68 г. Подписано к печ. 30/VII-68 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 050 600 экз. Изд. № 1416. Заказ № 1979.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

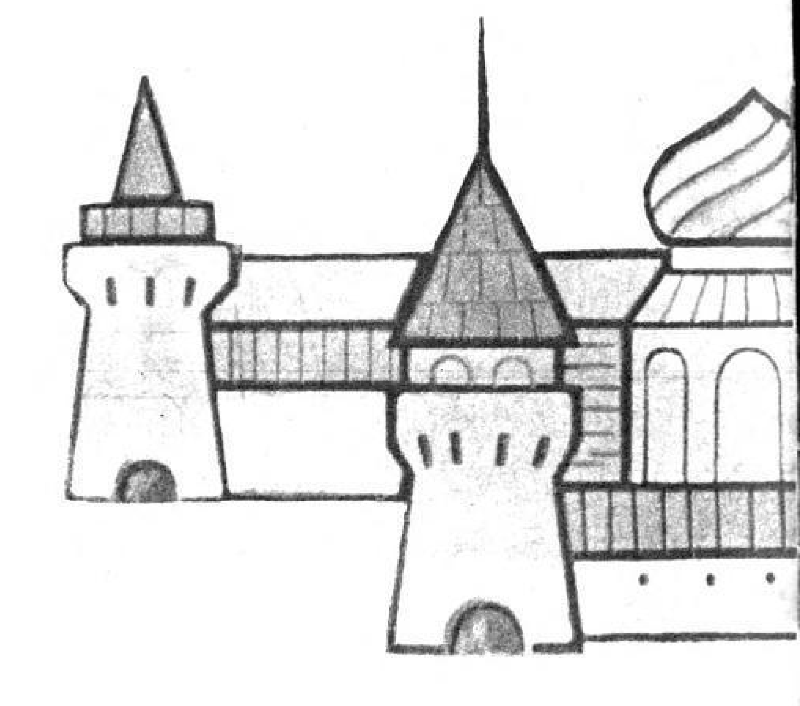


Добро пожаловать, путник!.



К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

Специальные корреспонденты «Огонька»



В Кромах, поселке в общем-то небольшом, за летний день выпивается более тысячи кружек кваса. Одним кромчанам столько не осилить, но бывают тут не только жители Кром или Орла. Слава об этом квасе широко идет по автомагистрали Москва — Симферополь.

...Резные наличники, горластый петух на крыше, столитровые бочки — это и есть «Русский квас», непривычных достоинств общепитовская точка, почему-то названная «кафе» и расположенная на 398-м километре одного из самых оживленных наших трактов — на шоссе Москва — Симферополь. Снуют по этой дороге машины с утра до полуночи. И редко кто устоит перед искушением остановиться близ верстового столба, издалека извещающего о том, что тут вас попотчуют отменными квасами.

Было здесь прежде обычное кафе, каких, к слову сказать, тоже маловато на Симферопольском шоссе. Торговали супом, какао с молоком, угощали — когда их привезут из Орла — пирожками фабричного приготовления, водочку держали...

Но пришла кому-то в Орловском облпотребсоюзе идея открыть тут квасную. Незатейливое, казалось бы, дело. Немало дней прошло, пока получили разрешение на такую трансформацию. «Доброжелатели» утверждали: прогорит новое заведение на таком питье, как квас. Кружка самого дорогого, с вишнями,— 20 копеек, а простого — шесть. Набери-ка тут плановые сотни! Но и председатель облпотребсоюза Н. Фролов и его заместитель И. Шевырин решили довести дело до конца. Закрыли старое кафе, поручили мастерить дубовые столы и лавки. А художники и архитекторы меж тем сдали проект переустройства бывшей забегаловки. И теперь квасная отлично выглядит — с широкими, светлыми окнами, крытая железом, без погреба, но с холодильниками... Осовремененная...

Открыли квасную, определили понедельник выходным днем, но вскоре отказались от него: посетитель пошел так густо, что пришлось, кроме того, две смены вводить. И тотчас забылись опасения (с планом-де не вытянете). Оборот резко возрос. И доля кваса в нем значительна: пьют квас! Охотно пьют.

Семь сортов — на выбор. Острый, крутой — с хреном; ласковый — с медом; изысканный — с вишнями; на любителя — с мятой; сухарный — этот попроще, подешевле... «...Русские жители... позаботятся достичь до таких способов производства кваса, которые обеспечивали бы не только разнообразие вкусов, но и питательность, сохраняемость и гигиеническое значение, которые присущи квасу»,— сказал однажды Д. И. Менделеев.

Чтобы не оказаться в убытке, мастерицы варить квас — повара Л. Аверкина и Е. Кузьмина, буфетчица Т. Бельская, товарищи их по делу — придумали и яства к нему. Фирменное объедение — мясо, печенное в запечатанном тестом горшочке. Очень вкусно. Порция — 52 копейки. Можно, понятно, выбрать что и подешевле — окрошку или суп гороховый, блины с маслом или с тем же медом... Сейчас неподалеку от квасной строят пекарню, будет она давать основу для орловского белого кваса. И тогда к семи бочкам прибавят еще одну. Словом, красна эта изба и углами и пирогами. Но — одна на всю многосоткилометровую дорогу от Москвы до Симферополя! В облпотребсоюзе говорят об этом с вполне определенной интонацией: «пока одна». С ударением на слово «пока». Успех «Русского кваса» вызвал такой всплеск инициативы у работников Орловского облпотребсоюза, что если осуществятся их планы, то отрезок дороги Москва — Симферополь, тот кусок дороги, что проходит по территории области, превратится в один из самых гостеприимных. Открыли придорожное кафе «Березка», ладят проект «Тещиных блинов». А об одной задумке надо сказать обстоятельнее и поддержать ее всячески. Стоит в Мценске старый, внешне ветхий, со следами забвения, но еще крепкий «Дом боярина» — жил тут когда-то воевода. Два этажа над рекой. Задумали кооператоры переоборудовать их под ресторацию. Название не менять — «Дом боярина». Реставрировать его, вернуть ему (чертежи и старые планы есть, их нашли) тот самый вид, какой был, когда дом еще в XVII веке поставлен был. Сохранить постройку как памятник русской архитектуры и утилитарно использовать ее. Расчистить заваленный сейчас подвал, торговать тут сбитнями, медами разными — Орловщина их немало знает. Первый этаж пустить под ресторан, повыше — под кафе. Все рассчитано бережно и точно — ущерба старой постройке не предвидится никакого, зато польза очевидная...

Почему бы вообще по-новому не присмотреться к зданиям, что являются памятниками старины, почему бы некоторые из них не сдать в аренду торговым организациям, если есть уверенность, что устроят они там не стандартное питейное заведение, а, скажем, ресторацию, обликом и духом своим близкую тому времени, когда поднялся на земле тот или иной дом, подворье или, скажем, такая крепостенка, как та же боярская постройка в Мценске...

Тут бы и завершить наш репортаж из поселка Кромы. Но надо сказать еще несколько слов, адресовав их, в частности, управлению общественного питания Москвы да и других крупных городов. Дело не в том, что обскакали их орловские кооператоры,— кому-то все равно быть первыми. Непонятно другое: почему многие работники торговли больших городов стараются не заметить орловскую новинку? Здесь побывали гонцы Новгородской и Воронежской областей, некоторых других мест. Увезли с собой документацию, намерены придумать у себя что-то подобное, а может, и лучше. И только москвичи, ленинградцы считают вроде бы зазорным чему-то поучиться в Орле и Кромах — и как варить квас и так торговать им, чтобы доставить удовольствие каждому, кто переступает порог «Русского кваса»...



– Хлебный? С вишнями? А может, с мятой?..

Предобеденное затишье.



КРУЖКА КВАСА

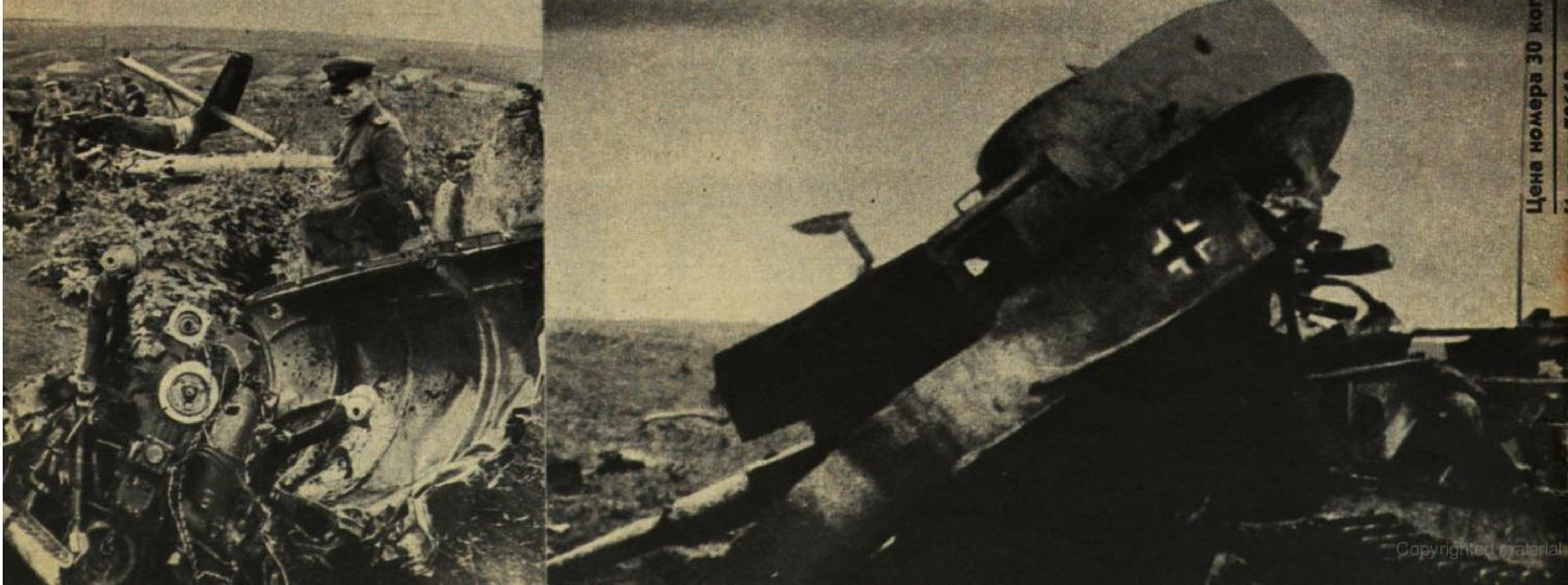
Крут квасок с хреном...

...И хлебный, и с вишнями, и с мятой. И четвертую кружечку — обыкновенного.

Этому — с медом.

Окрошку квасом не испортишь...

Фирменное блюдо — мясо в горшочках, запечатанных тестом.



Цена номера 30 коп.